

ОЧЕРКЪ
дѣятельности Заамурскаго Округа
отдѣльнаго корпуса
ПОГРАНИЧНОЙ СТРАЖИ
въ періодъ минувшей Русско-Японской войны
(1904—1905 г.г.)

По официальнымъ источникамъ и личнымъ впечатлѣніямъ
участника

Поручика **И. К. Шахновскаго.**

Рисунки художниковъ **Троянскаго, Бильдингера** и др.

Клише **Ф. Кройсъ.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія «Энергія». Загородный. 17
1906.

Начальник Заамурского Округа отдельного корпуса
пограничной стражи.

Генераль-Адъютантъ Н. М. ЧИЧАГОВЪ.

В в е д е н і е.

Въ ночь съ 26 на 27-е Января 1904 года надъ Великою и могущественною Россіей разразилась гроза. Японскій флотъ, не объявля Россіи формальной войны произвелъ ночное нападеніе на нашу эскадру, мирно колыхавшуюся въ Портъ-Артурскомъ рейдѣ. Результатомъ этой неожиданности, какъ извѣстно, было пораненіе нѣсколькихъ судовъ.

Одновременно съ этимъ, начавшіе такимъ образомъ войну, японцы организовали нѣсколько отрядовъ и направили ихъ черезъ Монголію на линію сооруженій Китайской Восточной желѣзной дороги съ цѣлью разрушенія м о с т о в ъ. Планъ былъ хорошо задуманъ.

Далекая Маньчжурія связана съ нашей родиною тоненькой ниточкой, именуемой Китайской Восточною желѣзной дорогой и великой сибирской магистралію. Разрушеніе одного изъ крупныхъ сооружений на протяженіи этой ниточки помѣшало бы сосредоточенію русской арміи, подвоза подкрѣплений и снарядовъ, что дало бы японцамъ значительный перевѣсъ, при которомъ они легко могли бы овладѣть всей Маньчжуріей и, пожалуй, всѣмъ приамурскимъ побережьемъ Великаго океана.

Изъ этого каждому не трудно понять, какое огромное значеніе имѣла неприкосновенность линіи желѣзной дороги отъ покушеній врага коварнаго и кичливаго, не брезгавшаго никакими средствами, лишь бы достигъ желанной цѣли.

Однако, мы не можемъ считать возникновеніе непріязненныхъ отношеній между Россіей и Японіей вполне неожиданными. Имѣются документальныя данныя, доказывающія, что Японія начала готовиться къ войнѣ съ нами, правильнѣе къ нападенію на Россію, еще съ 1896 года, обративъ всѣ прибрѣтенныя ею вы-

годы отъ войны съ Китаемъ на устройство своего флота и усиленія арміи.

Такимъ образомъ, къ Январю 1904 года японцы оказались подготовленными, что называется до послѣдней пуговицы и, такъ называемые дипломатическіе переговоры изъ-за того, что мы не выводимъ нашихъ войскъ изъ Маньчжуріи, находившихся тамъ вслѣдствіе извѣстнаго возстанія „Большихъ Кулаковъ“, имѣли лишь цѣлью еще разъ обмануть нашего миролюбиваго Царя и довѣрчивый русскій народъ.

Обманъ японцамъ вполне удался. Самодержавный русскій Монархъ вывелъ изъ Маньчжуріи свои полки и на чуждой намъ китайской территоріи остался лишь заамурскій округъ пограничной стражи, представлявшій собою охранный корпусъ на линіи Китайской Восточной желѣзной дороги.

Независимо отъ охраны пути сообщенія съ Россіей, пограничникамъ приходилось вести непрерывную и энергичную борьбу съ шакалами Маньчжуріи, извѣстными подъ названіемъ хунхузовъ.

Къ счастью, если въ нашемъ далекомъ отечествѣ русскій миролюбивый народъ и не вѣрилъ въ возможность нападенія на великую и могущественную Россійскую Державу на Дальнемъ Востокѣ, все-же находились вѣрные сыны родины и преданные слуги Царя, которые сознавали опасность отъ надвигающейся грозы и молча готовились встрѣтить ее.

Такими сынами нашей дорогой родины, Великой православной Руси, оказались чины Заамурскаго Округа пограничной стражи, во главѣ съ начальникомъ генераль лейтенантомъ Николаемъ Михайловичемъ Чичаговымъ и его Начальникомъ Штаба, Полковникомъ Сергѣемъ Ильичомъ Богдановичемъ.

Генераль-лейтенантъ Чичаговъ не мало сдѣлалъ для преобразованія округа и подготовленія его къ той важной дѣятельности, какъ въ смыслѣ охраненія линіи, такъ и боевой доблести, на которой онъ блестяще выдѣлился за всю истекшую русско-японскую войну.

Никто изъ бывавшихъ въ бояхъ на поляхъ Маньчжуріи не скажетъ, что заамурскій пограничникъ струсилъ, не выполнилъ задачи или безнаказанно подпустилъ врага къ линіи дороги.

Начальникъ заамурскаго округа, едва раздался первый выстрѣлъ, прекрасно понялъ, что одной изъ главныхъ задачъ японцевъ съ открытіемъ военныхъ операцій противъ Россіи явятся попытки разрушить единственный желѣзнодорожный путь, соединяющій Дальній Востокъ съ Россіей съ цѣлью воспрепятствовать сосредоточенію нашей арміи противъ смѣлаго врага, и генераль направилъ всю энергію на охрану линіи желѣзной дороги. Благодаря этому, упорныя и многочисленныя стремленія противника къ уязвленію насъ съ самой чувствительной стороны, стороны подвоза подкрѣпленій изъ внутренней Россіи и сосредоточенія болѣе или менѣе грозной арміи, не могли дать японцамъ сколько-нибудь осязательныхъ результатовъ.

Слѣды столь удивительной прозорливости и столь высокаго чувства долга передъ Царемъ и родиной мы находимъ въ дѣлахъ Штаба Заамурскаго Округа за долго до перваго удара изъ вражескихъ пушекъ.

Такъ напримѣръ, уже въ сентябрѣ 1903 года въ приказѣ по Округу за № 122, мы видимъ ясныя и опредѣленныя указанія начальника Округа своимъ подчиненнымъ на характеръ ихъ занятій въ зимній періодъ. Въ этомъ приказѣ все вниманіе обращается на охрану линіи пути. Далѣе въ декабрѣ мѣсяцѣ уже готовъ специальный докладъ и планъ мобилизаціи на случай возникновенія непріязненныхъ дѣйствій со стороны Японіи. На ряду съ этимъ печатается „памятка Заамурца“, дающая весьма важныя указанія нижнимъ чинамъ на ихъ обязанности и несеніе службы на огромномъ протяженіи полотна желѣзной дороги и, въ особенности, на мостахъ.

Безъ сомнѣнія, энергичный и настойчивый врагъ добился бы успѣха и разрушилъ бы линію, соединяющую Маньчжурію съ Россіей, чѣмъ въ серьезной степени воспрепятствовалъ бы своевременному сосредоточенію нашей арміи, если бы охрана пути находилась не въ такихъ надежныхъ рукахъ, какъ отлично подготовленный Заамурскій Округъ пограничной стражи.

Не будемъ голословны и постараемся доказать приведенное предположеніе фактами, очевидцемъ коихъ не разъ приводилось бывать автору настоящихъ очерковъ.

Развѣдка и охрана

Китайской Восточной желѣзной дороги.

На протяженіи почти двухъ тысячъ верстъ, считая отъ станціи „Маньчжурія“ до прежняго Портъ-Артура и Дальняго, по степямъ и долинамъ, извиваясь между горъ, по ущельямъ, распростерлась тоненькая ниточка, одна стальная колея, именуемая Китайско-Восточной желѣзной дорогой.

Чуждая народность и незнакомая территорія, кишмя кишашая дикимъ людомъ, промышляющимъ грабежамъ беззащитныхъ и миролюбивыхъ землепашцевъ-манзъ, требовали особаго напряженія и въ мирное время, и на Заамурскомъ округѣ отдѣльнаго корпуса пограничной стражи лежала святая обязанность сберечь эту ниточку, поглотившую на постройку огромное количество миллионовъ и колоссальный трудъ. Хунхузы, словно шакалы, вѣчно бродили вдоль этой линіи и если полотно дороги оставалось въ неприкосновенности, то исключительно благодаря бдительности Заамурскаго Округа Пограничной Стражи.

Съ возникновеніемъ русско-японской войны успѣшная охрана дороги находилась въ зависимости, въ значительной степени, отъ хорошей развѣдки. Генераль Чичаговъ, въ качествѣ Начальника Округа, прекрасно понималъ, что охрана дороги много выиграетъ, если подвѣдомственные ему чины не станутъ ограничиваться выжиданіемъ на полотнѣ одноколѣйной ниточки приближенія шаекъ злоумышленниковъ съ цѣлью отраженія ихъ активныхъ дѣйствій. Безусловной гарантіей неприкосновенности желѣзнодорожнаго полотна несомнѣнно являлась освѣдомленность о происходящемъ въ окрестностяхъ расположенія линіи и въ ближайшихъ административныхъ и торговыхъ центрахъ.

Съ этой цѣлью еще въ 1903 году, за нѣсколько мѣсяцевъ до начала военныхъ операцій, Начальникомъ Заамурскаго Округа была наряжена экспедиція противъ одного изъ наиболѣе опасныхъ предводителей хунхузскихъ шакъ Тулисана и его сподвижника Фуленгоо.

Тулисана знало и страшилось все населеніе обширной долины рѣки Ляо-хэ. Его набѣги наводили ужасъ на жителей селъ и деревень, которыхъ онъ грабилъ безпощадно. Оперируя значительной и хорошо вооруженной шайкой въ районѣ желѣзной дороги, онъ представлялъ серьезную опасность въ случаѣ войны съ Японіей, и Начальникъ Округа отлично понималъ опасность отъ близости смѣлой шайки съ ея еще болѣе смѣлымъ, безстрашнымъ атаманомъ. Подобныя соображенія вызвали снаряженіе противъ Тулисана и Фуленгоо экспедиціи, состоявшей изъ 5 сотенъ при двухъ орудіяхъ, подъ начальствомъ капитана генеральнаго штаба Троцкаго.

Въ свое время набѣгъ противъ крупнѣйшей изъ манчжурскихъ хунхузскихъ шакъ нашумѣлъ не только въ Россіи, но и во всей Европѣ. Поручикъ Левшановскій, настигшій съ своимъ разѣздомъ шайку Тулисана въ деревнѣ, былъ раненъ во время ночной атаки инпани¹⁾, но хунхузы Тулисана были почти уничтожены, а атаману едва удалось скрыться, потерявъ въ ночной схваткѣ два пальца.

Къ огорченію всѣхъ участвовавшихъ въ экспедиціи противъ шайки Тулисана и Фуленгоо, по приказанію намѣстника на Дальнемъ Востокѣ, преслѣдованіе атамана и его наперсника Фуленгоо было прекращено.

Когда же возникла Русско-Японская война, японскіе эмиссары, бродившіе по Манчжуріи, не замедлили воспользоваться услугами Тулисана, причинившаго намъ за время военныхъ дѣйствій не мало вреда: его хунхузы, легко превращаясь въ обыкновенныхъ манъ, проникали въ районъ расположенія нашихъ армій, самого Тулисана не рѣдко встрѣчали въ Мукденѣ, мѣстѣ нахожденія нашихъ штабовъ, благодаря чему японцы всегда оказывались очень хорошо освѣдомленными о нашихъ планахъ и намѣреніяхъ.

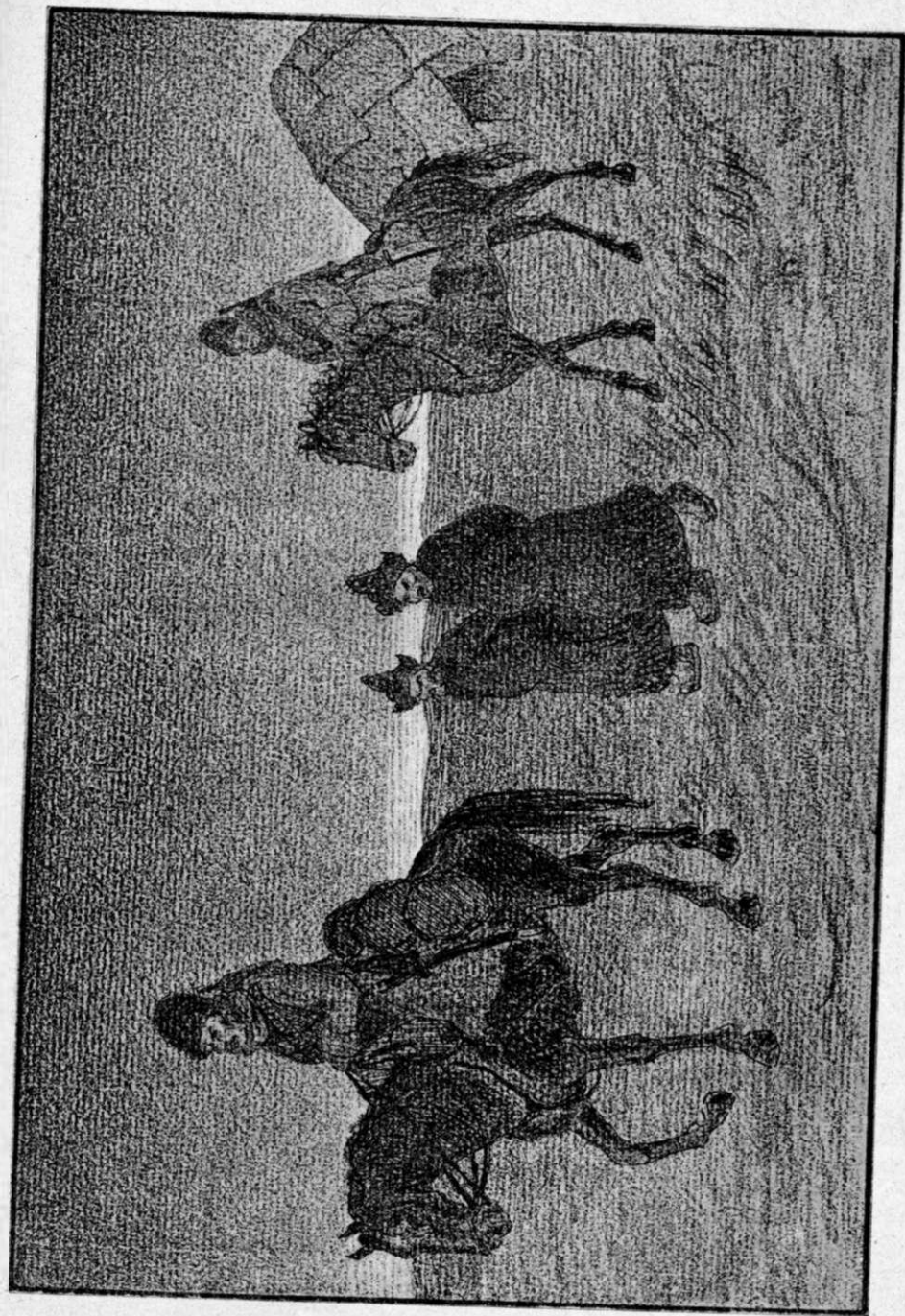
¹⁾ Инпань — укрѣпленное строеніе, обнесенное высокой глиняной стѣной.

Далѣе, вниманіе чиновъ Заамурскаго Округа было обращено на развѣдку и выработку системы охраны желѣзной дороги. Достигнутые результаты великолѣпно иллюстрируются многочисленными происшествіями и настойчивыми попытками японцевъ и хунхузскихъ шаекъ, подъ руководствомъ тѣхъ же японцевъ, разрушить линію или одно изъ его сооруженій.

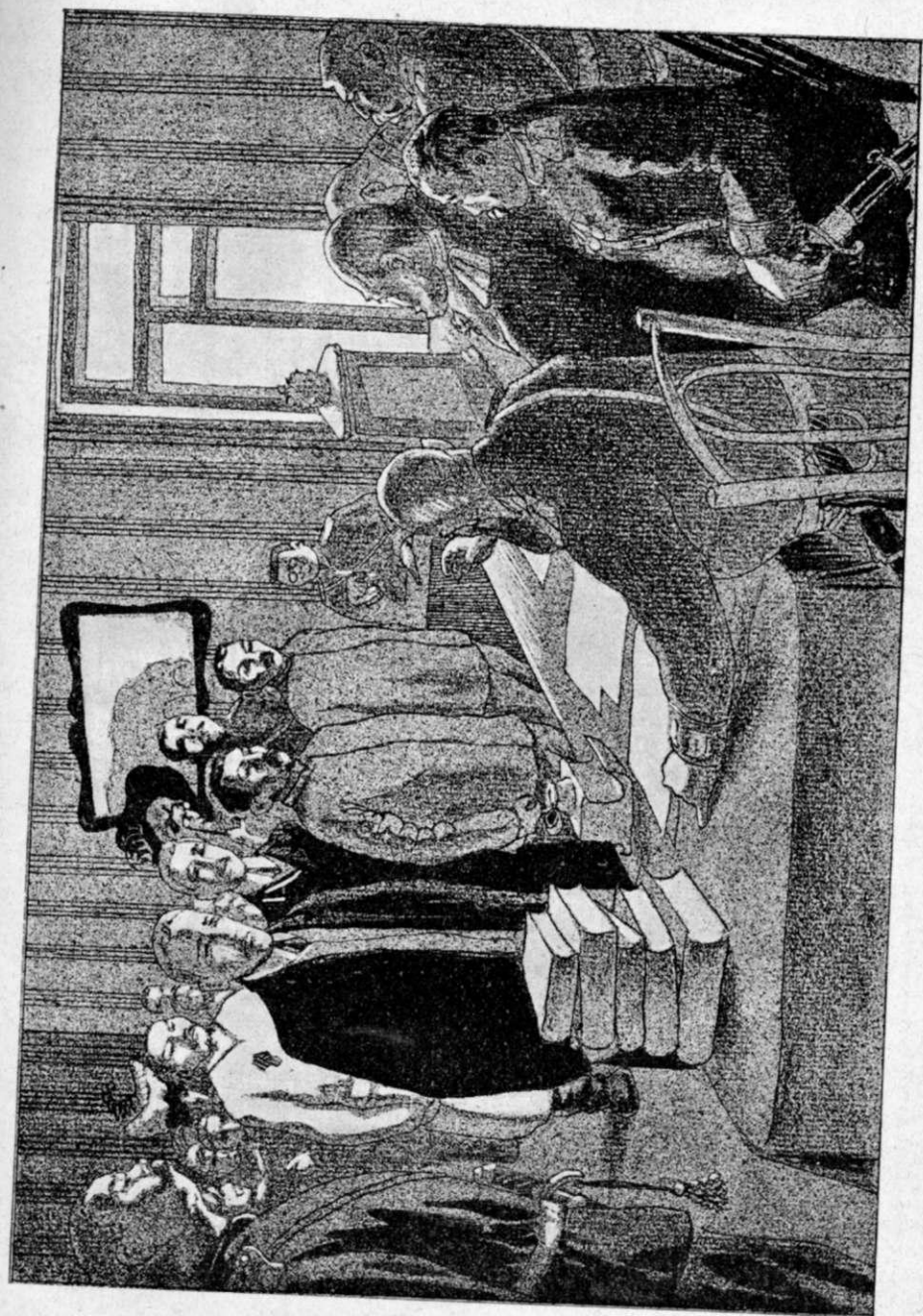
Едва грянулъ первый выстрѣлъ, еще не успѣлъ долетѣть изъ Портъ-Артура въ Штабъ Заамурскаго Округа въ Харбинъ грохотъ орудій, какъ Начальникъ Округа принялъ мѣры къ сохраненію въ полной неприкосновенности сооруженія Китайской Восточной желѣзной дороги. Принятія мѣры оказались не лишними. Съ открытіемъ японцами непріязненныхъ по отношенію къ Россіи дѣйствій, противникъ нашъ организовалъ многочисленныя шайки и направилъ ихъ на различныя пункты желѣзной дороги, такъ же хорошо понимая, что и его успѣхъ въ значительной степени зависитъ отъ воспрепятствованія Россіи сосредоточить въ Маньчжуріи сильную армію, что легко достигалось порчей полотна, а главное—разрушеніемъ хотя бы одного изъ мостовъ или туннелей. Поэтому успѣшное противодѣйствіе необыкновенной энергіи врага являлось возможнымъ лишь при образцовой организаціи развѣдки, разумѣется, параллельно съ старательно выработанной системой охраны.

И хитрый врагъ нашъ, японецъ, не пошелъ прямымъ и ближайшимъ путемъ на линію дороги. Онъ не утратился пустынной, холодной въ ту пору года и голодной Монголіи и направилъ своихъ шпионовъ, прекрасно снабженныхъ всѣми необходимыми принадлежностями для взрыва пути на сѣверную часть Маньчжуріи, рассчитывая напасть на болѣе отдаленныя отъ Харбина сооруженія.

Такимъ образомъ, одинъ изъ развѣдочковъ, состоявшій изъ двухъ нижнихъ чиновъ-пограничниковъ, рядовыхъ 26-й сотни Гежина, извѣстнаго среди сослуживцевъ подъ кличкою Пашки Гежа, и Кропакова, исполняя свою обязанность, согласно выработанной системѣ охраны „не спускать глазъ не только съ линіи полотна, но и впиваться острымъ взоромъ въ синѣющую даль“, 5-го апрѣля 1904 года замѣтилъ на пригоркѣ, верстахъ въ 12-ти отъ дороги, юрту кочев-

Поймка рядовыми Пашкой Гежинымъ и Кропаковымъ японскихъ шпионовъ.

Судъ надъ японскими шпіонами.

ника. Повидимому, незначительное явление, вполне свойственное мѣстности кочевниковъ, все-таки не ускользнуло отъ вниманія рядовыхъ Пашки Гежина и Кропакова. Оба направляются къ мѣсту, возбудившему ихъ ревнивыя подозрѣнія. Въ юртѣ они находятъ нѣсколько монголовъ. Знакомые типы, нерѣдко встрѣчавшіеся и на охотѣ, и въ глубинѣ степи, и вблизи населенныхъ пунктовъ желѣзной дороги. На первый взглядъ, казалось, подозрѣнія развѣда не имѣло подъ собою почвы. Монголы спокойно варили себѣ пищу, заведя мирную бесѣду съ неожиданными гостями. Въ углу лежалъ мѣшокъ, невольно привлечшій вниманіе рядового Пашки Гежина, въ то время числившагося за различные проступки въ разрядѣ штрафованныхъ. Гежинъ приблизился къ мѣшку и незамѣтно сталъ ощупывать его.

Одинъ изъ сидѣвшихъ въ юртѣ монголовъ, замѣтивъ дѣйствія пограничника, поднялся съ мѣста и спокойными шагами направился къ выходу, прихвативъ на пути ведро, желая этимъ дать понять, что идетъ за дѣломъ.

И это, въ сущности пустое обстоятельство не ускользаетъ отъ вниманія рядового Гежина. Онъ даетъ повясть товарищу, прослѣдить за уходящимъ. Между тѣмъ штрафованный Пашка продолжетъ ревизію мѣшка, откуда извлекаетъ предметы, кажушіеся ему совершенно непригодными въ обиходѣ кочевника. Электрическій фонарикъ, шнуръ и пироксилиновыя шашки, всевозможные инструменты, найденные въ мѣшкѣ, убѣждаютъ Гежина въ основательности его подозрѣній. Результатомъ этого случая былъ арестъ двухъ японскихъ офицеровъ Чонзо Юкока и Тейске Юкки. Первый на допросѣ назвался полковникомъ генеральнаго штаба, а второй показалъ, что состоитъ инструкторомъ при японской миссіи въ Пекинѣ.

Остальные, бывшіе съ этими шпионами лица, успѣли бѣжать: что вполне понятно: двумъ нижнимъ чинамъ едва ли представлялось возможнымъ справиться съ цѣлой партіей. Однако, партія разбѣжавшихся японцевъ, какъ въ послѣдствіи выяснилось, вся была истреблена монголами, за что послѣдніе подверглись аресту цинкарскимъ Дзянь-Дзюнемъ и заключенію въ смрадной китайской темницѣ. Итакъ, главные руководители партіи,

направившейся взорвать огромный мостъ на рѣкѣ Нонни, что вблизи станціи Фуляэрти, были захвачены названными рядовыми и приведены на постъ вмѣстѣ со всѣми инструментами, изобличавшими ихъ злой умыселъ.

Разумѣется, это не единственный фактъ, ярко иллюстрирующій съ одной стороны энергію японцевъ и ихъ стремленія всѣми силами разорвать единственную линію для подвоза и сосредоточенія нашей арміи, а съ другой стороны, бдительность чиновъ Заамурскаго округа пограничной стражи, понимавшихъ важность возложенной на нихъ задачи.

Цѣлый рядъ нападеній на линію и ея сооруженія свидѣтельствуютъ о той напряженной службѣ, которую вынесъ на своихъ плечахъ Заамурскій округъ пограничной стражи.

Приводимъ описаніе наиболѣе характерныхъ развѣдокъ и нападеній.

Развѣдка въ Корѣ

подъ начальствомъ капитана генеральнаго штаба Агапѣва.

Въ началѣ апрѣля стояли холодные, почти зимніе дни. Дороги были грязны, въ воздухѣ чувствовалась сырость, которая пронизываетъ насквозь. Утромъ 4 апрѣля солнце выглянуло, сдѣлало попытку обогрѣть своей ласковой весенней теплотой землю, но набѣжали тучки, гонимыя холоднымъ вѣтромъ.

Двѣ сотни, 45-я и 47-я, и одинъ взводъ 1-й батареи выстроились у зданія штаба Заамурскаго округа пограничной стражи. Подѣхалъ начальникъ округа, генералъ Чичаговъ.

Начальникъ отряда, капитанъ генеральнаго штаба Агапѣвъ, командовалъ:

— Смирно!

— Здорово, молодцы!—произнесъ своимъ громкимъ голосомъ начальникъ округа.

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство!—отвѣтили солдаты.

Явился священникъ съ причетникомъ. Поставили налой. Священнослужитель одѣлъ эпитрахиль, готовясь служить молебенъ.

Вновь послѣдовала команда:

— На молитву! Шапки долой!

Слова молитвы запечатлѣвались въ глубинѣ сердца каждаго воина, сознававшаго, что онъ отправляется въ опасный походъ, за Царя и славу русскаго оружія.

Каждый творилъ крестное знаменіе и шепталъ вслѣдъ за священнослужителемъ слова молитвы.

Кончилось богослуженіе. Люди по очереди приложились къ св. кресту и Евангелію, потомъ священникъ окропилъ всѣхъ св. водой. Вновь раздалась команда:

— Накройс.

— Поздравляю васъ съ походомъ!—произнесъ генераль Чичаговъ.

— Рады стараться!

По командѣ люди вытянулись въ походной колоннѣ и сопровождаемые музыкой пошли къ вокзалу, гдѣ должны были сѣсть въ вагоны. Путь лежалъ до станціи Хайлинь, восточной вѣтви Манджурской желѣзной дороги, откуда предстояло отправиться походнымъ порядкомъ, черезъ горы, ущелья, долины и лѣса въ страну, занятую нашими врагами.

Станція Хайлинь. Маленькое зданіе, ничѣмъ не отличающееся отъ большинства станцій Манджуріи.

Отрядъ выгрузился изъ вагоновъ, покормился, накормилъ и напоилъ коней и, выстроившись въ походную колонну, вытянулся длинной лентою по Нингутинской дорогѣ. Офицеры шли въ головѣ колонны, сосредоточенно глядя на прихотливыя извилины азіатской дороги. Каждый былъ поглощенъ собственными мыслями. Въ общемъ настроеніе было у всѣхъ, повидимому, грустное, не потому, чтобы кто-нибудь испытывалъ страхъ передъ предстоящими опасностями,—нѣтъ, русскій офицеръ глубоко проникнутъ сознаниемъ долга передъ отчизной и Государемъ,—но всѣхъ беспокоила дальность похода и невозможность поддерживать связь съ своими войсками.

Но вотъ начальникъ скомандовалъ: „пѣсенники впередъ, маршъ!“ И вскорѣ безмолвная дѣвственная пустыня, полная суровой таинственности, огласилась звуками удалой солдатской пѣсни.

Седьмого апрѣля миновали какой-то незначительный китайскій городокъ. Здѣсь характеръ мѣстности измѣнился. Начались предгорія, холмы и глубокія складки, иногда прорѣзываемыя оврагами, балками и ручьями.

На девятый день похода прибыли въ Нингуту, лежащую на полпути между Гиринымъ и городомъ Харбинымъ.

Нингута—китайскій городъ, расположенъ на берегу рѣки Муданзянь, извилистой, подобно большинству горныхъ рѣчекъ, почти высыхающей въ бездождное время, обнажающей свое каменистое дно, и въ дожд-

ливый періодъ превращающійся въ kloкочущій, злобный, бурный потокъ.

У городскихъ воротъ характерной азіатской стѣны изъ темносѣраго кирпича, окружающей весь городъ, отрядъ натолкнулся на странную процессію: въ два ряда выстроились китайскіе солдаты, нѣкоторые съ ружьями, иные вооружены особыми длинными ножами, вдѣланными въ красное дерево. У самыхъ воротъ кучка всадниковъ стояла полукругомъ у шикарнаго паланкина, обитаго красными тканями; впереди сидѣлъ на великолѣпномъ конѣ мандаринъ, разодѣтый по своему со всей разумѣется азіатской роскошью.

Это былъ самъ фудутунъ. Покорные своимъ властямъ китайцы, давно сообщили фудутуну о приближающемся къ Нингутъ отрядъ русскихъ войскъ, и сановникъ лично вышелъ встрѣтить его со своими войсками и даже оркестромъ.

Едва отрядъ во главѣ съ офицерами приблизился къ воротамъ, раздалась непонятная китайская команда, послѣ чего солдаты сдѣлали попытку взять „на-караулъ“, но это вышло такъ каррикатурно, что требовалось усиленіе, чтобы не расхохотаться. Заиграла музыка, ужасная китайская музыка. Затѣмъ послѣдовалъ взаимный обменъ любезностями и церемоніями между начальникомъ отряда и нингутинскимъ фудутуномъ.

Китайскій полководецъ, онъ же губернаторъ области, пригласилъ всѣхъ офицеровъ отряда къ себѣ и принималъ ихъ со всей любезностью, свойственной истому сановнику поднебесной имперіи. Былъ поданъ чай съ печеньемъ и даже появилось шампанское, до котораго китайцы большіе охотники.

Тутъ же находился сынъ фудутуна и помощникъ его полковникъ Фу-хо съ голубымъ шарикомъ на шапкѣ. Послѣдніе, видимо, чувствовали себя не совсѣмъ свободно, скромно держались въ сторонкѣ, изображая всѣмъ своимъ существомъ глубочайшую почтительность.

Фудутунъ общалъ полное содѣйствіе къ облегченію отряду дальнѣйшаго пути въ предѣлахъ своего района.

Въ Нингутъ капитанъ Агапѣевъ остановился на дневку, чѣмъ не преминулъ воспользоваться фуду-

тунь. На слѣдующій день онъ явился въ сопровожденіи огромной свиты съ отвѣтнымъ визитомъ къ капитану Агапѣву. Послѣ новаго обмѣна любезностями и угощенія чаемъ, фотографъ изъ отряда снялъ фотографіи съ фудутуна, его свиты и нашихъ офицеровъ.

Маленькій отдыхъ въ Нингутѣ. Очевидно, дружественное настроеніе китайцевъ къ нашему отряду прекрасно подѣйствовало на людей. Всѣ какъ-то подбодрились, настроеніе измѣнилось, двухдневная стоянка уже казалась „утомительной“, и всѣ, словно сговорившись, стали обнаруживать нетерпѣливое стремленіе впередъ.

Къ тому-же и погода значительно измѣнилась: повѣяло тепломъ, настоящимъ весеннимъ тепломъ, ласковымъ и мягкимъ.

На зарѣ ранняго утра, свѣтлаго и радостнаго, горнисть сыгралъ „зори“, а потомъ протрубилъ „сборъ“, сыгралъ походъ, и колонна, выстроившись „по взводно“, бодро выступила въ дальнѣйшій путь, провожаемая чиновниками и толпой мѣстныхъ жителей, одобрительно произносившихъ:

— Шанго! Хау! (Хорошо, добрый путь).

Вскорѣ городскія стѣны остались позади, перешли въ бродъ рѣчку Муданзянь и потянулись по отвратительнымъ азіатскимъ дорогамъ или, вѣрнѣе, по полному бездорожью. Каково было состояніе дорогъ, по которымъ отряду приходилось слѣдовать, видно изъ того, что люди высылались впередъ съ лопатами (шанцевымъ инструментомъ) для исправленія пути.

Постепенно переходили въ гористую область. Къ 20 апрѣля погода вновь рѣзко измѣнилась. Пошли дожди, задули холодные вѣтры, приходилось мокнуть подъ дождемъ цѣлыя сутки, потому что поселенія попадались рѣдко. Случалось по два-три дни оставаться подъ открытымъ небомъ.

Но вездѣ, гдѣ попадались деревни, китайцы выказывали полное радушіе; заботливость нингутинскаго фудутуна сказывалась на каждомъ шагѣ. Продовольствіе отпускалось охотно, хотя за хорошія деньги.

Въ болѣе населенныхъ мѣстахъ, гдѣ квартировали китайскіе солдаты, послѣдніе подѣ командой офицера

выходили навстрѣчу за черту города, выстраивались шпалерами въ два ряда и даже брали „на караулъ“, смѣнно разставивъ ноги...

Офицеръ спрашивалъ о здоровьи, о состояніи путей, угощалъ китайскими деликатесами, снабжалъ провіантомъ и провожалъ отрядъ, выдвигаясь вмѣстѣ съ нимъ на десятокъ верстъ.

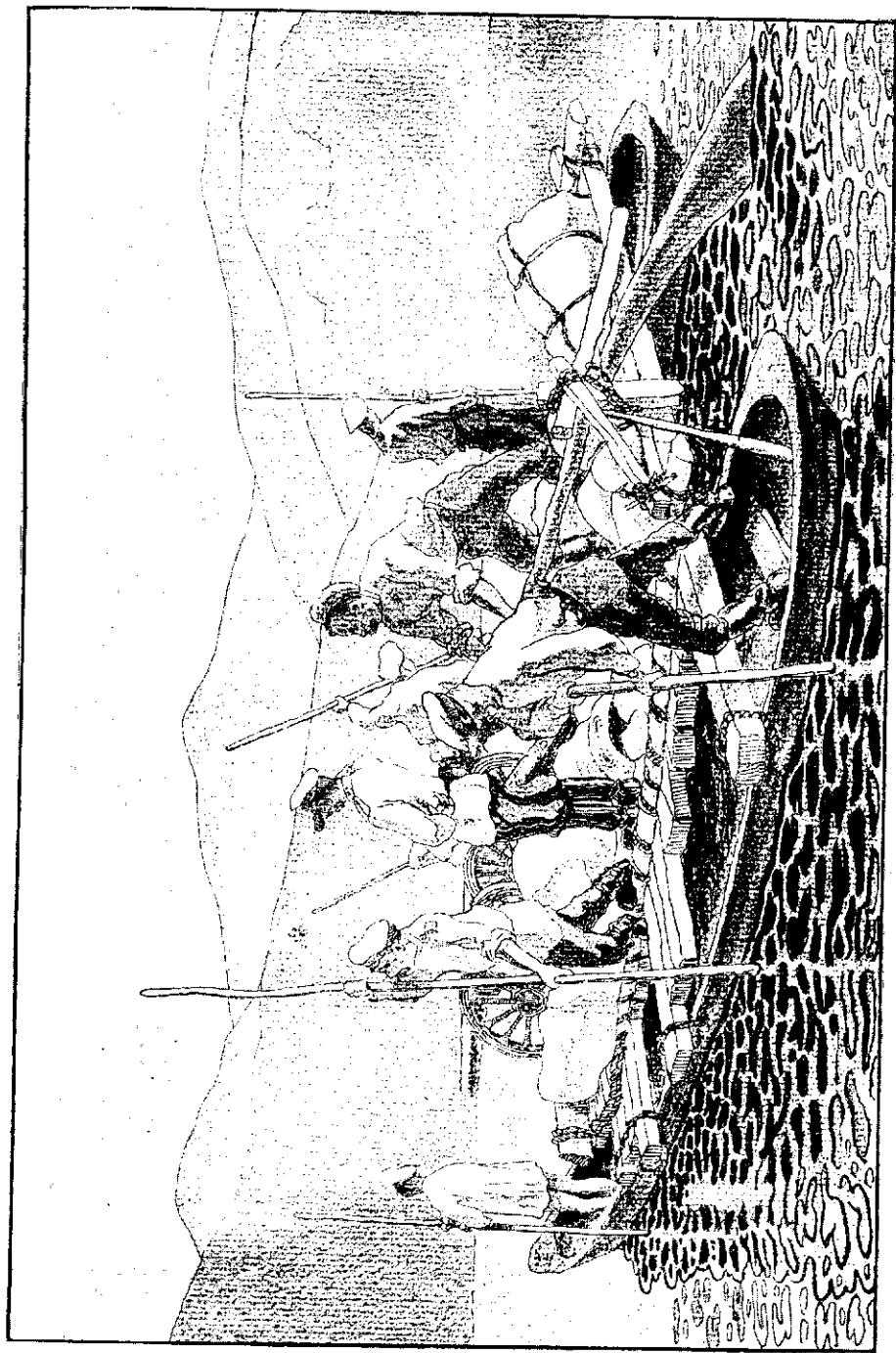
Курьезно, что фудутуну въ Нингутѣ не былъ сообщенъ маршрутъ, однако китайцы оказывались предупредительными о прохожденіи отряда на всемъ пути.

До Хунь-Чуна дорога шла горами, склоны которыхъ были покрыты то мелкимъ кустарникомъ, то мелкими лѣсочками.

Питаться приходилось китайскими лепешками, и лишь въ Хунь-Чунѣ удалось испечь хлѣбъ, показавшійся людямъ вкуснѣ всякаго пряника. За двѣ версты до этого города вышелъ навстрѣчу гарнизонъ съ „музыкой“, но какая музыка? Двое верховыхъ съ длинными трубами извлекали изъ своихъ инструментовъ отчаянно дикіе звуки. Били въ какіе-то чугунные и мѣдные сосуды и огромной величины пузатый барабанъ. Полковникъ, начальникъ гарнизона, съ темно-синимъ шарикомъ и чернымъ перомъ, украшавшими его круглую шапку, взялъ „подъ козырекъ“ и обратился къ командующему отрядомъ, капитану Агапѣву, съ привѣтственнымъ словомъ. Отрядъ вступилъ въ городъ, привѣтствуемый несмѣтной толпой китайцевъ. Начальникъ гарнизона отвелъ сотнямъ и батареѣ квартиры, а офицеровъ пригласилъ къ себѣ.

Городъ Хунь-Чунъ находится на границѣ Кореи, которую отдѣляетъ отъ Китая довольно глубокая, шириною около 300 сажень, рѣка Тумень-Улу.

Пройденъ путь почти въ 300 верстъ. Являлась необходимость въ трехдневномъ отдыхѣ людямъ и лошадямъ. Эти три дня были непрерывнымъ праздникомъ. Начальникъ гарнизона не давалъ покоя: то самъ являлся со своей многочисленной свитой, то звалъ къ себѣ на обѣдъ. Зато, нельзя не отдать ему справедливости, и о людяхъ онъ проявилъ полную заботливость. Имъ все доставлялось: и кормъ лошадямъ, и провіантъ, гаолянъ для подстилки на канахъ. Однимъ словомъ, китайскій военный чинъ отнесся къ нашимъ съ полнымъ вниманіемъ, достойнымъ всякой похвалы.

Переправа через Тумень-Улу.

Отдохнули. На четвертый день едва взошло солнце, отрядъ приготовился къ выступленію. Предстояла переправа черезъ рѣку Тумень-Улу, не имѣющую брода и парома. Переправа устроивается на челнокахъ, достать которые въ необходимомъ количествѣ было не совсѣмъ легкой задачей. Съ большимъ трудомъ добыли шесть челноковъ. Рѣшено было на нихъ перевезти тяжести, а уже потомъ людей, не умѣвшихъ плавать. Остальные сами и вмѣстѣ съ лошадьми должны были переправиться вплавь.

Пушки устанавливались на двухъ челнокахъ, связанныхъ вмѣстѣ.

Все это происходило 27-го апрѣля, при великолѣпной весенней погодѣ.

Яркая зелень покрывала поля, деревья одѣлись въ свой дивный зеленый нарядъ: они праздновали свой веселый, радостный праздникъ весны.

На берегу далекой отъ милой и дорогой родины рѣченки расположилась горсточка русскихъ молодцовъ со всѣми боевыми доспѣхами. Вонъ старательно устанавливаются двѣ пушки на двухъ челнокахъ, скрѣпленныхъ толстыми веревками и устланныхъ досками, вотъ стоятъ кони, ржутъ отъ нетерпѣнія или роютъ копытомъ землю, а на берегу копошатся китайскіе „кули“ (рабочіе), голоса которыхъ смѣшались съ голосами солдатъ.

На гладкой поверхности воды поплыли одинъ за другимъ челноки. Добравшись до другого берега, они выгружались и снова возвращались, чтобы забрать оставшіяся тяжести.

Переправа затянулась до вечера.

Пришлось тутъ-же на берегу расположиться бивакомъ, чтобы съ восходомъ солнца слѣдующаго дня отправиться въ дальнѣйшій путь.

Наконецъ переправа черезъ Тумень-Улу состоялась.

Все время хмурившееся небо, поливавшее землю обильными слезами, нерѣдко достигавшими поверхности земли въ видѣ снѣга или крупныхъ замерзшихъ кристалловъ, вдругъ прояснилось, солнышко ласково выглянуло изъ-подъ разорвавшихся облаковъ.

Всѣмъ отрядомъ овладѣло жгучее волненіе.

— Что ждетъ насъ въ этой мрачной, гористой Корей? — думалъ каждый.

Но вотъ явился субъектъ въ своеобразной формѣ въ сопровожденіи странной свиты. Это оказался представъ ближайшаго корейскаго города Кіонъ. Узнавъ о приближеніи отряда „русскихъ войскъ“, онъ пожелалъ вмѣстѣ съ почетными горожанами привѣтствовать начальника и его подчиненныхъ.

Вслѣдъ за нимъ явилась толпа корейцевъ въ широкихъ бѣлыхъ шароварахъ и бѣлыхъ кофтахъ.

Удивительное однообразіе въ наружности отдѣльныхъ лицъ. Общій типъ: узкіе, косые глаза съ любопытствомъ устремленные на невиданныхъ пришельцевъ, желтый, нерѣдко грязный, цвѣтъ кожи, жидкая растительность на подбородкѣ клинушкомъ, темные волосы на головѣ, у всѣхъ жесткіе.

У большинства головной уборъ—низкій „цилиндръ“ изъ бѣлой соломы. Обувь — неуклюжія туфли на портянкахъ.

Общее впечатлѣніе, производимое корейцами, нѣсколько лучше, чѣмъ отъ китайцевъ; они кажутся чище, отъ нихъ не разитъ отвратительной черемшой и бобовымъ масломъ, зато жилища корейцевъ значительно хуже китайскихъ фанзъ: строенія слишкомъ низкія и тѣсныя; корейцы нерѣдко живутъ вмѣстѣ съ домашней скотиной.

Одежда на видъ кажется чистой, но моютъ ее въ холодной водѣ, а потому въ складкахъ не мало паразитовъ.

Одѣяніе властей отличается отъ одежды обывателей качествомъ матеріала, изъ котораго она сшита: и представъ, и чиновникъ губернатора, и самъ губернаторъ носятъ одежду изъ чечунчи.

У корейцевъ имѣется и дворянское сословіе, но дворяне отъ простолюдина отличаются лишь головнымъ уборомъ: они носятъ черную цилиндрическую шляпу, безъ дна, зубчиками.

Однако, эти дворяне являются такими же земледѣльцами, какъ и другіе сельскіе обыватели.

Питаются корейцы скудно. Хлѣбопеченіе у нихъ не въ модѣ, соль почти не употребляется. Общая пища: кашка изъ чумизы, вареная на водѣ, рисъ (у болѣе состоятельныхъ), рыба, очень рѣдко мясо. Собака считается лакомымъ блюдомъ. Молочные продукты не въ обиходѣ: доить корову—грѣхъ великій, потому что у

нея отнимается молоко, необходимое для питанія ея дѣтеныша.

Корейскіе солдаты производятъ лучшее впечатлѣніе, чѣмъ китайскіе; обмундированіе поставлено раціональнѣе: однобортный мундиръ съ пуговицами желтой мѣди, пояса черные съ красной полоской; головной уборъ: кепи съ краснымъ околышемъ; обувь: туфли и бѣлыя портянки.

Вооруженіе: винтовка 4-хъ-линейная, однозарядная, безъ штыка.

Обмундированіе офицера отличается большей чистотой, вооруженіе — вмѣсто ружья сабля и револьверъ.

Офицеры весьма предупредительны и деликатны, охотно отвѣчаютъ на вопросы, даютъ обстоятельныя свѣдѣнія о состояніи дорогъ, о селеніяхъ, гдѣ удобнѣе заpastись фуражемъ. По просьбѣ, показываютъ „обученіе“ солдатъ, которые приучены ходить въ ногу, дѣлать на караулъ... и только...

— Давно-ли у васъ были японцы? — спрашиваетъ офицера капитанъ Агапѣевъ.

— Давно. Прошли въ декабрѣ, — получается отвѣтъ.

Сѣверные корейцы тяготеютъ къ Россіи, южные — къ Японіи, — таково мнѣніе наблюдателей, побывавшихъ и въ южной, и въ сѣверной Корей.

Тяготѣніе корейцевъ къ Россіи рѣзко замѣтно въ сѣверной Корей: съ началомъ военныхъ дѣйствій цѣлыя деревни стали выселяться на русскія границы.

Прибыли въ городъ Кіонъ. Расположились бивакомъ внѣ городской черты, на полѣ.

Администрація города выказывала всевозможные знаки вниманія: являлась съ визитомъ, приносила „гостиныцы“ — рисъ, птицу, прѣсеную морскую капусту. При посѣщеніи начальствующихъ корейцевъ въ городѣ, они угощали скверной водкой и наливкой; впрочемъ, сами съ наслажденіемъ тянули и ту, и другую, усердно похваливая напитки. Наши, разумѣется, не оставались въ долгу, угощая въ свою очередь корейскую администрацію, но наше угощеніе имъ, видимо, не нравилось.

Бивакъ подъ Кіономъ слѣдуетъ считать нѣсколько облегченнымъ, потому что обоза не было: его оставили въ Хун-Чунѣ, пользуясь до Кіона легкими корейскими арбами, влекомыми малорослыми волами, и отчасти вьюками на лошадяхъ и мулахъ.

Перейти на вьюки совѣтовали корейскіе офицеры, представившіе свои пути сообщенія въ самыхъ мрачныхъ краскахъ; и дѣйствительно, слова ихъ оправдались: оказалось полнѣйшее бездорожье.

Нельзя не отмѣтить различія между китайской и корейской арбой: первая отличается крѣпостью, зато тяжела и на корейское бездорожье непригодна, вторая легка, съ узкимъ ходомъ, тонкой деревянной осью и камышевымъ кузовомъ. Ось легко ломается и также легко замѣняется новой.

Упряжь состоитъ изъ одного ярма.

При углубленіи въ Корею эти арбы рѣже встрѣчаются и тогда поневолѣ приходится пользоваться одними вьюками.

Движенія приходилось производить со всѣми предосторожностями: Богъ вѣдаетъ, что скрывалось въ глубинѣ души этихъ простодушныхъ и, повидимому, дружественныхъ корейцевъ.

— Встрѣчи и почести принимаешь, — говорилъ начальникъ экспедиціи, капитанъ Агапѣевъ, — а все-же въ душу не влѣзаешь... Береженого и Богъ бережетъ.

О женщинахъ Кореи капитанъ Агапѣевъ отзывался хорошо. Онѣ отличаются чистотою нравовъ, хотя чрезвычайно любопытны. При появленіи русскихъ, онѣ первоначально боялись показываться на улицахъ, но вскорѣ привыкли, толпами вмѣстѣ съ мужьями и дѣтьми приходили къ биваку, окружали его живымъ кольцомъ, садились на корточки и въ такомъ положеніи просиживали по нѣсколько часовъ, молча, съ устремленными на нашихъ любопытными глазами, наблюдая за каждымъ движеніемъ. Все интересовало ихъ: ружье, мундиръ, вьюкъ, сапоги, пуговица, шашка, словомъ, ничто не ускользало отъ ихъ вниманія.

Послѣ трехдневнаго отдыха, стали сниматься съ бивака. Опять явилась администрація города и упрасивала остаться еще погостить, но время не терпѣло, все было заготовлено, и отрядъ двинулся въ путь по невозможнымъ корейскимъ дорогамъ.

Въ одинъ изъ попутныхъ городовъ прибыли поздно вечеромъ.

Темь непроглядная, въ трехъ шагахъ трудно разглядѣть товарища. Администрація и почти весь городъ вышли на встрѣчу отряду съ фонарями. Эта была ве-

ликопѣнная фантастическая картина: на фонѣ темной почти двигались силуэты, освѣщаемые тусклымъ свѣтомъ бумажныхъ фонарей, слышался говоръ, ржаніе коней, гортанные бѣглые звуки мѣстныхъ жителей, бѣлая одежда которыхъ дѣлала ихъ похожими на привилѣіи.

Далѣе, по мѣрѣ углубленія въ дебри Кореи, мѣстность все поднималась, становилась пересѣченной, путь еще болѣе затруднялся частыми подъемами и спусками.

Жизненная, корявая растительность носила унылый характеръ и пагонила тоску. Ничто не радовало взора: сѣренькій фонъ неба, черѣдко заволакиваемый тучами, скалистые горы съ крайне скудной растительностью, рѣдкія селенія.

Чѣмъ глубже, тѣмъ жители становились сдержаннѣе въ выраженіи симпатій русскимъ, хотя попрежнему собирались вокругъ бивака и охотно отвѣчали на вопросы, но отвѣты все чаще и чаще носили лживый отбѣнокъ. Корейцы иногда сами заговаривали о японцахъ, но сообщенія всегда оказывались ложными.

Далѣе къ югу чаще встрѣчались рисовыя поля; по видимому, фуража было достаточно, а добывать его становилось затруднительнѣе.

Дороги стали настолько невозможными, что артиллерию пришлось оставить подъ наблюденіемъ передовыхъ постовъ, занимаемыхъ черчинцами, почему отрядъ уменьшился до 200 человекъ, но и на его прокормленіе приходилось добывать провіантъ съ большими затрудненіями. Жители или совсѣмъ не отпускали провіанта, или за все требовали несуразно дорогія цѣны, говоря, что деньги для нихъ не важны, что имъ и самимъ ѣсть нечего...

Между тѣмъ рогатаго скота у нихъ замѣчалось въ изобиліи. Лопадей встрѣчали цѣлыми табунами, но лошади слишкомъ мелкокорослыя, — не выше полутора аршина ростомъ, — за то онѣ отличаются выносливостью, привычны къ мѣстности и весьма удобны для вьюковъ.

Питаніе отряда ухудшалось съ каждымъ днемъ. О хлѣбѣ пришлось забыть, даже китайскія лепешки рѣдко попадались, и ихъ пришлось замѣнить невкус-

ной чумизной кашей, вареной на водѣ безъ соли; въ счастливыхъ случаяхъ добывали рисъ.

Понемногу снова спустились съ горныхъ массивовъ. Добрались до города Чанчжана.

Чанчжанъ—портовый городъ. Въ мирное время морской берегъ кишмя кишитъ лодками, судами самыхъ разнообразныхъ типовъ, вслѣдствіе чего этотъ портъ носитъ чрезвычайно оживленный характеръ.

Во время пребыванія нашего отряда городъ и пристань словно вымерли. Не было обычнаго оживленія, и лишь корейцы въ своихъ бѣлыхъ балахонахъ уныло бродили по пристани.

Изъ европейцевъ въ городъ остались англійскіе миссіонеры и секретарь миссіи—норвежецъ. Свѣдѣній о ходѣ военныхъ дѣйствій они не имѣли: очевидно, отголоски войны слабо отзывались на этомъ глухомъ побережьи Кореи.

Губернаторъ принялъ начальника отряда сухо, безъ встрѣчи, какими обыкновенно чествовали нашихъ административныя власти болѣе отдаленныхъ отъ моря городовъ. Въ разговорѣ онъ какъ-то вскользь, глядя въ сторону, бросилъ такую фразу:

— Ну да, вы скоро встрѣтитесь съ японцами...

Въ Чанчжанѣ имѣется японскій „квартиль“, но теперь онъ сожженъ до основанія бывшими здѣсь въ апрѣлѣ нашими разбѣздами.

Въ порту пробыли всего сутки и отправились въ дальнѣйшій путь, который являлся тѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе безпокойнымъ и мрачнымъ. Въ походѣ приходилось чутко прислушиваться къ окружающему, внимательно вдумываться къ доходившимъ до насъ слухамъ.

И рельефъ мѣстности снова значительно измѣнился. Пришлось двигаться по узенькимъ тропкамъ, а скалистые возвышенности вынуждали вести лошадей въ поводу. Сапоги изнашивались съ такой поразительной быстротой, что становилось положительнымъ фактомъ для отряда. Къ этому еще и погода стала крайне перемѣнчивой: дожди перепали по нѣсколько разъ въ день, а то вдругъ необычайный вѣтеръ принесетъ съ собой снѣгъ и чисто осеннюю слякоть, не взирая на май мѣсяцъ. Сказывалось вліяніе моря съ его холоднымъ теченіемъ.

Стоянки по временамъ были по истинѣ ужасныя, въ корейской деревенской фанзѣ царить такая удручающая грязь, что привыкшіе ко всему пограничники отказывались наотрѣзъ отъ гостепріимства корейцевъ, предпочитая ночевать подъ открытымъ небомъ.

Къ счастью для отряда, при выюкахъ имѣлись палатки, дававшія возможность укрывать людей отъ свирѣпствовавшей мокропогодицы.

Отрядъ продолжалъ углубляться въ нѣдра Кореи.

Приближаясь къ какому-то городу, начальнику отряда сообщили, что администраціи этой провинціи присланъ приказъ японскимъ консуломъ изъ Гензана приготовить гарнизонъ города къ встрѣчѣ русскихъ битвой и во что бы то ни стало разбить ихъ и даже забрать въ плѣнъ.

Гарнизонъ состоялъ всего изъ 400 человекъ.

Капитанъ Агапѣвъ выслалъ впередъ небольшой разъѣздъ, приказавъ ему подождать до ночи вблизи городской стѣны приближеніе отряда.

Разъѣздъ приблизился къ городу темной ночью и самъ не замѣтилъ, какъ очутился вблизи городскихъ воротъ. Неожиданное появленіе русскихъ, повидимому, очень смутило начальника гарнизона, и онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ выѣхать со всѣмъ гарнизономъ навстрѣчу подъѣзжавшимъ русскимъ смѣльчакамъ.

Послѣ ночевки рано утромъ отправились далѣе, къ Хамхыну. Вновь удалось перехватить телеграмму, приказывавшую начальнику Хамхына встрѣтить нашихъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Однако, губернаторъ Хамхына, еще недавно познакомившійся съ отрядомъ доблестнаго полковника Мадритова, принялъ капитана Агапѣва довольно любезно, даже предложилъ угощеніе всему отряду; но сильно жаловался на свое поистинѣ „губернаторское положеніе“. То японцы являются, требуютъ свѣдѣнія о русскихъ, сочувствія къ себѣ, провіанта, за который платили такъ дешево, что это было равносильно тому, если бы со всѣмъ не платили; то русскіе ураганомъ налетятъ и хотя щедро расплачиваются за провіантъ, но навлекаютъ на администрацію гнѣвъ японцевъ, которые за это рубятъ несчастнымъ головы безъ милосердія.

Еще недавно, рассказывалъ губернаторъ, послѣ

ухода Мадритава, явились японцы и отрубили головы 14 корейцамъ, которыхъ заподозрили въ сочувствіи русскимъ.

Пришлось поневолѣ, признать, что положеніе хамынскаго губернатора дѣйствительно очень тяжелое.

Конецъ мая. Стало теплѣе. Дожди прекратились, но солдаты страдали отъ отсутствія обуви. Многіе вынуждены были надѣть корейскую обувь.

Въ прекрасное майское утро приближались къ городу Мунчэну. Впереди шелъ разъѣздъ подъ командой поручика Крищевского. Всѣ чувствовали себя бодро. Теплое солнце, зазеленѣвшая повсюду молодая травка, свѣтло-голубое небо радовали истомленныхъ длинными переходами по распутицѣ людей.

— Ваше благородіе!—вдругъ обратился унтеръ-офицеръ къ поручику Крищевскому.—Тамъ, кажись, непріятель... Это она, сама япошка,—подтверждаетъ унтеръ, указывая вдаль рукой.

— Гдѣ, гдѣ?—посыпались вопросы.

— Тамъ, влѣво на высокой сопкѣ.

Раздался выстрѣлъ, вслѣдъ за нимъ просвистѣло нѣсколько пуль, за ними послѣдовало нѣсколько залповъ, къ счастью не причинившихъ вреда нашимъ.

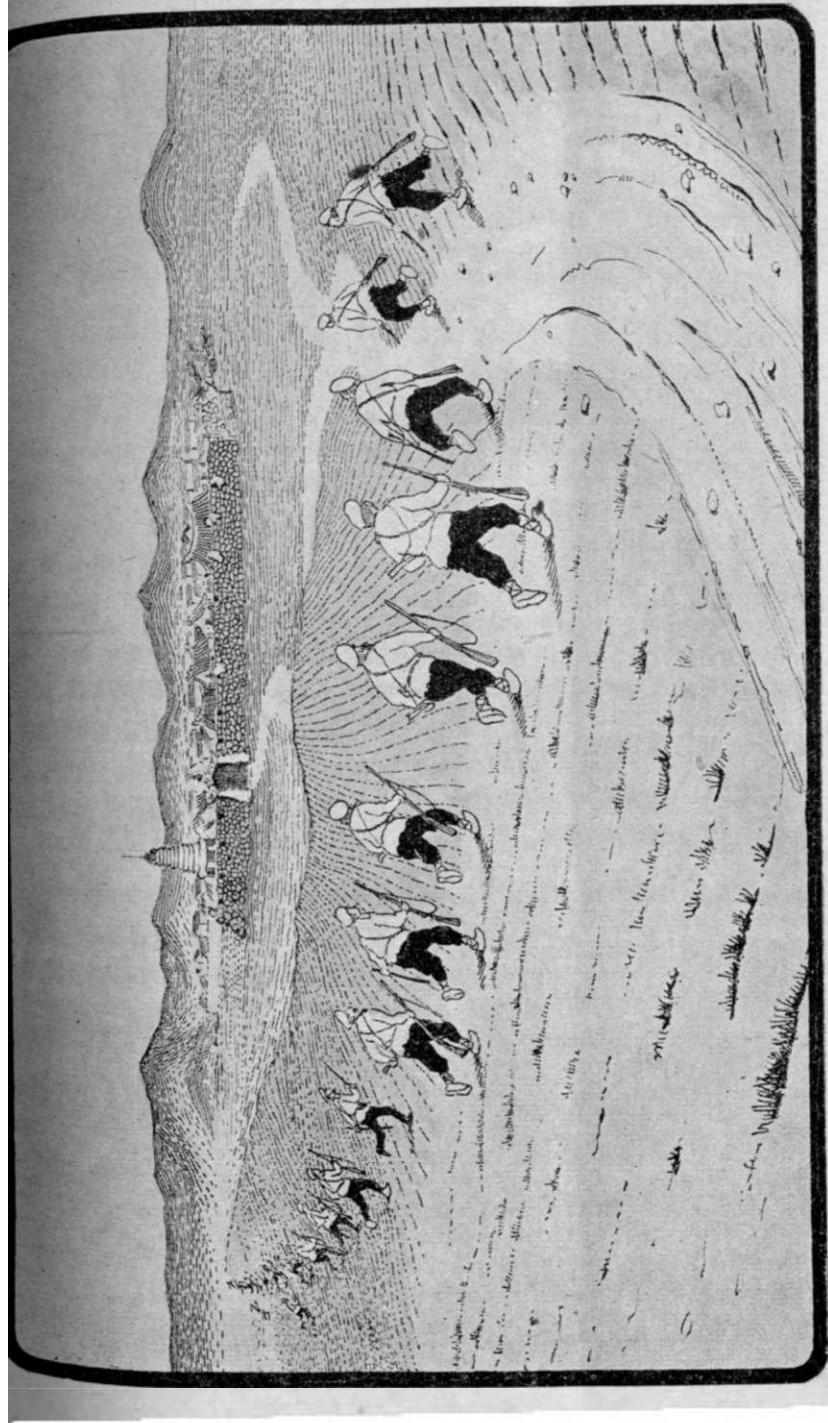
Разъѣздъ быстро спѣшился и открылъ бѣглый огонь по непріятелю. Послѣдній перебѣжалъ съ сопки въ находившуюся у ея подножія фанзу и, укрываясь за ея стѣнами, открылъ огонь по нашимъ дозорамъ.

Но недолго держались японцы за своимъ прикріемъ. Мѣткій огонь пограничниковъ выбилъ ихъ изъ фанзы; видно было какъ взводъ японцевъ отступалъ за городъ Мунчэнь и расположился на высокой горѣ, гдѣ вскорѣ обнаружили силы приблизительно въ двѣ роты.

Наступленіе разъѣзда на гору было-бы безуміемъ, и пограничники, подобравъ одного раненаго и одного убитаго, отступили къ отряду.

Рѣшено было въ городъ Мунчэнь не вступать, а съ разсвѣтомъ сняться съ бивака и направиться на Ялу, чтобы новымъ путемъ пробраться въ Мукденъ.

Положеніе наше, въ смыслѣ добыванія фуража и

Спѣшная цѣпь пограничниковъ намѣревается атаковать корейскую крѣпость Канъ-ге.

провіанта, стало ухудшаться. Счастливымъ считался офицеръ, предусмотрительно захватившій съ собою запасную пару сапогъ, а то приходилось или пользоваться корейскою обувью, или... щеголять „босыми ногами“.

Пришлось близко познакомиться съ „теткой-голодовкой“. Каша изъ овса считалась уже роскошью. Овесъ обдирали на попадавшихся въ пути корейскихъ мельницахъ, и такимъ образомъ получалось нѣчто въ родѣ овсяной крупы, которой питались, придя на ночлегъ.

Вскорѣ обнаружилось, что и овесъ изсякаетъ.

Приближались къ городу Конгэ и надѣялись тамъ раздобыться фуражемъ и провіантомъ.

Не тутъ-то было.

Развѣздъ сообщилъ, что стѣны города Конгэ заняты непріателемъ, т. е. вооруженными корейцами, приготовившимися встрѣтить насъ „огнемъ“.

Городъ Конгэ — небольшая деревня, почему-то обнесенная толстою стѣною. Тутъ уже похозяйничалъ отрядъ полковника Мадритова, чѣмъ объясняется присутствіе за городскими стѣнами значительнаго отряда японскихъ и корейскихъ солдатъ; послѣдніе, разумѣется, подъ управленіемъ японскихъ офицеровъ.

Пустить нашъ отрядъ въ городъ корейская администрація отказалась. Даже безоружнаго они грозили обезглавить, если онъ, помимо разрѣшенія губернатора, явится въ чертъ города, но обѣщали доставить провіантъ на бивакъ, если русскіе останутся въ верстѣ отъ стѣны.

Капитанъ Агапѣевъ упорствовалъ, требуя разрѣшенія остановиться въ городѣ. Взявъ съ собою одного офицера и переводчика съ парламентарскимъ флагомъ, онъ рѣшилъ лично переговорить съ городской администраціей, но его въ городъ не пустили, не взирая на заявленія о необходимости побывать тамъ исключительно для закупки провіанта и фуража.

Корейцы, очевидно, подъ давленіемъ японскихъ офицеровъ, упорствовали, наотрѣзъ отказывая въ гостепріимствѣ русскимъ войскамъ.

Между тѣмъ надвигалась ночь. Люди и кони были крайне утомлены послѣдними переходами. Поневолѣ пришлось расположиться бивакомъ въблизи городской стѣны, но было рѣшено наказать городъ „штурмомъ“, если утромъ не доставятъ фуража и провіанта. Разложили костеръ, вскипятили воду, заварили чай и, прихлебывая его безъ сахара, отпускали шутки и остроты по адресу корейско-японскихъ администраторовъ Канге.

Спать легли безъ ужина, съ надеждой пообѣдать на слѣдующій день.

Рано утромъ отрядъ спѣшенной частью началъ залпами обстрѣливать городскую стѣну и перебѣжками приближаться къ крѣпости, показывая явное намѣреніе взять ее приступомъ.

Это вызвало суматоху на городской стѣнѣ среди маленькихъ людишекъ въ формѣ корейско-японской пѣхоты.

Они суетились, слабо отвѣчая на наши выстрѣлы одиночнымъ безпорядочнымъ огнемъ, совершенно безрезультатнымъ, если не считать одного раненаго коня.

Вскорѣ раздался выстрѣлъ по нашей цѣпи изъ орудія. Но и этотъ и послѣдовавшіе за нимъ выстрѣлы не причинили намъ вреда: все были перелеты и одинъ-два недолета.

Наши быстро перестрѣляли орудійную прислугу, и японскія пушки вынуждены были умолкнуть.

Когда наша цѣпь очутилась шагахъ въ 50 отъ крѣпости, гарнизонъ выбросилъ бѣлый флагъ, вслѣдъ за которымъ явился парламентаръ съ нѣсколькими кули, которые торжественно притащили 20 сноповъ соломы и пару мѣшковъ овса.

Гарнизонный чпновникъ, повидимому, изъ корейской администраціи, клялся и божился, что они сами голодаютъ и крайне нуждаются въ жизненныхъ припасахъ. Онъ умолялъ не причинять непріятностей, потому что японцы ихъ за это потомъ не пощадятъ.

Дѣлать нечего, пришлось по необходимости удовлетвориться „тощими дарами корейскаго данайца“ и удалиться.

Въ дальнѣйшемъ пути корейцы встрѣчали нашъ отрядъ съ озлобленіемъ, отказывая рѣшительно во всемъ даже за большія деньги.

Но вотъ, вдали заблестѣла стальная поверхность рѣки Ялу.

По ту сторону рѣки возможна была встрѣча съ японскимъ арьергардомъ, хотя имѣлось основаніе предполагать, что удастся избѣжать столкновенія съ ними, въ виду пересѣченной мѣстности за рѣкой, а тамъ, еще одинъ-два перехода—и отрядъ рассчитывалъ войти въ соприкосновеніе съ нашими силами.

Предстояла трудная переправа черезъ Ялу, тѣмъ болѣе трудная, что прибрежные корейцы куда-то угнали свои лодки, а въ бродъ переправиться, вслѣдствіе перепавшихъ дождей, совсѣмъ не представлялось возможнымъ.

Выручили китайцы съ другого берега: у нихъ нашлось нѣсколько лодокъ.

Переправа была организована весьма оригинально.

Оставивъ на всякій случай взводъ подъ командой офицера, люди поочереды садились въ лодки, а лошади въ поводу плыли за ними...

Теченіе быстро. Дулъ сильный вѣтеръ, хлесталъ дождь, и коней подмывало подъ челноки, а тутъ еще появилась погоня, очевидно, изъ гарнизона Конгэ...

Опять началась беспорядочная перестрѣлка и людей пришлось переправлять уже подъ огнемъ...

Къ вечеру, преодолевъ всѣ преграды, всему отряду удалось перебраться на манджурскій берегъ.

Но впереди были японцы; столкновеніе съ ними было нежелательно. Начальникъ отряда распорядился выслать впередъ головной отрядъ для освѣщенія мѣстности, и такимъ образомъ двигались далѣе по горамъ, уже населеннымъ китайцами. Явились друзья „ходи“, и нельзя не отдать имъ справедливости, выручали, указывая пути, свободные отъ непріятеля проходы, и доставляя, правда, за хорошую цѣну, провіантъ и фуражъ.

На 79-й день мытарствъ мы достигли фланга расположенія нашей арміи. Опасность миновала. Спустя еще три дня пришли въ Мукденъ, сохранивъ отрядъ почти безъ потерь и даже безъ больныхъ. Немного утомились, правда, нервы у наиболѣе слабыхъ разстроились отъ переутомленія, и немудрено: въ два мѣсяца и 19 дней прошли 2,000 верстъ при всевозможныхъ опасностяхъ и лишеніяхъ, но зато развѣдка заамурцевъ оказалась весьма цѣнной по результатамъ.

Развѣдка поручика Яковлева.

Съ января 1905 г. русско-японская война достигаетъ наибольшаго напряженія. Обѣ арміи дѣятельно готовятся перейти въ рѣшительное наступленіе. Послѣ набѣга генерала Мищенко на Инкоу и операций подѣ Сандену, въ которыхъ видное участіе принимали и части пограничной стражи, японцы обнаруживаютъ стремленіе обойти нашъ правый флангъ, пользуясь нейтральной Монголіей.

Это не только явствуется изъ донесеній агентовъ штаба Заамурскаго округа, но и чувствуется по особому напряженному состоянію.

И генераль Чичаговъ предугадывалъ намѣренія непріятеля, что видно изъ его приказовъ, постоянно напоминавшихъ о важности развѣдки и предписывавшихъ усилить ее организацію различныхъ отрядовъ.

Такой отрядъ составилъ изъ 49-й сотни и направился въ ночь 31 января на 1 февраля, послѣ нападенія на мостъ 247 версты на городъ Джилишу. При этой сотнѣ слѣдовалъ молодой поручикъ Яковлевъ, энергичный офицеръ съ смуглымъ, почти бронзоваго оттѣнка лицомъ. Одѣнь его китайцемъ или монголомъ и его не отличишь отъ истаго обитателя манджурскихъ полей.

Пріѣхавъ въ Джилишу, Яковлевъ забралъ съ собой китайца переводчика и вмѣстѣ съ нимъ направился на юго-западъ къ южной Монголіи.

Придя въ Памынчентъ, поручикъ вынужденъ сдѣлать остановку. Въ этомъ китайскомъ городѣ квартировалъ генераль Хе-ну-и, которому оказалось необходимымъ сдѣлать визитъ, разумѣется, не съ цѣлью выполненія китайской церемоніи. У генерала Хе-ну-и можно позвондировать почту насчетъ состоянія дорогъ, отношенія къ намъ мѣстныхъ жителей, а главное, слуховъ относительно движенія японцевъ на Монголію съ цѣлью

Поручикъ Яковлевъ переодевается въ костюмъ Монгольскаго ламы.

напасть на тыловыя части нашей арміи, а также и на единственную линію сообщенія.

Китайскій генераль Хе-ну-и принялъ нашего пограничнаго офицера любезно и въ разговорѣ обнаружилъ расположеніе къ Россіи, по крайней мѣрѣ на словахъ. Особенно порицалъ онъ англичанъ за поддержку, оказанную ими японцамъ.

— Въ чемъ же выразилась эта поддержка? — не удержался, чтобы не полюбопытствовать поручикъ.

— Англичане доставили японцамъ для войны съ Россіей 700 пушекъ,—съ увѣренностью въ голосъ отвѣчаетъ китайскій генераль. — О, „ипень“ (японецъ) хитрый... Подождите, они перещеголяютъ англичанъ... Игоянъ (все равно), если они (т. е. японцы) побѣдятъ или не побѣдятъ, во всемъ мірѣ произойдутъ большія событія...

Въ свѣдѣніяхъ болѣе интересныхъ поручику Хе-ну-и также не отказалъ, однако, уговаривалъ офицера „пожалѣть свою молодость, не рисковать головой и вернуться“... Но уговоры на поручика не подѣйствовали и онъ отправился далѣе. Достигши 3 февраля рѣки Ляохэ, онъ переправился на другой берегъ.

Тамъ замѣтилъ поручикъ большое движеніе обозовъ, груженныхъ чумизой, бобами и ячменемъ, слѣдовавшихъ къ японской арміи.

Достигши Ченгытына, расположеннаго на границѣ Монголіи и Манджуріи, поручику Яковлеву снова пришлось задержаться для сбора свѣдѣній. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что вліяніе японцевъ въ районѣ становилось замѣтнымъ и дальнѣйшее движеніе сопряжено съ рискомъ.

Въ Ченгытынѣ квартировалъ китайскій полковникъ У-дин-шинъ. Вновь требовалось выполненіе формальности нанесенія визита китайскому начальнику, у котораго кстати также можно кое-что и разузнать.

И У-дин-шинъ отнесся вполне дружески къ русскому офицеру, но не безъ усиленныхъ уговоровъ „пожалѣть свою молодость и вернуться къ своимъ“.

— Ипень шибко много, — говорилъ китайскій полковникъ, коверкая русскія слова.

По его словамъ, японскіе отряды находятся всего въ 20—25 верстахъ. Японскіе шпіоны рыскаютъ по всѣмъ

направленіямъ. Эти коршуны могутъ набрести на слѣдъ русскаго офицера и слѣлать „кантами“, т. е. убить.

У-дин-шинъ яркими красками обрисовалъ поручику рискованность его положенія, но Яковлевъ оставался твердымъ и непоколебимымъ. Китайскій офицеръ, видя рѣшимость нашего поручика, посовѣтовалъ ему, по крайней мѣрѣ, остерегаться, не выходить изъ фанзы, а лучше всего переодѣться въ платье монгольскаго ламы и даже предоставилъ такой костюмъ въ его распоряженіе.

Дѣлать нечего. Яковлеву пришлось замаскироваться монгольскимъ ламой и задержаться въ Ченгтынгѣ, разославъ по разнымъ направленіямъ нѣсколько развѣдчиковъ подъ руководствомъ своего переводчика. Припомнимъ, что и японскіе офицеры, намѣривавшіеся взорвать мостъ на рѣкѣ Нонни, также были наряжены въ костюмы монгольскихъ ламъ.

Вскорѣ получилось донесеніе о движеніи большого хунхузскаго отряда въ 2.000 человекъ при 150 японцахъ. Въ свою очередь и У-дин-шинъ также сообщилъ о движеніи отряда въ 800 хунхузовъ при 200 японцахъ на линію желѣзной дороги. Возвратившійся съ развѣдки переводчикъ сообщилъ о своей встрѣчѣ съ отрядомъ японцевъ и хунхузовъ, нападавшихъ на мостъ 247 версты. По его словамъ, ему пришлось быть свидѣтелемъ стычки японцевъ съ русскими. Хотя русскіе храбро дрались, но огромный численный перевѣсъ и неожиданность нападенія дали японцамъ возможность отбить одно орудіе и захватить въ плѣнъ артиллериста, нижняго чина. Хунхузы требовали отъ плѣннаго пограничнаго артиллериста, чтобы онъ показалъ, какъ обращаться съ нашимъ орудіемъ, но доблестный слуга Царя и родины отказался исполнить требованіе хунхузовъ, не взирая на пытки. Дальнѣйшая участь этого доблестнаго слуги Царя и сына Великой Руси такъ и осталась неизвѣстной. Вѣроятно же всего, хунхузы его замучили.

Вечеромъ 4 февраля полковникъ У-дин-шинъ пригласилъ Яковлева къ себѣ въ гости, приславъ за нимъ китайскую карету (фуфутунку).

У-динъ-шинъ ласково принялъ поручика Яковлева, однако, возобновилъ свои увѣщанія отказаться отъ дальнѣйшаго пребыванія въ Ченгтынгѣ, сообщилъ о

близости японскаго отряда при офицерахъ и шпионахъ, разыскивающихъ въ городѣ русскаго „капитана“.

Непоколебимость русскаго офицера нѣсколько озадачила китайскаго полковника.

— Завтра большой праздникъ и сегодня тоже праздникъ, — задумчиво произнесъ У-дин-шинъ. — Капитанъ храбръ и мужественъ. Онъ въ качествѣ ламы смѣшается съ толпой и увидитъ гуляющаго японскаго офицера собственными очами... Только на старую квартиру капитанъ больше не поѣдетъ, а отправится къ шибко большому купеза (купцу) и у него скроется до поры, до времени.

Поручикъ отправился къ пріятелю полковника, къ „шибко большому купезу“. Въ болѣе просторной и чистой фанзѣ послѣдняго пировали и играли въ кости сосѣди, очевидно, друзья. Переодѣтаго въ костюмъ ламы русскаго офицера они не узнали, или вѣрнѣе, притворились, что не замѣчаютъ „маскарада“. Яковлеву предложили принять участіе въ игрѣ. Чтобы расположить къ себѣ китайцевъ, пришлось присоединиться къ игрѣ и даже проиграть нѣсколько монетъ.

Раннимъ утромъ слѣдующаго дня въ домѣ купца появились нѣсколько шпионовъ. Они справлялись у хозяина, нѣтъ ли у него русскаго капитана. Можно себѣ представить, что чувствовалъ нашъ поручикъ въ костюмѣ ламы, видя въ маленькое окно фанзы японскихъ шпионовъ... А вдругъ хитрый полковникъ устроилъ ловушку.

Но хозяинъ мирно побесѣдовалъ съ пришедшими шпионами, послѣ чего послѣдніе удалились.

Немного отлегло. Опасность миновала. Хозяинъ вошелъ въ фанзу и, глядя въ глаза поручику, объяснялъ ему о шпионахъ, о поискахъ русскаго капитана, о праздникѣ на улицѣ и о японскомъ отрядѣ, остановившемся гдѣ-то, въ 25 верстахъ, на ханшинномъ заводѣ. Тамъ японцы приглашаютъ монголовъ на службу, предлагая солдату 15 рублей въ мѣсяцъ, офицеру 25 рублей, а пачальнику части 35 рублей. Однако, поручика успокоилъ, говоря, что его не выдастъ.

— Сегодня праздникъ. Всѣ визитируютъ. На улицѣ шествіе дракона, продолжалъ китайскій купецъ объяснять русскому офицеру.

Вечеромъ явился самъ У-дин-шинъ. Онъ пригласитъ

поручика Яковлева полюбоваться на праздничную толпу. Они вышли вмѣстѣ и смѣшались съ толпой, въ которой поручикъ Яковлевъ увидѣлъ японскаго кавалерійскаго офицера, одѣтаго въ черную суконную накидку, фуражку съ желтымъ околышемъ, при саблѣ въ металлическихъ ножнахъ.

Поручикъ, шагая въ толпѣ рядомъ съ японцемъ, съ любопытствомъ осматривалъ его, прекрасно сознавая, что явись у послѣдняго малѣйшее подозрѣніе, не сдобровать бы російскому воину, свято исполняющему долгъ службы.

На слѣдующій день (6 февраля) полковникъ У-дин-шинъ снова прислалъ за Яковлевымъ свою двухколесную каретку (фудутунку).

Пріѣхавъ къ У-дин-шину, Яковлевъ узналъ отъ послѣдняго о занятіи японскимъ отрядомъ селенія Охутунъ, расположеннаго въ 30 ли (15 верстахъ) отъ Ченгытана.

— Я отправляюсь съ визитомъ къ японскому начальнику, — сказала У-дин-шинъ.

— Убѣдительно прошу почтеннаго полковника взять меня съ собою.

— Опасно, очень опасно, — замѣтилъ полковникъ.

— Знаю, что рискъ большой, но я желаю лично убѣдиться въ присутствіи въ Монголіи японскихъ войскъ.

Въ концѣ концовъ, У-дин-шинъ согласился взять Яковлева съ собою, но съ условіемъ, чтобы онъ перодѣлся китайскимъ солдатомъ. Предусмотрительный полковникъ нашелъ, что въ его свитѣ, среди его солдатъ никакимъ шпионамъ и въ голову не придетъ разыскивать русскаго капитана.

Такимъ образомъ, поручикъ Яковлевъ изъ монгольскаго ламы превратился въ заправскаго китайскаго солдата и въ такомъ видѣ отправился въ отрядъ полковника У-дин-шина въ селеніе Охутунъ, гдѣ квартировала отрядъ изъ 188 японцевъ, 300 монголь и 100 хунхузовъ при двухъ японскихъ офицерахъ.

Въ Охутунѣ Яковлеву удалось лично присутствовать при бесѣдѣ У-дин-шина съ японскимъ офицеромъ. По возвращеніи въ Ченгытынъ, полковникъ узналъ, что японцамъ извѣстно о нахожденіи въ городѣ русскаго офицера, котораго непріятельскіе шпионы дѣятельно выслѣживаютъ.

Вслѣдствіе этого, дальнѣйшее пребываніе не только

у купца въ фанзѣ, но и въ городѣ становилось крайне рискованнымъ.

Пришлось перебраться на окраину города въ полуразрушенную, заброшенную фанзу. Между тѣмъ, въ городѣ, словно шакалы рыскали шпионы, разыскивая поручика. Нѣсколько разъ они проходили мимо убѣжища, но имъ, очевидно, и въ голову не приходило, чтобы въ этой жалкой руинѣ скрывался тотъ, кого они ищутъ.

Вечеромъ Яковлевъ услышалъ конскій топотъ, постепенно приближавшійся къ его убѣжищу.—„Ну, думаетъ бѣдняга, пришелъ мой конецъ, попался“...

Дѣйствительно, у самой фанзы остановилась группа всадниковъ... Слѣзши съ коней, они направились во дворъ. Ихъ встрѣтилъ развѣдчикъ Яковлева, который, узнавъ нашего офицера съ развѣдомъ, ринулся въ фанзу съ радостными криками:

— Своя! Своя! капитана! радость развѣдчика по поводу появленія нашихъ выразилась такъ бурно, что тронула и насмѣшила всѣхъ до слезъ.

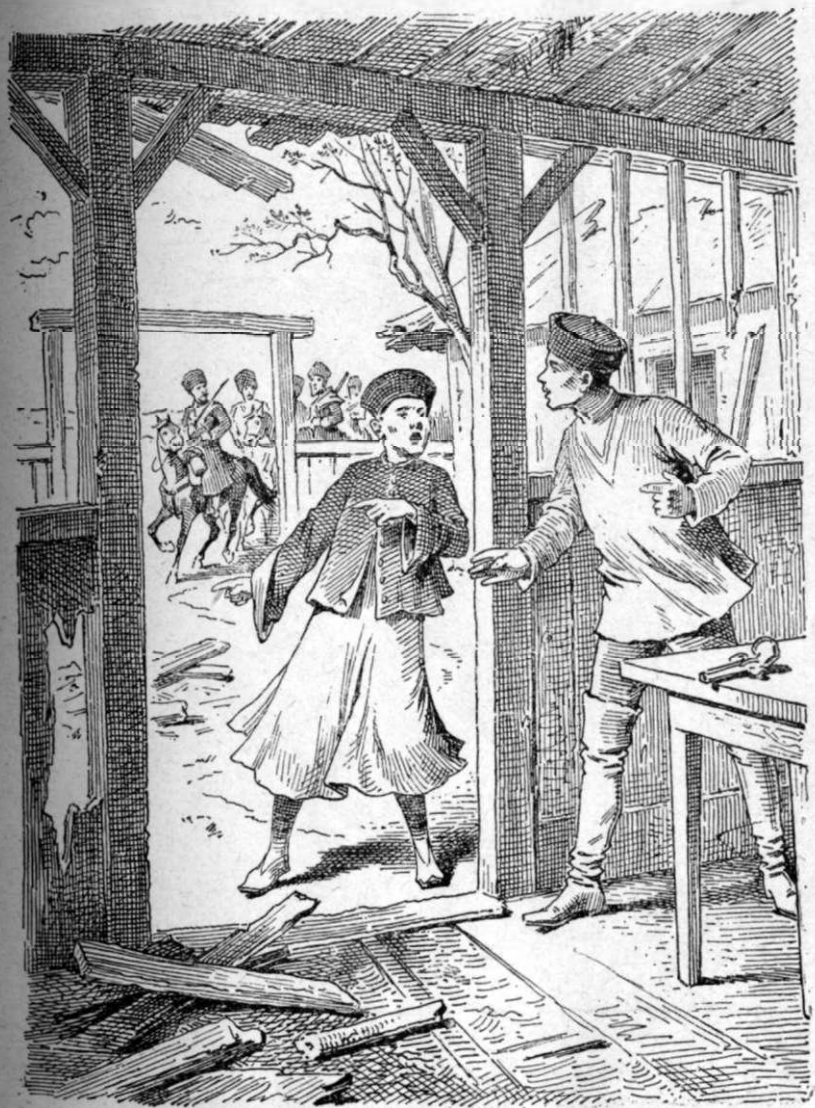
На выручку явился развѣздъ 21-й сотни Заамурскаго Округа пограничной стражи подъ командой корнета Рошко.

Совмѣстно съ начальникомъ развѣзда они обсудили положеніе, которое несомнѣнно являлось чрезвычайно рискованнымъ, однако, тотчасъ выѣхать изъ Чангытына не представлялось возможнымъ.

Требовался отдыхъ лошадямъ и усталымъ всадникамъ по крайней мѣрѣ на нѣсколько часовъ. Пришлось переночевать въ жалкой руинѣ. Раннимъ утромъ слѣдующаго дня пришло извѣстіе о движеніи шайки хунхузовъ въ 1000 человекъ подъ предводительствомъ Тулисана, Фуленгоо и Чаубаши.

Часовые сообщили, что въ теченіе ночи нѣсколько разъ приближались верховые, но тотчасъ скрывались. Около 6½ часовъ утра одинъ изъ развѣдчиковъ сообщилъ о приближеніи японскаго отряда изъ Охутуна къ Ченгытыну.

Въ 7 часовъ утра выступилъ нашъ отрядъ въ обратную сторону, имѣя въ виду все время большую неприятельскую колонну. Нашимъ приходилось наблюдать на довольно близкомъ разстояніи неприятельскіе дозоры, а пройдя версты три, замѣтили отрядъ конницы, показавшейся между прогалинами роши.

Переводчикъ сообщаетъ поручику Яковлеву о появленіи
разъѣзда пограничниковъ.

Преслѣдованіе разбѣда пограничниковъ японо-хунхузскимъ отрядомъ.

Этотъ отрядъ шелъ на рысяхъ, держась параллельно съ нашимъ разъѣздомъ. Перешла на рысь и наша маленькая группа всадниковъ, но версты полторы спустя непріятельскій отрядъ приблизился къ нашему разъѣзду на разстояніе ружейнаго выстрѣла и, построившись широкимъ фронтомъ, двинулся съ явнымъ намѣреніемъ сдавить разъѣздъ желѣзнымъ кольцомъ.

Моментами оба противника приближались на разстояніе 200—300 шаговъ. Легко было сосчитать количество всадниковъ, коихъ оказалось не менѣе 300; всѣ они были на темныхъ коняхъ, въ темныхъ накидкахъ, вооруженные холоднымъ оружіемъ при винтовкахъ.

Вступить въ открытую борьбу съ такимъ значительнымъ по численности врагомъ да еще въ открытой мѣстности, нельзя было и думать. Пустивъ коней наметомъ, взяли вправо, рассчитывая такимъ образомъ выиграть нѣсколько въ разстояніи. Кромѣ того, пограничники надѣялись достигнуть какую-нибудь инпань, занять ее и защищаться до послѣдней капли крови. Началась бѣшеная скачка, продолжавшаяся часа два съ половиной. Достигши рѣки Ляо-хэ, японцы направились нашимъ на перерѣзъ.

Надвигалась ночь. Быстро надвигающаяся въ Маньчжуріи темъ дала возможность нашимъ ускользнуть отъ бдительнаго ока враговъ, а къ утру кстати подошло подкрѣпленіе въ 20 человекъ китайскихъ солдатъ отъ генерала Хе-ну-и, съ которыми удалось добраться до Памынчена. Здѣсь встрѣтились съ 36-ю сотнею, высланною по распоряженію всегда предусмотрительнаго и заботливаго генерала Чичагова.

Разъѣздъ избѣгъ серьезной опасности лишь благодаря безавѣтной храбрости всѣхъ чиновъ Заамурскаго Округа. Добытыя поручикомъ Яковлевымъ свѣдѣнія оказались весьма важными. Японскіе эмиссары рассчитывали привлечь на свою сторону монгольскихъ князей.

Князь монгольскій Ташету изъ провинціи Ланфу привезъ изъ Пекина для своихъ подданныхъ 5000 винтовокъ, которыя и роздалъ не только своей провинціи, но и сосѣдней Тархуэ.

Поручикъ Яковлевъ убѣдился въ расположеніи къ японцамъ большинства китайскихъ чиновниковъ, состоявшихъ на жалованьи у японскихъ эмиссаровъ и служившихъ имъ въ качествѣ шпионовъ.

Отрядъ капитана генеральнаго штаба Чеснакова.

Въ іюнѣ и іюлѣ развѣдчики доносили, что значительныя хунхузскія шайки, руководимыя японскими офицерами, стремятся разрушить мосты Китайской Восточной желѣзной дороги. По распоряженію начальника округа генерала Чичагова былъ сформированъ отрядъ для противодѣйствія хунхузскимъ шайкамъ. Начальникомъ отряда назначили капитана генеральнаго штаба Чеснакова, который не замедлилъ отправиться на станцію Гунчжулинъ, откуда надлежало выступить противъ хунхузовъ.

Было жарко, невыносимо душно, когда капитанъ Чеснаковъ подошелъ къ казармѣ.

Отыскавъ горниста, онъ приказалъ ему сыграть тревогу, дежурнаго по казармѣ послалъ предупредить командира сотни и вызвать командующаго взводомъ батареи, расположенной въ Гунчжулинѣ.

Горнистъ игралъ сборъ.

— Тра-та-та-та-ти, — рѣзко и медленно разносились по казармѣ и на улицѣ звуки трубача въ то время, какъ замурцы быстро выбѣгали изъ помѣщеній, одѣтые уже въ полной боевой амуниціи. Въ нѣсколько минутъ сотня выстроилась развернутымъ фронтомъ и словно застыла въ ожиданіи своихъ офицеровъ.

— Должно, дождь будетъ, — произнесъ унтеръ, обращаясь къ усатому вахмистру Королеву, закаленному въ набѣгахъ на хунхузовъ. Онъ сидѣлъ на своемъ „монголѣ“, молчаливый и величественный.

— Не растаешь! — лаконически отрѣзалъ вахмистръ, истолковавъ это замѣчаніе, какъ намекъ на неудачно выбранный моментъ для выступленія въ походъ.

Подобныхъ замѣчаній вахмистръ не переносилъ, и

если бы онъ считалъ время удобнымъ для выговора, онъ обязательно сказалъ бы „нерадивому“ рѣчь:

„Кажинный солдатъ долженъ живота своего не щадить, долженъ и голодъ и холодъ переносить безропотно и всякую непогоду... Служба за Царя и отечество... Понялъ, образина“?

На небѣ съ поразительной быстротой нависли грозовые тучи. Сталъ накрапывать дождь, перешедшій черезъ нѣсколько секундъ въ настоящій ливень. Засверкали молніи, сопровождаемыя ударами грома, солдаты вмгъ развернули короткія непромокаемыя накидки, надѣли ихъ, и сотня, не взирая на ливень, вытянулась вдоль дороги, имѣя сзади два орудія—маленькія пограничныя пушечки

Къ счастію, ливень такъ же быстро прошелъ, какъ и явился. Онъ только смочилъ изсохшую землю, не попортивъ дороги. Отрядъ слѣдовалъ въ глубокомъ молчаніи, сознавая важность цѣли, форсированнымъ маршемъ.

Наступила ночь, темная, какъ всегда на югѣ, непроглядная: въ десяти шагахъ человѣка не различишь. Пришлось отъ „перемѣннаго аллюра“ отказаться, двигаясь впередъ шагомъ, съ дозорами и патрулями.

На небѣ ярко блесѣли звѣзды. По нимъ ориентировались, чтобы не сбиться съ пути. Проѣхавъ отъ станціи Гунчжулинъ верстъ двадцать пять безъ остановки, замѣтили, что въ непроглядной тьмѣ сбились съ дороги.

— Вахмистръ Королевъ!—крикнулъ начальникъ отряда.

Королевъ изучилъ дороги и тропинки, нравы и обычаи разбойниковъ Манджуриі.

— Чего изволите, ваше Высокоблагородіе?—откликнулся Королевъ.

— Мы сбились съ дороги?

— Такъ точно, сбились.

— Какъ же ты не замѣтилъ?

— Такъ что, ваше Высокоблагородіе, тьма египетская. Гдѣ тутъ замѣтишь? Прикажете остановиться, а я тѣмъ временемъ къ фанзѣ, вонъ тамъ, подъѣду и разспрошу.

— Хорошо, ступай. „Стой!“—скомандовалъ начальникъ отряда.—„Оправиться!“

Однако, оправляться не пришлось. Едва вахмистръ исчезъ въ темнотѣ, раздался съ той стороны, куда онъ направился, ружейный залпъ. Вслѣдъ за этимъ подскочилъ вахмистръ и доложилъ, что въ той „инпани“, что на дорогѣ, започевала шайка хунхузовъ.

Съ быстротой, свойственной привычнымъ пограничникамъ замурцамъ, окружили инпанъ. Началась перестрѣлка, грохнулъ выстрѣлъ изъ фальконета.

По всему видно было, что хунхузы намѣрены защищаться.

На штурмъ начальникъ отряда не рѣшался, не желая нести напрасныя потери, неизбежныя въ ночномъ нападении на укрѣпленную фанзу. Поэтому онъ вызвалъ одно орудіе и приказалъ пустить снарядъ въ инпанъ. Орудійный выстрѣлъ произвелъ большой переполохъ среди хунхузовъ. Ружейная трескотня прекратилась, и нѣсколько всадниковъ выскочили изъ инпани въ гаолянъ, росшій по обѣимъ сторонамъ дороги. Благодаря темнотѣ, имъ удалось скрыться.

Съ разныхъ сторонъ слышались залпы и фальконетные выстрѣлы.

Это сигнализировали, предупреждая разбросанную по разнымъ деревьямъ шайку о близкой опасности.

Стихли выстрѣлы. Изъ гаоляна слышался протяжный стонъ, изъ деревни доносились отдѣльные крики, лай собакъ; вдали вспыхивали огоньки и тотчасъ потухали.

Начальникъ отряда наскоро провѣрилъ наличный составъ и, убѣдившись, что раненыхъ и убитыхъ нѣтъ, снялъ фуражку, перекрестился и скомандовалъ:

— Впередъ, маршъ!..

Отрядъ проскакалъ минутъ пятнадцать, когда послѣдовала команда: „Стой!“

— Чуда-сю! Гдѣ Чуда-сю?

Но Чуда-сю, великолѣпный переводчикъ и развѣдчикъ при отрядѣ, все время держался вблизи капитана.

— Здѣсь!—произнесъ онъ шопотомъ почти надъ самымъ ухомъ начальника.

— Гдѣ теперь хунхузы?

— Хунхуза? Хунхуза надо подстелегать, надо шибка мунога ума... Такъ не мозна...

— Какъ не можно? Что ты городишь?

— Такъ точно, Петла Владиміловичъ, не мозна, потому у хунхуза шибко холоса конь, мастакъ, иноходь, бѣжитъ шибко сколо.

Ясно стало юному капитану, что преданный развѣдчикъ не одобряетъ его тактическихъ приемовъ и „съ присущей китайцамъ политичностью“ старается дать это понять.

И дѣйствительно, у хунхузовъ особая тактика, съ которой необходимо считаться. Отъ боя съ русскими, особенно съ замурцами, они почти всегда уклоняются и если принимаютъ „вызовъ“, то стремятся обмануть, пострѣлявъ для вида, а потомъ улепетнуть безъ оглядки. Удирать хунхузамъ очень легко. Лошадей не жалѣютъ. Павшаго коня замѣняютъ въ первой встрѣчной деревнѣ, конечно, „безданно“, „безпошлинно“.

Начальникъ отряда былъ полонъ рѣшимости во что бы то ни стало настигнуть шайку хунхузовъ и уничтожить ее.

„Необходимо замести слѣды“, — разсуждалъ юный капитанъ самъ съ собою.

— Королевъ! — крикнулъ онъ. — Возьми переводчика Чуда-сю и отправляйся къ этимъ фанзамъ, скажи китайцамъ, что мы сбились съ пути, не можемъ найти направленіе на желѣзную дорогу... Понялъ?

— Такъ точно.

Спустя нѣсколько минутъ вернулся вахмистръ съ переводчикомъ. Они приволокли съ собою стараго китайца, усадили его на лошадь, и весь отрядъ круто повернулъ. Проскакавъ не болѣе двухъ верстъ, отрядъ былъ остановленъ.

— Королевъ! Волоки сюда китайца! Чуда-сю, ко мнѣ!

Привели китайца. Начался допросъ.

— Говори, чортова кукла, гдѣ хунхузы?

— Мы-юла, — пропищалъ манза, дрожа всѣмъ тѣломъ. — Путунда.

— А, путунда! Я тебѣ покажу „путунда“, говори, гдѣ хунхузы? Куда они пошли?

Переводчикъ Чуда-сю, послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ съ манзой на родномъ языкѣ, добился отъ него

сознанія, что хунхузы были у него, и что, угадавъ нападеніе храбрыхъ русскихъ, они удрали на Юшитай. Китаецъ оправдывался тѣмъ, что невозможно было отказать хунхузамъ въ ночлегѣ, иначе они кантами „сдѣлаютъ“.

Населеніе Манджуріи дѣйствительно находится въ неописуемомъ страхѣ передъ азіатскими Фра-Діаволами, которые за малѣйшее подварѣніе въ сношеніяхъ съ нашими войсками и въ доставленіи имъ свѣдѣній о мѣстѣ нахожденія шаекъ выжигаютъ всю деревню, предварительно разграбивъ ее. Китайскія власти откровенно заявляютъ, что онѣ не въ силахъ бороться со своими доморощенными рыцарями индустріи. Въ моихъ скитаніяхъ по дебрямъ этой удивительной страны мнѣ не разъ приходилось убѣждаться, что нѣкоторые китайскіе чиновники покровительствуютъ шайкамъ хунхузовъ, скрывая ихъ или предупреждая о предполагаемыхъ нами противъ нихъ экспедиціяхъ.

Когда начальникъ отряда узналъ отъ манзы о хунхузахъ, онѣ отдалъ его подъ наблюденіе вахмистра и повернулъ на Юшитай.

На востокъ заалѣла бѣлая полоска, предвѣстница утренней зари. Стало свѣтать. Сотня замурцевъ двигалась молча, озираясь по сторонамъ. Дозоры зорко всматривались въ гущу гаоляна, необозримыя поля, застѣянныя чумизой и уже колосившейся пшеницей.

Легкій паръ, словно бѣлая пелена, висѣлъ надъ полями. Кругомъ было пустынно и безмолвно. Ничто не указывало на близость хунхузовъ или ихъ дозорныхъ.

Взошло солнце и сразу обдало своимъ горячимъ дыханіемъ обогренную кровью и слезами долину, гдѣ все, кажется, располагало къ мирной сельской жизни. Въ Манджуріи въ іюлѣ и августѣ почти не бываетъ утренней прохлады. Воздухъ быстро накаляется, и жара становится нестерпимой даже для привычныхъ туземцевъ, которые спасаются отъ палящихъ лучей въ густыхъ заросляхъ полей, почти безъ одежды. Часовъ около 8 вдали показалась стѣна Юшитай.

Городъ, повидимому, находился въ осадномъ положеніи. На толстой глиняной стѣнѣ, обнесенной глубокимъ рвомъ, торчалъ часовой въ остроконечной соломенной шляпѣ: онѣ держалъ на лѣвомъ плечѣ ружье,

не такъ, какъ европейскіе солдаты, а прикладомъ кверху, дуломъ книзу. Жители „предмѣстья“ грязные, нищіе, полуголые манзы говорили, что „хуза“ ночью грабилъ городъ и ушелъ на сѣверъ. Разумѣется, китайцамъ никто не повѣрилъ. На маленькомъ „военномъ“ совѣтѣ рѣшено было посѣтить городъ, предварительно выславъ туда небольшой головной разъѣздъ подъ начальствомъ офицера.

Юшитай ничѣмъ не отличается отъ всѣхъ китайскихъ городовъ, но теперь произвелъ ужасное впечатлѣніе: всюду слѣды грабежа, картина полного разгрома, въ магазинахъ выломаны двери и окна, разбросанные товары валяются по улицѣ; прохожіе и проезжіе топчутъ ихъ. Полуголые мальчуганы подбираютъ все, что еще не потеряло цѣнности, и тащатъ въ помѣщенія лавчонокъ. Желтолицые и косоглазые хозяина-купезы стоятъ у разграбленныхъ магазиновъ и со слезами созерцаютъ свой погромъ.

Изъ разспросовъ жителей выяснилось, что еще 27 іюля на городъ налетѣлъ ночью атаманъ Туинзеръ со своей шайкой, численностью не менѣе 500 человекъ. Храбрая китайская милиція бѣжала въ паническомъ страхѣ, побросавъ оружіе, такимъ образомъ, хунхузы очутились въ городъ полными властелинами и хозяйничали по-своему. Два дня и двѣ noci грабили разбойники беззащитный городъ. Забравъ все цѣнное, ушли, прихватили „бабушекъ помоложе и покрасивѣе, разумѣется, въ китайскомъ вкусѣ. На ханшинномъ заводѣ сообщили, что Туинзеръ тамъ бражничалъ и хвасталъ своей дружбой съ японскими полководцами, называлъ себя полковникомъ японской арміи. По порученію начальниковъ этой арміи, онъ идетъ грабить и другіе города, „симпатизирующіе“ русскимъ, затѣмъ ему предстоитъ разрушить желѣзнодорожный путь и соединеніе съ храбрыми японскими полками, гдѣ его слѣлаютъ за все „шибко булсимъ“ капитаномъ.

Изъ рассказовъ стало яснымъ, что хунхузы находятся поблизости, что ихъ необходимо настичь во чтобы то ни стало.

Администраціи города капитанъ Чесноковъ заявилъ,

что отъ преслѣдованія шайки онъ отказывается, что останется въ городѣ на отдыхъ и раннимъ утромъ слѣдующаго дня выступилъ въ Гундъжулинъ. Для вѣщей убѣдительности онъ даже потребовалъ десятокъ арбъ съ фуражемъ, мотивируя это желаніемъ воспользоваться случаемъ купить фуражъ по дешевымъ сельскимъ цѣнамъ.

Населеніе Юшитай встрѣтило нашъ отрядъ выраженіями непритворной радости. Когда они слышали, что „шибко булшой капитана“ отказывается отъ преслѣдованія хунхузовъ, на ихъ желтыхъ лицахъ и въ ихъ глазахъ отразились искреннее горе и разочарованіе.

Они наперерывъ старались задобрить русскихъ, предлагая свои фанзы, фуражъ и всякое „угощеніе“. Начальникамъ, т. е. офицерамъ, отвели лучшее помѣщеніе, солдатъ размѣстили по фанзамъ.

Хозяева-китайцы выказали поразительное при ихъ скупости, гостепріимство: кто таскалъ орѣхи въ сахаръ, кто несъ печеніе и всевозможные манджурскіе деликатесы въ родѣ морской капусты, плавниковъ акулы и молодого бамбука, употребляемаго китайцами въ пищу. Натаскали арбузовъ, дынь, чаю и табаку въ такомъ количествѣ, что всѣ невольно поразились неожиданной щедростью жителей, готовыхъ за „чоуху“ (чоха равна отъ $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{16}$ копейки) перегрызть другъ другу глотки. У дверей и воротъ толпились любопытные и, завидя русскихъ, добродушно улыбались, кивали головами, поднимая толстый палецъ вверхъ, и произносили: „хау, шанго, шибко шанго капитана“.

Нѣкоторые китайцы, поселившіеся изъ среды „купецовъ“, заходили въ помѣщеніе офицеровъ, садились на корточки, закуривали трубки. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчаливаго созерцанія, они, оглядываясь по сторонамъ, изъ опасенія, чтобы ихъ не подслушали, тайношественно нашептывали приблизительно слѣдующее:

— Капитана, шанго, хуза много, шибко много.

Нежеланіе капитана Чеснакова преслѣдовать хунхузовъ они, очевидно, объяснили по своему, предполагая, что небольшой отрядъ русскихъ боится большой шайки разбойниковъ.

— Капитану не надо бояться, — говорили они, — у капитана „булсой пушка“.

Однако, начальникъ отряда твердо стоялъ на своемъ, серьезно увѣряя, что не намѣренъ преслѣдовать разбойниковъ Манджуріи, которыхъ китайцы съ такой тщательностью скрываютъ.

— Сами виноваты, — съ укоромъ говорилъ имъ капитанъ, — зачѣмъ скрываете вашихъ грабителей, отчего заблаговременно не даете знать русскимъ, гдѣ скрываются ваши „хуза?“.

Назойливыхъ посѣтителей пришлось въ концѣ концовъ выгнать. Усталость послѣ безсонной ночи брала свое. Хотѣлось хоть немного отдохнуть и, кромѣ того, необходимо было обдумать планъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Передъ вечеромъ внезапно явился храбрый капитанъ китайской милиціи. Узнавъ о прибытіи „высокочтимыхъ“ гостей, онъ счелъ долгомъ вернуться изъ своего „скромнаго“ убѣжища, чтобы оказать честь русскому отряду.

Разумѣется, и онъ совѣтовалъ преслѣдовать хунхузовъ и предлагалъ въ помощь свою милицію, кстати оставшуюся безоружной.

Какъ ни была велика усталость, пришлось считаться съ китайскими церемоніями и немедленно отъѣхать визитъ храброму начальнику юшитайской милиціи, чѣмъ послѣдній былъ чрезвычайно польщенъ.

Отрядъ, повидимому, принялъ увѣренія начальника отряда о нежеланіи преслѣдовать шайку хунхузовъ за чистую монету. Всѣ улеглись огорченные, что экспедиція не выполнитъ намѣреніе „уничтожить“ шайку разбойниковъ, вѣчно тревожащихъ разбросанныхъ по линіи дороги часовыхъ и крейсирующихъ разъѣздовъ и патрулей.

Когда начальникъ отряда вернулся отъ храбраго китайскаго капитана, его встрѣтилъ во внутреннемъ дворѣ фанзы развѣдчикъ Чуда-сю. Съ таинственнымъ видомъ приблизился онъ къ юному начальнику и, приложивъ два пальца къ губамъ, указавъ свободной рукой на фанзы, гдѣ спали офицеры и нѣкоторые изъ старшихъ нижнихъ чиновъ сотни, состоявшіе при офицерахъ въ качествѣ вѣстовыхъ и ординарцевъ.

— Капитана!—шопотомъ произнесъ Чуда-сю.—Важныя новости!

— Что такое?— Говори скорѣе.

— Моя видалъ сегодня Туинзеръ...

— Что ты городишь?! Какой Туинзеръ...

— Сама атамана хунхузовъ, сама Туинзеръ... Какъ тигръ лютый... Какъ шакала бросался по фанзамъ...

— Почему его не схватили?

— Не схватили?—переспросилъ Чуда-сю и устремилъ свои плутовскіе глаза въ ясное, усѣянное звѣздами небо, словно старался найти тамъ разгадку, почему не схватили смѣлаго атамана.

— Машинка твоя, — внѣ себя крикнулъ капитанъ („машинка твоя“ означаетъ на „русско-манчжурскомъ“ жаргонѣ:— „Ты мошенникъ. Ты насъ продалъ“...)

— Тссъ! капитана! Твоя не говори громко (китайцы вмѣсто буквы „р“ всегда произносятъ „л“). Тссъ!.. Твоя не сидись... слушай!.. Поймать атамана Туинзера шибко трудно... Ува... трудно... У атамана здѣсь по всему городу агенты бродятъ и все ему доносятъ. Атамана тепелича спокойно уѣхалъ къ шайкѣ. Онъ сама знаетъ, что твоя не хочетъ его преслѣдовать... Завтра, утромъ, когда солнце будетъ на небѣ высоко, вся шайка соберется недалеко, верстахъ въ пятнадцати отъ Юшитай...

За чефаномъ *) твоя сотня ихъ настигаетъ... и кантами... всѣмъ, тунъ-тунъ кантами.

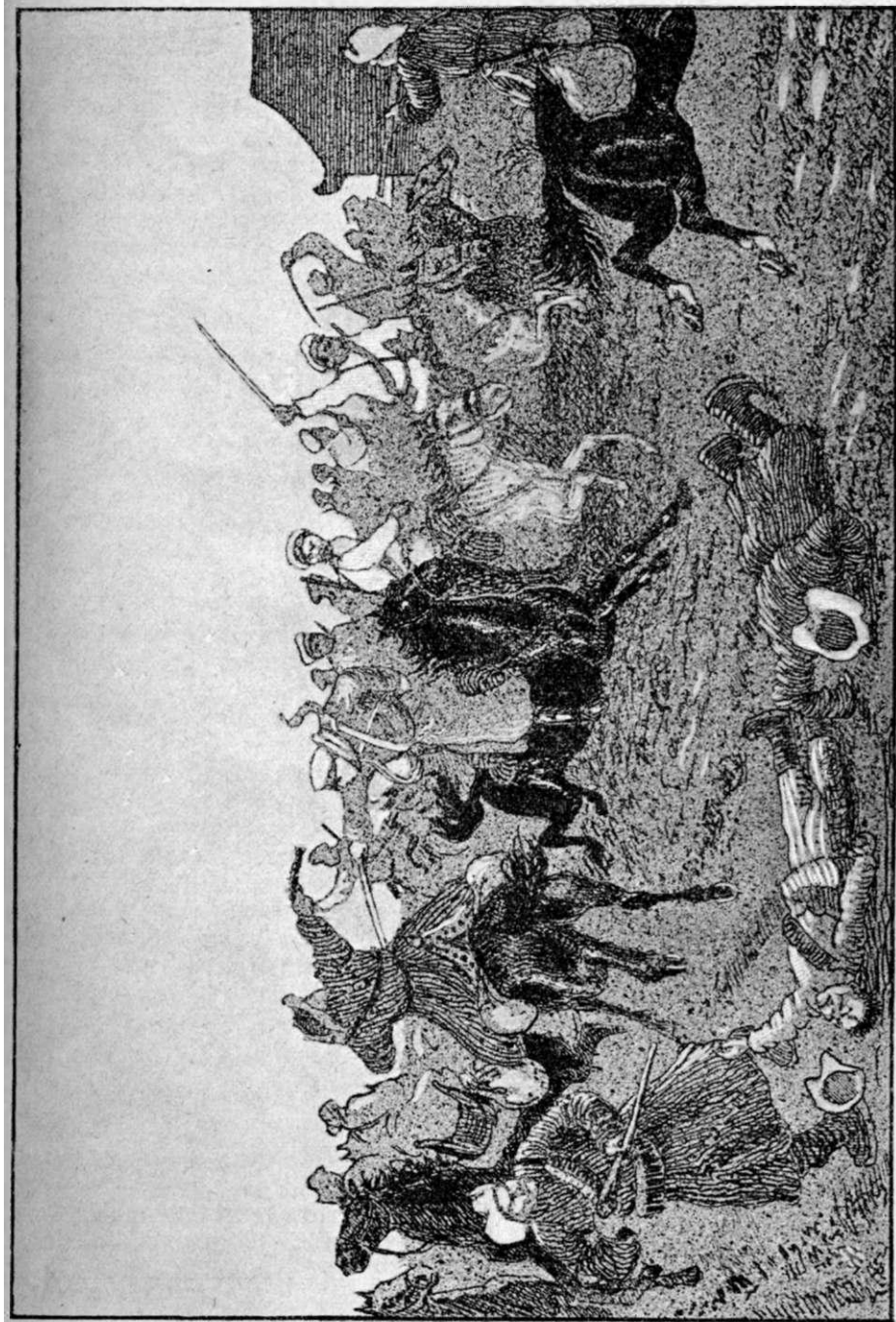
Послѣднія слова Чуда-сю произнесъ съ видимымъ удовольствіемъ и отъ полноты чувства показавъ рукою по шеѣ, желая этимъ дать понять, что, настигнувъ неожиданно, во время чефана (обѣда) хунхузовъ, отрядъ истребитъ ихъ всѣхъ до одного.

Въ душѣ этого развѣдчика гнѣздилась глубокая ненависть къ хунхузамъ и, какъ говорили, онъ имѣлъ на это важныя основанія: когда онъ жилъ въ Нингутѣ мирнымъ „конхodemъ“, т. е. работникомъ, хунхузы напали на деревню, гдѣ жила его семья, разграбили все и сожгли, а атамана Туинзера увелъ его жену.

Потеря жены такъ подѣйствовала на Чуда-сю, что онъ поклялся въ кумирнѣ отомстить атаману Туинзеру.

— Слушай, Чуда-сю, — сказалъ капитанъ Чесна-

*) Чефанъ—обѣдъ, чефанить—закусывать, обѣдать.

Бой пограничниковъ съ хунгузами.

ковъ,—отрядъ разбуди не позже 5 часовъ утра. Понимаешь?

— Понимаемъ.

— Я возьму съ собою 10 конныхъ и вмѣстѣ съ тобою пойду по слѣдамъ шайки. Если мы ихъ настигнемъ, ты поскачешь къ отряду и передашь ему мои распоряженія, я же разставлю дозоры, которые скроются въ гаолянѣ до прихода отряда. Будь остороженъ, веди ихъ такъ, чтобы дозоры хунхузовъ не примѣтили... Понимаешь?

— Понимаемъ. Будьте спокойны. Исполнимъ все, какъ слѣдуетъ...

Раннимъ утромъ сотня и два орудія тронулись въ путь.

Начальникъ отряда съ десятию испытанными замурцами и развѣдчикомъ поскакалъ впередъ.

Пройдя десять верстъ, онъ остановился въ деревнѣ поразспросить о хунхузахъ. Китайцы сообщили, что шайка дѣйствительно заночевала, но на зарѣ разъединилась; одна часть, человекъ въ 300, направилась на сѣверъ грабить гор. Яндаченцзы, другая около 200 всадниковъ, пошла на востокъ, вѣроятно, грабить гор. Сіонченцзы.

Это заставило призадуматься начальника отряда. Но Чуда-сю былъ тутъ какъ тутъ.

— Капитана! Хуза разграбить Яндаченцзы и Сіонченцзы, а потомъ пойдутъ на соединеніе... Прикажи отряду пойти на перерѣзъ, между этими городами. Мы ихъ тамъ настигнемъ. О, моя, хорошо знаетъ уловки хуза...

Вездѣ на пути были слѣды прохожденія шайки хунхузовъ. Озлобленные жители открыто указывали ихъ направленіе. Иногда отъ страха и на вопросъ:

— Хуза ю? — китайцы качали головами, громко отвѣчая „Мы юла“, а потихоньку шептали, оглядываясь по сторонамъ:

— Ю-ю, капитана, — и указывали, по какому пути ушли манджурскіе рыцари индустріи.

Около часа пополудни, проскакавъ 60 верстъ, вмѣсто предполагавшихся 15, остановились у маленькой деревни, окруженной подростшимъ гаолянномъ.

Зная организацию хунгузовъ, капитанъ Чеснаковъ приказалъ окружить селеніе, чтобы оставленный тамъ агентъ не предупредить шайки о приближеніи опасности.

Мѣстность представляла волнистое пространство, засѣянное ровными, словно разливованными грядами чумпы, ячменя, пшеницы, гаоляна, бобовъ и всевозможныхъ огородныхъ овощей. Между ними узенькой лентой извивалась рѣчка, извѣстная здѣсь подъ названіемъ Дунь-Тяохе.

Черезъ Дунь-Тяохе переправились въ бродъ и расположились у дер. Силутай, выславъ два разъѣзда по шесть человекъ съ приказаніемъ никого не выпускать изъ селенія и не пропускать къ нему.

Разъѣзды маленькой пноходью пошли къ слѣдующей деревнѣ, расположенной верстахъ въ двухъ отъ рѣчки, носящей, по картѣ, прозвище Ванцзятунь. Вблизи деревни показались шесть конныхъ всадниковъ. Они открыли огонь по разъѣзду, но послѣдній въ мигъ окружить разбойниковъ и зарубилъ ихъ.

Маицы селенія сообщили, что въ сосѣдней деревнѣ верстахъ въ трехъ, находится часть шайки Гуинзера, около 200 всадниковъ, о чемъ немедленно извѣстили начальника отряда.

Капитанъ направилъ на деревню взводъ заамурцевъ подъ командой штабсъ-ротмистра Павлова-Сильванскаго. Ему дано было распоряженіе обойти деревню, ударить на шайку и гнать ее на главныя силы отряда.

У деревни они увидѣли болѣе ста всадниковъ, выпавшихъ изъ деревенской улицы и полнымъ ходомъ направившихся къ находившемуся шагахъ въ 600 отъ строеній кирпичному заводу, откуда открыли учащенный огонь. Нашъ передовой взводъ быстро сбѣжился и, обстрѣлявъ заводъ, перешелъ въ наступленіе. Тѣмъ временемъ сталъ приближаться начальникъ отряда съ остальными людьми. Орудія попали на топкое мѣсто и двигались медленно, а конные скакали прямо на заводскія строенія.

Хунгузы открыли по нимъ бѣшеный огонь.

Привычные, обстрѣлянные заамурцы быстро шли въ атаку.

Хунгузы сообразили маневръ штабсъ-ротмистра

Павлова-Сильванскаго и бросились къ своимъ конямъ черезъ мгновеніе они уже скакали къ рѣчкѣ, но ихъ настигъ командиръ сотни ротмистръ Линицкій, врубился въ орду, и пошла работа въ рукопашную.

У рѣчки хунхузовъ встрѣтилъ дружный залпъ остальныхъ взводовъ сотни заамурцевъ. Маньчжурскіе шакалы не выносятъ нашего огня. Они въ паникѣ бросились въ кустарникъ, откуда открыли беспорядочную пальбу изъ своихъ разнокалиберныхъ ружей и фальконетовъ.

У насъ пострадали двое нижнихъ чиновъ, одному раздробило кость предплечья, другому часть заряда изъ фальконета угодила въ животъ.

Юный капитанъ Чеснаковъ не желалъ нести потери; во избѣжаніе ихъ онъ спѣшилъ команду, она залегла за естественными прикрытіями и открыла огонь пачками,

Павловъ-Сильванскій со своимъ взводомъ, обогнувъ кустарникъ, напалъ на флангъ хунхузовъ. Онъ также спѣшился и открылъ частый огонь

На поддержку Павлову выслали еще взводъ, а начальникъ отряда вывелъ карьеромъ на позицію подошедшія орудія и далъ по спрятавшимся въ кустахъ разбойникамъ два выстрѣла картечью.

Выстрѣлы привели въ ужасъ хунхузовъ. Они, по одиночкѣ выскакивали изъ-за кустовъ и метались изъ стороны въ сторону, какъ угорѣлые. Заамурцы дружно бросились въ „шашки“ и снова пошла работа „въ рукопашную“.

Крики „ура“ смѣшались съ гортанными всхлипываніями желтолицыхъ разбойниковъ, лязгомъ оружія и звуками одиночныхъ выстрѣловъ. Вотъ ротмистръ Линицкій врѣзался въ сбившихся въ кучу десятковъ хунхузовъ и замахалъ шашкой „направо“ и „налѣво“.

Этотъ скромный командиръ, котораго всѣ знали за добряка, неспособнаго и мухи обидѣть, рубилъ съ остревеніемъ.

Послѣ боя онъ самъ мнѣ говорилъ, краснѣя и конфузясь:

— Никогда я не думалъ, что могу превратиться въ „человѣка-звѣря“... Что дѣлать? Война...

Изъ шайки въ 200 хунхузовъ удалось удрать не болѣе 7 или 9 разбойникамъ. Остальные всѣ были перебиты.

Въ видѣ трофеевъ намъ досталось много коней, прекрасныхъ „мастачковъ-иноходцевъ“ оружія и патроновъ. Картина боя обыкновенно представляется въ видѣ сумбура, каши, въ которой ничего не разберешь; стрѣляютъ, колятъ, рубятъ, отдѣльные крики, но въ общемъ, что-то ужасное, гнетущее.... Разумѣется, нѣтъ ничего похожего на парадъ или даже красивое ученье.

Послѣ боя сумбуръ понемногу исчезаетъ, является возможность нѣсколько разобраться въ впечатлѣніяхъ. Артиллеристы рассказываютъ, что послѣ большихъ сраженій они гложутъ на нѣсколько дней, а голова не въ состояніи мыслить, становится тяжелой, какъ-бы „не своя, а чужая“.

Послѣ истребленія хунхузовъ, въ кустахъ и въ гаюлянѣ валялись трупы изрубленныхъ и убитыхъ пулями разбойниковъ; одни лежали съ раскрытыми, полными ужаса глазами и словно искали причину своей смерти, другіе лицомъ къ землѣ, зарывшись въ сѣрую пыль; казалось, они обняли землю, стиснули ее своими объятіями и въ этой позѣ на вѣки застыли.

Одинъ раненый, еще не потерявшій способности двигаться, сползалъ къ рѣкѣ, очевидно, въ намѣреніи смыть рану или смочить измученное жаждой горло... Валялись убитыя лошади, а инныя, безъ всадниковъ, скакали по полю, и за ними гнались пограничники. Изловивъ коня, они съ торжествомъ тащили его къ сотенному. Наши солдаты, въ огромномъ большинствѣ, всѣ приобретенные трофеи всегда „волокутъ“ прежде всего къ своимъ начальникамъ, и я это отмѣчаю, какъ признакъ существующей между нижними чинами и офицерами сердечной связи и прекрасныхъ человѣческихъ отношеній.

Бой съ хунхузами, начавшись въ началѣ второго, кончился въ 4 часа. Но задача не считалась выполненной. Необходимо было настигнуть другую часть шайки, направившуюся на сѣверъ.

Нашихъ раненыхъ устроили въ повозкѣ и, давъ имъ прикрытіе, приказали слѣдовать съ обозомъ. Главныя-же силы перемѣннымъ аллюромъ поскакали по слѣдамъ другой части хунхузовъ: по свѣдѣніямъ, было ихъ болѣе трехсотъ человекъ.

Утомленія отъ недавняго сраженія и форсированнаго 60 верстнаго перехода въ накаленномъ солнечными лучами воздухѣ какъ не бывало.

Обыскавъ всю деревню, занялись осмотромъ брошеннаго хунхузами обоза. Въ арбахъ было найдено много инструментовъ для порчи желѣзно-дорожнаго пути и, такъ-называемаго, „подрывного“ матеріала, т.-е. пачки съ пироксилиномъ.

Хозяиномъ импани оказался богатый китаецъ. По всему видно было, что его дворы, фанзы и дворики служатъ постоянными притонами для разбойниковъ.

Начали допрашивать хозяина. Послѣдній пытался отмалчиваться или отвѣчалъ односложнымъ мычаніемъ:

— Путунда...—и онъ отрицательно кивалъ головой, при этомъ смѣшно выпучивъ глаза.

Тѣмъ не менѣе, для насъ было вполне ясно, что этотъ переодѣтый простымъ манзой китаецъ причастенъ къ шайкѣ хунхузовъ. Его отдали подъ строгій караулъ, нарядили разъѣздъ въ развѣдку по окрестнымъ селамъ, а остальные прилегли на отдыхъ, размѣстившись по фанзамъ.

Въ четыре часа утра примчался на вспѣннвшейся мокрой лошади взводный и торопливо сталъ будить всѣхъ.

— Въ десяти верстахъ на бивакѣ хунхузы,—торопливо произнесъ онъ.

Команда въ мигъ была готова къ выступленію. Въ 5 часовъ она двинулась впередъ, въ расчетъ неожиданнаго напаствъ на разбойничій станъ, выславъ два наибольшіхъ разъѣзда въ обходъ.

Начальникъ отряда на рысяхъ пошелъ къ мѣсту стоянки хунхузовъ. Быстрота движенія дала возможность подойти къ стану версты на двѣ, не будучи замѣченными.

Но ближе къ расположенію хунхузовъ стояли ихъ обычные дозоры, которые, завидѣвъ отрядъ русскихъ, начали свою сигнализацию выстрѣлами изъ винтовокъ

и фадьконетовъ и даже флагами съ крышъ фанзъ ближайшей деревни.

Отрядъ усилилъ аллюръ, но приблизившись къ мѣсту ночлега, никого уже на немъ не засталъ. Предупрежденные выстрѣлами хунхузы за десять минутъ до прибытія отряда успѣли покинуть стоянку.

Начальникъ съ отрядомъ тотчасъ бросился въ погоню за хунхузами. Вотъ вдали показалась куча всадниковъ, бѣшено скачущихъ вдоль дороги и по полямъ.

Отрядъ почти настигалъ ихъ, но въ 60—70 саженьхъ разстоянія толпа хунхузовъ неожиданно разбивается на двѣ группы и бросается по полямъ вразсыпную.

Наши пытаются прибѣгнуть къ такому же маневру, но поздно. Эти группы въ свою очередь раздвоились, каждая отдѣльно, а затѣмъ вся толпа хунхузовъ разбилась на маленькіе разбѣды по 5—7 всадниковъ и исчезла въ высокомъ гаолянѣ.

Послѣ двухчасовой бѣшенной скачки пришлось остановиться. Дальнѣйшее преслѣдованіе становилось бесполезнымъ. Утомленные вчерашнимъ днемъ кони не были въ состояніи настигнуть разбойниковъ. Пришлось сыграть „сборъ“ и послѣ небольшого отдыха вернуться.

Населеніе всюду на обратномъ пути встрѣчало отрядъ съ искренними, неподдѣльными выраженіями радости. Общины во главѣ съ старшинами приходили благодарить капитана за уничтоженіе хунхузовъ. На улицахъ деревень и встрѣчныхъ городовъ отрядъ встрѣчали толпы китайцевъ и кричали:

— Хау! Шанго, капитана!—Ихъ радости, по всѣмъ видимостямъ, не было границъ.

Отрядъ двигался съ быстротою не менѣ двѣнадцати верстъ въ часъ. Наконецъ, лошади стали утомляться, люди окончательно вымокли въ собственномъ поту.

Солнце склонилось къ западу.

На горизонтѣ за гаоляномъ и чумизой вырисовывались башенки со стѣны города Янда-ченцзы. Справа отъ дороги стояла импань, окруженная высокой тол-

стой глиняной стѣной. Это была знаменитая импань Джай-ю-тунъ, гнѣздо хунхузовъ.

Но маньчжурскіе шакалы уже успѣли узнать объ участи, постигшей ихъ товарищей. Всего за полчаса до прихода нашего отряда, они покинули импань, второпяхъ бросивъ обозъ и много лошадей.

При нашемъ приближеніи изъ импани выскочилъ рослый, здоровенный китаецъ въ франтовской курткѣ свѣтло-голубого шелка.

Онъ скорчилъ печальную рожу и залопоталъ на ломанномъ русскомъ языкѣ жалобнымъ голосомъ:

— Капитана!.. Хуза били.. грабили (вѣроятно грабили), тли тисца лубъ карапачи (три тысячи рублей отняли).— Ай-ай-ай ломайло... капитана!..

— Молчи, ефіопская образина!—крикнулъ подскочившій къ нему вахмистръ.—Знаю я тебя: такой-же мерзавецъ хунхузъ!.. „ломайла“ и „карапачи“,—смѣшно передразнивалъ его вышедшій изъ себя Вахроменко.

Но рослый китаецъ слезливо моргалъ глазами, бросался на колѣни и умолялъ настигнуть „хуза“ и отнять его „тли тисца лубъ“. Для большей убѣдительности онъ даже навязывался въ проводники, увѣряя, что хорошо знаетъ, куда ушли „хуза“.

Начальникъ отряда былъ въ большомъ затрудненіи: съ одной стороны, желательно было закончить начатое съ такимъ успѣхомъ дѣло до вечера, съ другой—люди да и лошади утомились, а въ голосѣ китайца изъ импуніи слишкомъ ясно сквозила неискренность...

Однако, рѣшено было не прерывать преслѣдованія.

Въ импани оставили караулъ, а съ остальными людьми пустились въ дальнѣйшую погоню, прихвативъ китайца. Вскорѣ подозрѣнія на китайца оправдались, но привычные въ преслѣдованіи хунхузовъ замурцы сами напали на слѣдъ удиравшей шайки.

Стало темнѣть. Лошади уже съ трудомъ передвигали ноги. Дальнѣйшая скачка становилась невозможной и бесполезной. Оглядѣлись. Въ темнотѣ показались остроконечныя крыши фанзъ. Это была деревня, къ которой и направился отрядъ.

Тамъ схватили „пару“ подозрительныхъ китайцевъ и начали допрашивать.

— Хуза-ю?—спрашивалъ начальникъ отряда, пользуясь своимъ убогимъ лексикономъ китайскаго языка.

— Мы-юла...—пищаль китаецъ, несомнѣнно переодѣтый хунхузъ.

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ мѣстныхъ жителей выяснилось, что хунхузы только что покинули эту деревню, переодѣвшись манзами, и спрятали свое вооруженіе въ гаолянѣ, гдѣ при обыскѣ нашли характерныя хунхузскія куртки, широкополая шляпы, отороченныя синимъ шелкомъ, и оружіе.

Нападеніе на мостъ Дунь-Ляо-хэ.

Южная часть Маньчжуріи, по которой пролегаетъ полотно Китайской Восточной желѣзной дороги, испещрено большими и мелкими ручьями, высыхающими въ знойные лѣтніе дни и превращающимися въ бурные потоки во время дождей. Даже такія рѣки, какъ Дунь-Ляо-хэ и Цинхэ, въ знойную пору лѣта, по окончаніи дождливаго періода, представляютъ собою ничтожныя ручейки, черезъ которые по пословицѣ и курица въ бродъ перейдетъ. Множество мостовъ, мостиковъ и насыпей охраняются часовыми Заамурскаго Округа Пограничной Стражи.

Сидя въ вагонѣ мчащагося по Маньчжурскимъ долинамъ поѣзда, ваше вниманіе невольно привлекаютъ маленькіе, граціозные домики подъ характерными китайскаго стиля крышами. Высокія стѣны изъ кирпича съ бойницами придаютъ этимъ одинокимъ, заброшеннымъ строеніямъ характеръ крошечныхъ крѣпостей. Кромѣ того, почти у каждой станціи пассажиры могли примѣтить съ обѣихъ сторонъ зданія пару окоповъ, напоминавшихъ вамъ, что вы ѣдете не по тамбовской губерніи, а по чуждой территоріи, населенной враждебными элементами. Даже нижнія половины оконъ прикрывались земляными мѣшками въ защиту отъ непрошенной гостии—шальной пули. Кто въ пути, случайно выглянувшій изъ окна вагона, не видѣлъ часового—пограничника на своемъ посту подъ мостикомъ или за насыпью. Быть можетъ, сидѣвшимъ въ уютномъ вагонѣ или теплушкѣ и въ голову не приходило, какія нужды и лишенія претерпѣваетъ этотъ солдатъ въ зеленыхъ погонахъ, опоясанный зеленоватаго цвѣта патронташемъ, судорожно сжавшій руками винтовку и пытливо всматривающійся въ таинственную даль безконечныхъ желтыхъ полей.

Онъ съ радостью взираетъ на промчавшійся поѣздъ

и, спявъ „головной уборъ“, набожно крестится, счастливый, что все обошлось благополучно, что съ вагонами, переполненными земляками, не приключилось бѣды.

Въ глухую ночь и ненастную погоду пограничникъ далекой Маньчжуріи не покидалъ своего поста, оберегая мчащіеся поѣзда.

Въ одну изъ такихъ многочисленныхъ Маньчжурскихъ почей, когда тьма такъ непроницаема, что въ трехъ шагахъ трудно что-либо рассмотреть, пограничники отправлялись дозорами по обѣимъ сторонамъ полотна дороги. Это называлось „освѣщеніемъ мѣстности“.

Съ цѣлью освѣщенія мѣстности въ ночь съ 9-го на 10-е Іюня 1904 г. отправился дозоръ изъ трехъ нижнихъ чиновъ съ поста на мосту Дунь-Ляо-хе. Осторожно, шагъ за шагомъ, двигались дозорные въ непроглядной тьмѣ, стараясь не только глазами, но и мыслью проникнуть въ эту черную таинственную даль.

— Стой, братцы, — шепнулъ старшій дезорный ефрейторъ Сухоновъ. — Маячить... Огопекъ, стало быть, изъ фанзы мелькаетъ... Надо полагать, ишпань...

Сухоновъ прекрасно зналъ мѣстность и обладалъ кошачьимъ зрѣніемъ. Ишпань, расположенная въ трехъ верстахъ отъ станціи, ему „шибко“ знакома. Не разъ онъ выбивалъ изъ нея засѣвшихъ хунхузовъ, и его чутье подсказывало ему, что и въ эту темную ночь изъ ишпани слѣдуетъ ждать бѣды... Огоньки, мелькавшіе изъ ишпани, оправдывали его догадки. Онъ съ товарищами приблизился къ этой крѣпости и, спѣшившись, оставилъ товарищей съ конями, а самъ влѣзъ на глиняную стѣну и впился глазами въ бумажное окно фанзы. Въ то же время чуткіе злоумышленники, въ свою очередь, замѣтивъ подсматривающую со стѣны тѣнь, поспѣшили потушить огни и, выползая по одному изъ дверей и оконъ фанзы, вскакивали на коней и куда-то мчались. Ночная тьма, словно бездонная, черная пропасть, поглощала ускокавшихъ.

— Эге! — пробурчалъ про себя Сухоновъ. — Дѣло серьезное. И ефрейторъ поспѣшилъ къ товарищамъ, но у одного изъ нихъ вырвалась лошадь, и всѣ трое вынуждены были посвятить нѣсколько драгоценныхъ минутъ на поимку коня. Непокорное животное вскорѣ

Пограничники на охрaнѣ линіи.

изловили и развѣздъ поскакали къ мосту, рассчитывая предупредить Начальника обороны о появленіи значительной группы подозрительныхъ китайцевъ въ сосѣдней инпани.

Дозоръ не успѣлъ достигнуть берега рѣки (Дунь-Ляо-хэ), какъ съ сѣверной стороны моста послышались выстрѣлы.

— Нападеніе!—шепнулъ товарищамъ ефрейторъ.— Намъ слѣдуетъ остаться здѣсь, на берегу, и выжидать. Мы здѣсь пользу принесемъ, а тамъ распорядятся... Смышленный ефрейторъ не ошибся. Едва грохнулъ первый выстрѣлъ, нарушивъ своимъ звукомъ ночную тишину, на посту моста все зашевелилось. Немедленно были направлены въ разныя стороны четыре парныхъ часовыхъ для освѣщенія мѣстности, а девять человѣкъ, подъ командою взводнаго унтеръ-офицера Ткаченко, поскакали къ правому берегу рѣки. Завязался ночной бой. Ткаченко съ своими людьми очутился подъ сильнымъ огнемъ невѣдомаго противника, быстро перемѣниваемаго фронта. Выстрѣлы раздавались уже не съ сѣвера, а съ юга. Пограничный унтеръ-офицеръ Ткаченко не растерялся. Онъ самъ направилъ свой маленькій отрядъ изъ девяти верховыхъ на лѣвый берегъ и, не взирая на темноту, взялъ непріятеля во флангъ и послѣ нѣсколькихъ залповъ обратилъ его въ безпорядочное бѣгство. Ткаченко не остановилъ успѣхъ. Онъ кинулся преслѣдовать врага. Рядовой Іосифъ Тварикъ настигъ трехъ злоумышленниковъ, ловкимъ и сильнымъ ударомъ шапки онъ положилъ одного на мѣстѣ, но остальнымъ удалось ускакать. Нападеніе на трехсаженный мостъ рѣки Дунь-ляо-хе было отбито частью охраннаго гарнизона, а перестрѣлка не прекратилась до утра. Ткаченко разбилъ своихъ людей на группы по три всадника и они преслѣдовали непріятеля, который нѣсколько разъ останавливался, завязывая перестрѣлку, однако, не выдерживалъ натиска и снова пускался въ бѣгство.

Въ числѣ преслѣдовавшихъ находился переводчикъ Кон-лу-инъ, типичный маньчжуръ, недурно лепетавшій по-русски. Подъ нимъ была убита лошадь, но это не мѣшало ему бѣжать впереди всѣхъ и кричать: „ула“, „ула“.

По собраннымъ свѣдѣніямъ, нападавшая шайка со-

стояла изъ монголовъ, хунхузовъ и японцевъ, численностью болѣе 200 человекъ. Гарнизонъ, защищавшій мость, состоялъ изъ 85 человекъ, изъ коихъ преслѣдовали нападавшихъ 17 человекъ, подъ командою вахмистра Ткаченко. Къ послѣднему подоспѣла на помощь учебная команда съ поручикомъ Васильевымъ во главѣ и преслѣдованіе продолжалось до вечера 10 іюня.

Много разказовъ можно привести изъ жизни пограничниковъ Заамурскаго Округа, ярко иллюстрирующихъ ихъ дѣятельность на охранѣ Китайской Восточной желѣзной дороги. Въ донесеніяхъ, напримѣръ, встрѣчается сообщеніе одного изъ рядовыхъ, который, охраняя свой постъ, „разсыпался въ цѣпь“, а своего подчаса „оставилъ въ резервъ“. Будучи раненъ, онъ вытребовалъ на подмогу резервъ, т. е. своего подчаса и вмѣстѣ съ нимъ, обливаясь кровью, мужественно отражалъ нападеніе на линію. Легко составить цѣлый рядъ подвиговъ Заамурцевъ на охранѣ, но и приведенные въ достаточной степени свидѣлствуютъ о самоотверженности достойномъ подражанія и молодечествѣ Заамурскихъ пограничниковъ.

Статистика нападеній на линію дороги показываетъ, что не проходило дня безъ покушенія на линію дороги или на охрану.

Кромѣ того, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что охрана линіи Китайской Восточной желѣзной дороги представляла трудности, совершенно непонятныя на нашей далекой родинѣ. Шайки хунхузовъ иногда не отличишь отъ мирныхъ жителей. Китайскіе чиновники вмѣстѣ съ населеніемъ не только шпионили за нами, но скрывали злоумышленниковъ и оказывали имъ всевозможное содѣйствіе. Если принять во вниманіе всѣ эти обстоятельства, станетъ понятнымъ, какихъ усилій стоило Заамурцамъ сбереженіе сооруженій въ неприкосновенности.

Тѣмъ не менѣе, многочисленныя попытки японцевъ препятствовать правильному движенію эшелоновъ съ войсками почти не отзывались на подвозѣ подкрѣпленій. Взорванная рельса и даже ферма немедленно восстанавливалась и поѣздъ продолжалъ движеніе, а пассажиры не подозрѣвали о приключеніи на линіи. При всемъ томъ, въ теченіе всей войны, длившейся двад-

цать мѣсяцевъ, не было ни одного крушенія, ни одной человѣческой жертвы, кровь которой легла бы тяжелымъ камнемъ на охрану изъ пограничниковъ. Всѣ, отъ генерала до послѣдняго рядового, несли свой долгъ передъ Царемъ и родиной, нерѣдко терпя холодъ и голодъ. Были мѣсяцы, когда чины Заамурскаго Округа почти безсмѣнно не сходили съ линіи, обносились, оставаясь безъ обуви, безъ смѣны рубашки на тѣлѣ, но долгъ свой исполняли съ истиннымъ героизмомъ.

Таковъ русскій солдатъ, такъ было поставлено дѣло охраны на линіи Китайской Восточной желѣзной дороги ¹⁾. Нападеніе на мостъ рѣки Шуан-тя-о-цзы, не взирая на значительный перевѣсъ непріятеля, было геройски отбито. Хунхузамъ предводительствуемымъ японцами, не помогла темная ночь, не удалось застать славныхъ замурцевъ върасплохъ. Часовые зорко всматривались въ окружающую мостъ мѣстность и предупредили первый выстрѣлъ коварнаго врага. Триста нападавшихъ были разбиты маленькимъ гарнизономъ моста.

¹⁾ Единственной попыткой, удавшейся японцамъ, слѣдуетъ считать нападеніе на мостъ 247 версты, когда была повреждена одна ферма.

Нападеніе на мостъ 247 версты.

Борьба двухъ армій разгоралась. Подготовлялся страшный почти двухнедѣльный Мукденскій бой. Обѣ арміи проявляли усиленную дѣятельность, передвигая части то на одинъ, то на другой флангъ. Мы посылали наши разъѣзды въ тылъ непріятельскаго расположенія, а непріятель, въ свою очередь, стремился окружить насъ или разрушить наши пути сообщенія.

Съ этой цѣлью онъ посылалъ отряды черезъ Монголію на линію желѣзной дороги сѣвернѣе станціи Гуньчжулинъ. Одинъ изъ такихъ отрядовъ и напалъ въ ночь съ 30 на 31 января на мостъ 247 версты, считая къ югу отъ Харбина.

Была темная, непроглядная ночь. Такія темныя ночи наблюдаются только въ Маньчжуріи. Ни зги не видать. Въ двухъ шагахъ человѣка не различишь. Все, и небо и земля, сливаются въ одну густую темную массу. А вѣтеръ, злой Маньчжурскій вѣтеръ, мечетъ и рветъ, и злобствуетъ. И жутко дѣлается часовому, стоя на посту въ концѣ моста или подъ мостомъ. Онъ жмется отъ стужи, наносимой вѣтромъ, но глаза должны смотрѣть, а уши прислушиваться къ зловѣщему завыванію вѣтра и стараться уловить малѣйшій подозрительный шорохъ.

— Ишь ты! думаетъ бѣдный пограничникъ, конвульсивно сжимая руками винтовку. И откуда этотъ вѣтрище берется?.. А песку этого—страсть...

Заамурскій пограничникъ хорошо знаетъ свою обязанность въ эти темныя, непроглядныя ночи. Онъ всѣми силами проникнуть сознаніемъ опасности, грозящей всей арміи отъ его малѣйшей небрежности. Чуть зазѣвался или задремалъ, прислонившись къ ружью, и подстерегающій врагъ лютый воткнетъ ему ножъ въ бокъ, а мостъ взорвутъ...

И часовой зорко всматривается въ густой сумракъ,

окутавшій вмѣстѣ съ злобствующимъ вѣтромъ и бѣшено несущеюся пылью поля, и мостъ, и высохшій ручей и другихъ такихъ-же часовыхъ-пограничниковъ, какъ и онъ.

Въ эту ночь, т. е. въ ночь съ 30 на 31 января, начальникъ заставы на мосту 247 версты, унтеръ-офицеръ Лутковскій, обходилъ посты, провѣрялъ часовыхъ, перебрасывался нѣсколькими отрывочными словами съ старшимъ одного изъ прибывшихъ на постъ ночныхъ разъѣздовъ отъ 10-й сотни, не забывая въ то-же время всматриваться острымъ привычнымъ зрѣніемъ въ темное пространство за мостомъ.

До него рѣдко доходятъ отголоски боевъ, съ которыми онъ, впрочемъ, иногда знакомится по отрывочнымъ свѣдѣніямъ „Досуговъ Заамурца“, присылаемымъ изъ штаба округа разъ въ недѣлю. Но Лутковскій прекрасно знаетъ свои обязанности по охранѣ моста. Ему хорошо извѣстно, что малѣйшее упущеніе со стороны часового можетъ привести къ печальнымъ результатамъ, быть можетъ къ проигрышу сраженія, вслѣдствіе перерыва сообщенія, и вытекающей отсюда невозможности подвоза снарядовъ и подкрѣпленій. И Лутковскій даже во снѣ помнитъ наставленія «заамурцу», и его привычный сонъ прерывается, чтобы обойти лишній разъ посты и убѣдиться, все-ли благополучно.

Ночь съ 30 на 31 января Лутковскому, да и не ему одному, а еще унтеръ офицеру Харину, находившемуся въ полуказармѣ поста,—маленькомъ кирпичномъ зданіи, рассчитанномъ на пѣшій взводъ военного состава,—не спалось. Зловѣщій вѣтеръ, бѣшено рвавшійся въ окна и надъ крышей насвистывавшій свою злую пѣсенку, навѣвалъ дурныя предчувствія.

Оба старшіе, Лутковскій и Харинъ, понимаютъ, что они, главнымъ образомъ, являются отвѣтственными за цѣлость линіи, поэтому Лутковскій нѣсколько разъ обходилъ посты, а Харинъ чутко прислушивался къ малѣйшему шуму, рассчитывая, въ случаѣ тревоги, во время разбудить людей и выйти на помощь.

Третій разъ Лутковскій бродитъ по мосту, стараясь приподняться и фонаремъ освѣтить пространство по обѣ стороны полотна дороги. Въ эту ночь ему особливо чуждятся всякіе ужасы, въ его ушахъ чуть-ли не звучать

глухіе удары рвущихся пироксилиновыхъ шашекъ. Вдругъ Лутковскій не то улавливаетъ своимъ острымъ зрѣніемъ, не то чувствуетъ взвинченными нервами какія-то фигуры. Скорѣе чутьемъ угадываетъ онъ критическій моментъ и спѣшитъ къ краю моста, гдѣ стоитъ часовоѣ.

Не дремалъ и врагъ. Осторожно, крадучись, приблизился онъ къ мосту. Безъ суеты, безъ шума раздѣлился японскій отрядъ на двѣ части. Одна кинулась на мостъ, другая окружила строеніе поста и открыла стрѣльбу по окнамъ.

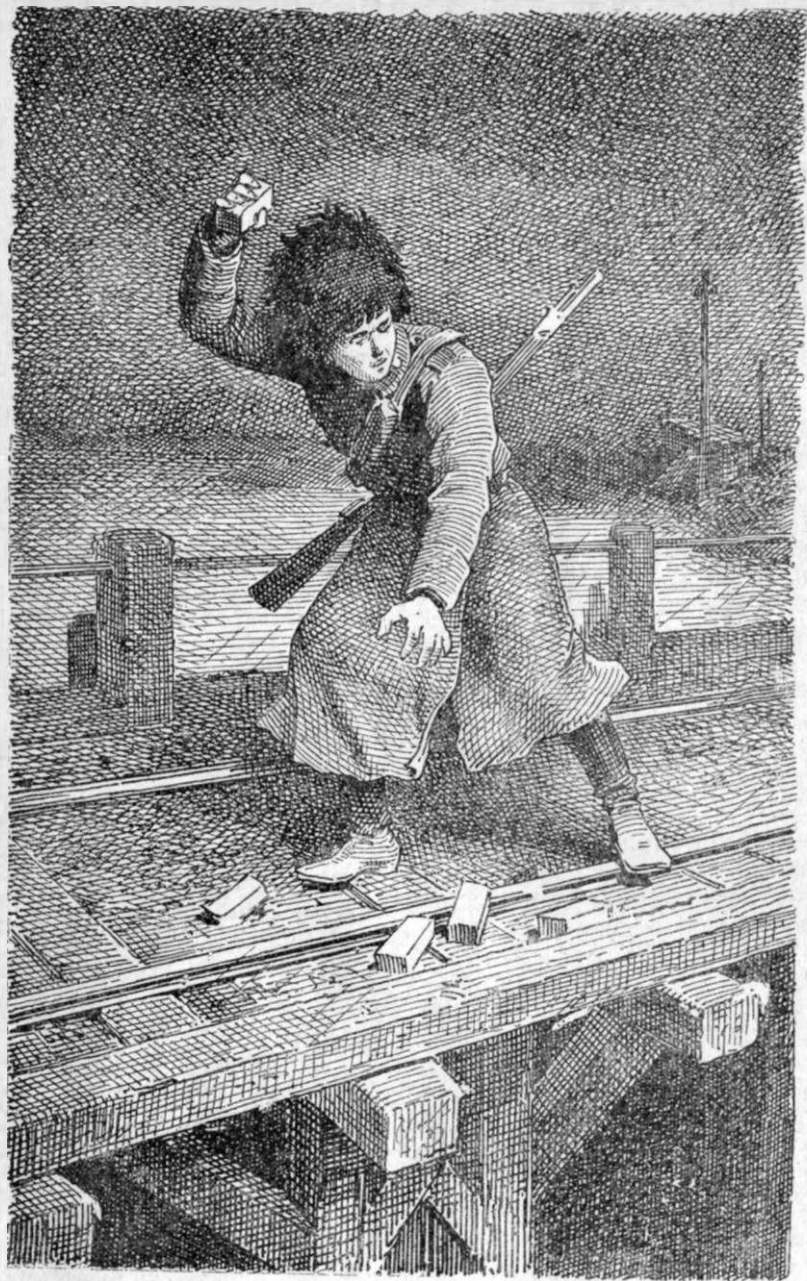
Унтеръ-офицеръ Харинъ сообразилъ, что людямъ, находящимся на посту, и охранѣ моста, и самому мосту грозитъ неминуемая гибель. Часть японцевъ, окружившихъ постъ, открыли огонь по окнамъ, хотя огни были погашены. Люди поползли къ выходу, а надъ ихъ головами свистѣли пули... Было жутко. Никому, казалось, не выйти живымъ изъ строя.

Харинъ отдавалъ распоряженія шопотомъ, но рѣшительно, безъ малѣйшей растерянности или страха.

— Братцы! Погибать такъ погибать. Помни, не страшна смерть за Царя Батюшку, за родину, за Россію матушку. Ползи на брюхѣ; выйдешь изъ дверей и, притаившись, жди товарищей. Какъ выберемся, я пущу японцамъ ракету въ упоръ, тогда вслѣдъ и вы дайте залпъ.

Харинъ ползъ впереди. Занимъ, едва дыша, ползли товарищи. Выбрались наконецъ изъ полуказармы. Унтеръ-офицеръ Харинъ вскочилъ съ быстротой молніи и пустил насѣдавшимъ на входъ въ полуказарму японцамъ ракету въ упоръ. За ракетой грохнулъ залпъ. Испуганными неожиданностью японцами овладѣла паника и они, отхлынувъ отъ выхода, бросились назадъ. Команда Харина дала нѣсколько залповъ и пошла въ штыки. Самъ Харинъ побѣждалъ на мостъ, откуда уже доносились звуки взрывовъ. У средняго быка смѣлый унтеръ-офицеръ натывается на цѣлую груду пироксилиновыхъ шашекъ. Пренебрегая опасностью, сопряженной съ рискомъ быть взорваннымъ, Харинъ руками сбрасываетъ съ моста на высохшій и обмерзшій ручей взрывчатые шашки...

Японцы, видя, что ихъ предпріятіе проиграно, а быть можетъ, и получивъ свѣдѣнія отъ китайцевъ о

Унтеръ-офицеръ Харинъ сбрасываетъ съ моста 247 версты
пироксилиновые шашки (въ ночь съ 30 на 31 января 1905 г.).

движеніи имъ въ тылъ сотни ротмистра Линническаго отступаютъ отъ моста, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько труповъ, въ томъ числѣ одного офицера и одного унтеръ-офицера. Съ нашей стороны потери: убитъ рядовой Кудринъ и двое раненыхъ. За отступившимъ отрядомъ японцевъ послана 10 сотня подъ командою поручика Брауера.

Къ вечеру 31 января пишущему эти строки удалось добраться къ пострадавшему мосту, и онъ еще засталъ картину ночного боя. У стѣпы поста валялись нѣсколько вражескихъ труповъ. Лежалъ, раскинувъ руки и ноги, въ черной суконной шинели, повидимому, японскій офицеръ. Его рука судорожно сжала рукоятъ короткаго офицерскаго клинка. Голова разбитая, очевидно прикладомъ русской винтовки, залита запекшейся кровью. Рядомъ съ офицеромъ лежали въ спокойной застывшей позѣ унтеръ-офицеръ и поодаль японецъ—солдатъ.

Генералъ Чичаговъ, прибывшій 31 на постъ, лично спрашивалъ своихъ молодцовъ о пережитой страшной ночи, о неравной борьбѣ, изъ которой пограничники все-же вышли побѣдителями.

Унтеръ-офицеры Харинъ и Лутковскій, просто, безъ рисовки, рассказывали своему доблестному и любимому начальнику подробности нападенія. Никто изъ нихъ не выставлялъ на показъ своего героизма, хотя и было чѣмъ похвалиться.

Но внимательный начальникъ самъ понималъ доблесть и отвагу своихъ подчиненныхъ. Въ сердечныхъ выраженіяхъ поблагодарилъ онъ ихъ, и всѣхъ бывшихъ на посту въ эту ночь воиновъ представилъ къ знакамъ отличія военнаго ордена, т. е. Георгію.

Экспедиція Ротмистра Линицкаго.

Январь 1905 года близился къ концу. Послѣ неудачнаго дѣла у Сандепу, армія собиралась съ силами, чтобы снова перейти въ наступленіе. Японцы, съ одной стороны ободренные нашими неудачами, съ другой, стремясь отбросить насъ къ сѣверу, посылаютъ болѣе или менѣе крупные отряды въ Монголію, пользуясь для этого нейтральной полосой; они обходятъ нашъ правый флангъ, овладѣвая даже путями западнѣе Синминтина, что имъ, впрочемъ, не мѣшало кричать на весь міръ о нарушеніи русскими нейтралитета, когда Генераль Мищенко совершилъ знаменитый набѣгъ на Инкоу.

Въ Монголіи въ это время находилась экспедиція Подполковника Заамурскаго Округа пограничной стражи Хитрово. Собственно эта экспедиція, задуманная Генераломъ Чичаговымъ еще въ началѣ 1904 года и осуществившаяся лишь въ концѣ 1904 года, имѣла первоначальной цѣлью научныя изслѣдованія Монголіи. Но обстоятельства сложились такъ, что главной задачей стала развѣдка.

Подполковникъ Хитрово, въ качествѣ вѣрнаго сына родины и преданнаго слуги Царя, не могъ пренебречь приходившими къ нему извѣстіями о движеніи значительныхъ отрядовъ по Монголіи, объ ихъ направленіи на линію нашихъ сообщеній, т. е. на Китайскую Восточную желѣзную дорогу. Нѣсколько разъ онъ даже входилъ въ соприкосновеніе съ японо-хунхузскими передовыми колоннами, что немедленно сообщалось Начальнику Округа, какъ видно изъ донесеній.

Послѣдній, въ свою очередь, имѣлъ обыкновеніе передъ каждымъ боемъ лично докладывать Главнокомандующему нашими вооруженными силами на Дальнемъ Востокѣ добытыя свѣдѣнія, имѣя въ виду согла-

совать дѣйствія Заамурскаго округа пограничной стражи съ дѣйствіями арміи.

Такую побѣзку въ штабъ Главнокомандующаго предпринялъ Генераль Чичаговъ 26 января и уже въ пути получались тревожныя свѣдѣнія объ отрядахъ японцевъ и хунхузовъ, движущихся черезъ нейтральную Монголію на линію желѣзной дороги. Это побудило Начальника Заамурскаго округа выслать въ противовѣсъ болѣе или менѣе крупный отрядъ кавалеріи изъ подвѣдомственныхъ ему сотенъ пограничной стражи съ цѣлю, какъ принято выражаться, освѣщенія мѣстности западнѣ полотна желѣзной дороги.

29 Января двинулся въ путь кавалерійскій авангардъ изъ 110 всадниковъ 10 и 47 сотенъ, подъ командой Ротмистра Бояринова при офицерахъ: Штабсъ-Ротмистръ Колесниковъ (командиръ 47 сотни), Поручикъ Томсенъ, Корнетъ Вошеровичъ.

Еще было темно, когда пограничники выстроились у станціи Фанцзятунъ. Утренній морозный воздухъ какъ-то бодрилъ всадниковъ. Крѣпкіе монгольскіе кони весело пофыркивали. Но вотъ раздалась команда:

— Смирно!

Подѣхали офицеры во главѣ съ начальникомъ авангарда, послѣ обычнаго привѣтствія командира съ подчиненными, всѣ сняли шапки и перекрестились.

— Впередь! съ Богомъ!—раздался свободный и увѣренный голосъ ротмистра Бояринова.

— Дозорные!

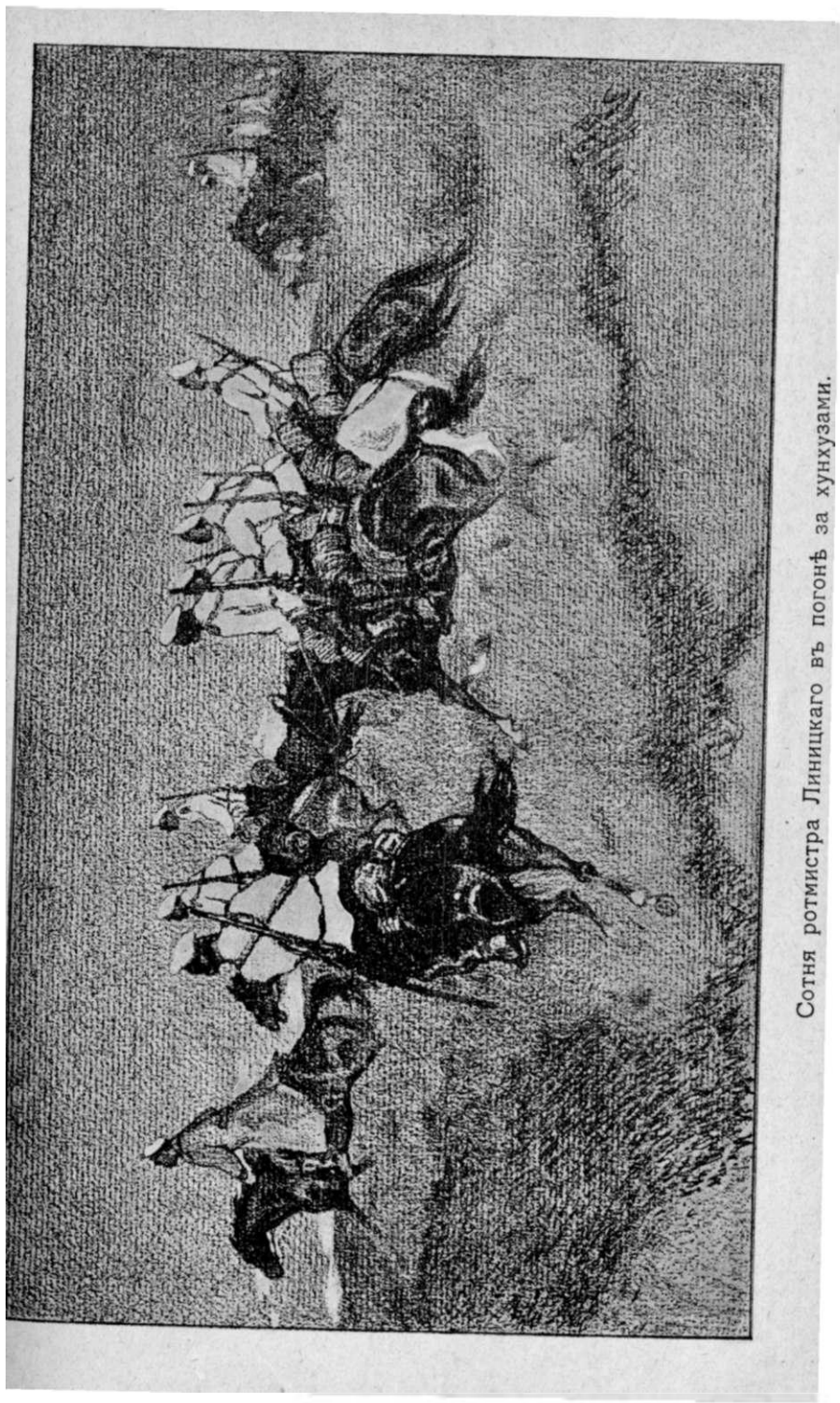
Въ мигъ выдвинулось впередъ нѣсколько всадниковъ, а вслѣдъ за ними рысцей тронулась и вся команда.

Шли осторожно, обходя попутныя села и маленькія въ два-три двора безымянныя деревушки. Часамъ къ 10-ти утра достигли большого города Тападіазы, гдѣ предстояло соединиться съ ротмистромъ Линицкимъ, имѣвшимъ въ своемъ распоряженіи 16 и 35 сотни при двухъ орудіяхъ, подъ командой Ротмистра Стефани.

Такимъ образомъ, весь отрядъ состоялъ изъ пятидесяти всадниковъ 10 сотни, шестидесяти 47 сотни и 16 и 35 сотенъ при одномъ взводѣ артиллеріи.

Общее командованіе всѣмъ отрядомъ поручено Ротмистру Линицкому.

Бояричовъ рѣшилъ выждать въ Тападіазѣ до ве-

Сотня ротмистра Линицаго въ погонѣ за хунгузами.

чера, разославъ по разнымъ направленіямъ вѣрныхъ агентовъ, разсчитывая сообразовать дальнѣйшее движеніе съ добытыми свѣдѣніями.

Около 8 часовъ пополудни тайный агентъ сообщилъ о занятіи японо-хунхузскимъ отрядомъ деревни Таюши, лежащей верстахъ въ 20 къ юго-западу отъ Тападіазы.

— Сколько непріятеля? — спросилъ Бояриновъ развѣдчика.

— Пять ста и восемь ста, — отвѣтилъ китаецъ, коверкая русскую рѣчь. — Они направляются на ст. Гуньчжулинъ.

Ротмистръ выстроилъ своихъ людей, объяснилъ имъ свои намѣренія. пересѣчь японцамъ дорогу на Гуньчжулинъ.

Но не успѣлъ нашъ отрядъ тронуться, какъ прискакалъ казакъ и сообщилъ о нападеніи японо-хунхузскаго отряда на нашъ обозъ, двигавшійся къ Гуньчжулину.

— Одна арба отбита непріателемъ, — сообщалъ казакъ и обозъ отступаетъ.

Ротмистръ Бояриновъ предположилъ, что на обозъ напалъ тотъ самый отрядъ, о которомъ онъ получилъ свѣдѣнія отъ развѣдчика-китайца. Силы авангардной колонны были недостаточны противъ 500 — 800 японцевъ, хотя бы непріятельская колонна состояла изъ хунхузовъ. Поэтому ротмистръ наскоро усилилъ своихъ всадниковъ 38 казаками изъ разныхъ частей и командой изъ ста человекъ хлѣбопекоевъ.

Усиленный отрядъ, подъ начальствомъ Ротмистра Бояринова, двинулся въ путь, держа направленіе на деревню Ліудяпуза, выставъ впередъ три разъѣзда, поручивъ командованіе каждымъ разъѣздомъ Поручику Томсень, Корнету Воцеровичу и вахмистру Евтушенко.

Наступила ночь, когда одинъ изъ разъѣздовъ сообщилъ, что деревня Ліудяпуза оставлена шайкой хунхузовъ въ сто верховыхъ около 7 часовъ вечера. По словамъ китайцевъ, партія направилась на юго-западъ повидимому на линію желѣзной дороги.

Ротмистръ Бояриновъ, рѣшивъ дать отдыхъ людямъ и покормить коней, остановился въ какой-то безымянной деревнѣ.

Въ три часа утра отрядъ поднялся и снова двинулся въ путь на деревню Таюши, гдѣ предполагали найти главные части японо-хунхузской колонны.

Понемногу разсвѣтало. Морозъ при довольно сильномъ вѣтрѣ давалъ себя чувствовать. Часамъ къ 8 достигли деревни Ліудяпуза. Печальную картину представляло еще за сутки предъ тѣмъ богатое село. Лучшие дворы носили слѣды разрушенія и смерти.. Повсюду валялся пухъ, очевидно отъ изорванныхъ перинъ, въ которыхъ, вѣроятно, искали спрятанныя деньги. Разбитые черепки, сундуки, кадки были разбросаны по дворамъ, узкимъ улицамъ и закоулкамъ. Вся деревня была перерыта и перевернута, что называется, вверхъ дномъ. На улицахъ мертвая тишина. Ни живой души. Даже собаки попрятались, и лишь одинъ старый маньчжуръ съ изрытымъ морщинистымъ лицомъ бродилъ среди развалинъ и въ его взорѣ отражалась тоска и жажда смерти..

— Эй, джанъ-гойда (хозяинъ),—крикнулъ дозорный изъ пограничниковъ, подскочившій къ бѣдному старику,—лай-лай (поди сюда).

Многіе пограничники, въ особенности изъ старыхъ охранниковъ, недурно владѣютъ китайской рѣчью и почти каждый знаетъ нѣкоторое количество общепотребительныхъ словъ.

Отъ старика узнали, что наканунѣ въ деревнѣ хозяйничалъ отрядъ въ 300 человѣкъ японцевъ и хунхузовъ.

Разграбили деревню, разоривъ лучшіе дворы, они двинулись на востокъ.

— Куда? — спросилъ ротмистръ старика. Старикъ махнулъ на востокъ, слезливо заморгавъ старческими глазами и упавъ на колѣни, очевидно намѣреваясь просить защиты.

— Та-тады капитана (большой начальникъ)—забормоталъ жалобнымъ голосомъ бѣднякъ, но выслушивать его жалобы не было времени.

— Ваше высокоблагородіе! шпоры нашель,—закричалъ вахмистръ.

Всѣ принялись разсматривать шпоры и признали ихъ принадлежащими японскому кавалеристу.

— Садись!—скомандовалъ начальникъ отряда.

Авангартъ снова двинулся переменнымъ аллюромъ на деревню Таюши.

Зимній пейзажъ Маньчжуріи не отличается особой заманчивостью. Обледенѣлая равнина, кое-гдѣ покрытая тоненькимъ снѣжнымъ покровомъ, изъ подъ котораго торчатъ остатки лѣтнихъ растений гаоляна и чумизы. Дорога здѣсь извивается между этими обмерзшими полями. Попадаютъ населенные пункты, но маньчжуръ въ вѣчномъ страхѣ передъ хунхузами не всегда рискнетъ поближе ознакомиться съ проходящимъ отрядомъ. Чтобы собрать у жителей встрѣчныхъ селъ свѣдѣнія, приходится посылать впередъ развѣдчика изъ китайцевъ, иначе въ деревнѣ придется вести бесѣду съ безгласными глиняными стѣнами. Въ деревнѣ Таюши встрѣтили 16 и 35 сотни съ ротмистромъ Линицкимъ и взводомъ артиллеріи ротмистра Стефани.

Здѣсь сообщили о колонѣ японцевъ съ хунхузами силою 500 человекъ, прошедшихъ эту же деревню наканунѣ около четырехъ часовъ. Китайцы предполагали, что японо-хунхузская колона пошла на станцію Гунчжулинъ. По другимъ свѣдѣніямъ японо-хунхузскій отрядъ дѣйствительно двигался на Гунчжулинъ, но почему-то неожиданно круто повернулъ на Фанцзятунъ.

Это было 31 января, а въ ночь съ 30 на 31 произошло нападеніе на мостъ 247 версты вблизи станціи Фанцзятунъ. Несомнѣнно, что именно этотъ отрядъ и произвелъ нападеніе на мостъ въ ночь съ 30 на 31 января 1905 г. Кромѣ того, китайцы сообщили о присутствіи значительныхъ силъ японцевъ съ хунхузами на ханшиномъ заводѣ Шихечень.

Заночевавъ въ деревнѣ Таюши, на слѣдующій день, 1 февраля, выступили вмѣстѣ съ 16 сотней, и взводомъ артиллеріи на Шихечень подъ общей командой ротмистра Линицкаго.

Такимъ образомъ, съ 1 февраля отрядъ состоялъ изъ 190 всадниковъ при двухъ орудіяхъ.

Двинулись съ разсвѣтомъ на ханшинъ заводъ Шихечень, расположенный верстахъ въ 65 къ сѣверо-западу отъ станціи Гунчжулинъ. Характеръ мѣстности нѣсколько мѣняется. Дорога вьется то между кустарникомъ, то между неправильной цѣпью холмовъ.

По пути встрѣчались манзы. Къ нимъ обращались съ вопросами—„ипень ю мью“.

— Ю, ю — отвѣчали манзюки, усиленно кивая головами.

— Сандишанъ шибко мого ю, Чандиванза ю... шибко много ю.

По словамъ китайцевъ, въ деревнѣ Синдишанъ находилось до 800 японцевъ съ хунхузами, они ждали подкрѣпленія изъ деревни Чандиванза.

Отрядъ двинулся на Шандишень, лежащій верстахъ въ 40 къ югу-западу отъ Шихечена. Дальнѣйшее движеніе происходило со всѣми предосторожностями предшествующими бою.

Впередъ выдвинули головной отрядъ подъ командою вахмистра 16 сотни, за нимъ слѣдовала 16 сотня, далѣе вытянулись орудія, двуколки и за послѣдними 10 и 47 сотни.

Около двухъ часовъ пополудни, вблизи деревни Чандиванза отрядъ вошелъ въ соприкосновеніе съ непріателемъ. Головная часть была встрѣчена выстрѣлами, и отрядъ быстро перестроился въ боевой порядокъ, выславъ артиллерію на позицію нѣсколько правѣе дороги, прикрываясь небольшимъ скатомъ сопки. Шагахъ въ 500—600 между какой-то деревней и холмомъ вырисовывалась пѣшая колонна непріателя. Позади послѣдней замѣчено было движеніе обозовъ по пролежавшей тамъ, по видимому, дороги.

Боевой порядокъ нашихъ пограничниковъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ прикрытіе артиллеріи стала съ правой стороны 10 сотня, полусотня 16 сотни расположились влѣво, а нѣсколько правѣе выстроилась 47 сотня, другая же полусотня 16 сотни расположилась позади лѣваго прикрытія подъ командой корнета Мелешева.

Непріятельскій фронтъ ясно обозначился въ слѣдующемъ видѣ: у подножія сопки, вправо отъ дороги, стояла пѣшая колонна, на большомъ пространствѣ, между этой колонной и рядомъ деревень раскинулась лавой съ рѣдкими интервалами непріятельская кавалерія.

Завязалась оживленная ружейная бесѣда между нашей горстью пограничниковъ, непріятельской конницей и пѣшими японскими стрѣлками.

Заговорили и наши маленькія пограничныя пу-

щечки. Вотъ шрапнель разорвалась въ самой цѣпи колоны противника, и черныя точки японскихъ солдатъ зашевелились и вскорѣ скрылись за сопкой.

Послѣ орудія перенесли огонь на другую сопку, на скатѣ которой расположилась деревня. Виднѣвшаяся на послѣдней возвышенности цѣпь стала отходить назадъ и скоро совсѣмъ исчезла, оставивъ нѣсколько темныхъ неподвижныхъ предметовъ, повидимому, труповъ.

Но японская лава насаждала, очевидно чувствуя свое превосходство. Она стремилась охватить насъ съ фланговъ. Приходилось высылать впередъ по нѣсколько всадниковъ, которые ударяли то на центръ, то на правое или лѣвое крыло непріятельской лавы.

Подъ натискомъ пяти, а иногда десяти нашихъ всадниковъ съ устремленными впередъ пиками непріятель подавался назадъ.

Перестрѣлка затягивалась. Начальникъ отряда ротмистръ Линицкій приказалъ ротмистру Бояринову выдвинуться впередъ, разсыпать спѣшенную цѣпь и задержать противника, давъ ему съ артиллеріей отойти къ ханшиному заводу.

Выдвинувъ спѣшенную цѣпь, ротмистръ Бояриновъ выдерживалъ натискъ значительно превосходившаго его количествомъ непріятеля, стремившагося окружить его.

Въ поддержку 10 сотнѣ Линицкій выслалъ полусотню 16 сотни; поручикъ Томсенъ съ 20 всадниками 10 сотни стремительно кидался то на фланги, то на центръ непріятельской лавы. Противникъ не выдерживалъ натиска нашихъ молодцевъ и быстро отступалъ назадъ, чѣмъ воспользовался Линицкій, отступившій съ двумя орудіями къ ханшиному заводу Шихечень.

День склонялся къ вечеру. Было 4 часа дня. Люди и лошади, не кормленные съ 6 часовъ утра, поутомились. Появились потери съ обѣихъ сторонъ. Изъ полукруга непріятельской лавы то и дѣло выскакивали кони безъ всадниковъ и ошалѣлые неслись по полю.

И у насъ четверо животныхъ были ранены ружейными пулями. Бояриновъ замѣтилъ безцѣльность перестрѣлки и рѣшилъ отступить къ ротмистру Линицкому.

Разсыпавъ лаву, всадники 10 и 16 сотенъ, отстрѣливаясь, отходили назадъ.

Японцы снова начинали насѣдать, вслѣдствіе чего отступление пошло медленно съ перемѣнными атаками на насѣдающаго непріятеля.

Величественная картина на фонѣ обмерзшихъ полей, едва прикрытыхъ бѣлой снѣжной пеленой, освѣщенная золотыми лучами заходящаго солнца.

Незначительная горсточка пограничниковъ буквально могла быть раздавлена значительнымъ количествомъ японцевъ, но послѣдніе ведутъ преслѣдованіе на почтительномъ разстояніи, ограничиваясь стрѣльбой съ коня, не смѣя перейти въ рукопашную.

Наши отходятъ медленно, шагъ за шагомъ. Заходящее солнце кидаетъ свои золотистые лучи, одинаково улыбаясь и отступающимъ смѣльчакамъ пограничникамъ и осторожно преслѣдующему ихъ врагу.

Отойдя съ полверсты отъ деревни Чандиванза. Бояриновъ встрѣчаетъ 47 сотню во главѣ съ ея доблестнымъ командиромъ, ротмистромъ Колесниковымъ. Они рѣшаются совместно кинуться въ атаку на японцевъ.

Ротмистеръ Колесниковъ, выстроивъ свою сотню лавой, стремительно кидается на правый флангъ непріятеля, а Бояриновъ ринулся съ 28 всадниками на центръ.

Быстрота и стремительность атаки ошеломляютъ противника. Наши пограничники, вооруженные винтовками, прекрасно владѣютъ казачьими пиками, а этого русскаго боевого инструмента японецъ боится пуще огня. Устремленные пики дѣйствуютъ на врага ошеломляющимъ образомъ, онъ не выдерживаетъ атаки и отступаетъ въ безпорядочномъ бѣгствѣ.

Горизонтъ окрашивается багровымъ заревомъ. Красный дискъ солнца бросаетъ послѣдній взглядъ на освирепѣвшихъ въ борьбѣ враговъ и скрывается, оставивъ кроваво-красный слѣдъ.

47 сотня съ ротмистромъ Колесниковымъ скрывается за сопкой въ складкахъ мѣстности. Бояриновъ спѣшиваетъ на скоро своихъ всадниковъ и открываетъ бѣшеный огонь по удирающимъ врагамъ.

Темнѣетъ. Скрывавшаяся за сопкой 47 сотня не возвращается. „Она повидимому, отошла другой стороной“, предполагаетъ Бояриновъ и приказываетъ от-

ступать къ ханшинному заводу, гдѣ онъ надѣется присоединиться съ ротмистромъ Линицкимъ.

Дальнѣйшее отступленіе производится медленно, съ соблюденіемъ всевозможныхъ предосторожностей. Хитрый японецъ всегда умѣетъ выкинуть какую-нибудь неожиданность, вслѣдствіе чего движутся съ остановками, зорко всматриваясь въ окружающее пространство.

Ротмистра Бояринова тревожатъ мысли объ участи скрывшейся въ складкахъ мѣстности 47 сотни съ Колесниковымъ во главѣ. Не доходя ханшиннаго завода встрѣчается штабъ-ротмистръ Павло-Сильванскій. Последній сообщаетъ печальную вѣсть о потеряхъ въ 47 сотнѣ и опасномъ пораненіи пулей въ животъ ротмистра Колесникова. Это обстоятельство побуждаетъ Бояринова снова выслать поручика Томсенъ съ 20 всадниками въ поддержку 47 сотнѣ.

Между тѣмъ самъ ротмистръ Бояриновъ отправляется на розыски Линицкаго съ цѣлью посоветоваться съ нимъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Найдя командующаго отрядомъ, Бояриновъ предлагаетъ занять деревню Паличензы.

За ея глиняными стѣнами вражескія пули для насъ безопасны. Артиллеріи у противника, по всѣмъ видостямъ, неимѣется, иначе она-бы пользовалась ея услугами, стало быть, имѣя 180 винтовокъ и два орудія, мы смѣло можемъ выдержать натискъ превосходнаго противника до прибытія подкрѣпленій, доказываетъ Бояриновъ. Темнота сгущается. Надвигается ночь. На небѣ мерцаютъ звѣзды. Доносятся хорошо выдержанные залпы, вслѣдъ за ними показываются отступающіе части пограничниковъ.

Въ одной двуколкѣ везутъ тяжело раневаго ротмистра Колесникова, а на другой прахъ убитаго доблестнаго нижняго чина.

Ротмистръ Колесниковъ раненъ въ пылу сраженія.

Онъ погнался за японцемъ, намѣреваясь взять его живымъ. Онъ вступилъ съ нимъ въ борьбу, схвативъ его коня подъ уздцы, и стараясь ударомъ шашки выбить изъ его рукъ винтовку, но, къ несчастью промахнулся, а японецъ успѣлъ дать выстрѣлъ, и двухъ-линейная пуля почти по излетѣ попала въ полость живота.

Такое печальное обстоятельство въ сильной степени затруднило отступленіе къ деревнѣ Поличензы. Приходилось двигаться шагъ за шагомъ, чтобы сколько нибудь облегчить страданія раненаго.

Достигши деревни Поличензы, остановились, снова выстроившись въ боевой порядокъ. Впереди, у дороги, въ кустарникѣ расположились орудія ротмистра Стефани, а 10 сотня заняла опушку деревни.

На горизонтѣ вырисовывается кроваво-красный дискъ мѣсяца. Тишина вдругъ нарушается нѣсколькими орудійными выстрѣлами со стороны противоположной кустарнику, гдѣ предполагалась позиція нашихъ орудій.

— Сгранно! въ умѣ размышляетъ Бояриновъ.

Ему хорошо извѣстно, что у противника артиллеріи нѣтъ. „Кто бы могъ стрѣлять?“ Невольно тревожится онъ.

Также внезапно смолкшіе выстрѣлы еще болѣе возбуждаютъ тревожное состояніе. У всѣхъ крайне напряженное состояніе. Значительное превосходство противника заставляетъ быть особенно осторожными.

Тревожное состояніе Бояриновъ подмѣчаетъ и въ испытанныхъ людяхъ. Онъ ободряетъ ихъ спокойной вразумительной рѣчью.

— Помни, братцы присягу. Не сдадимся врагу! Не позволимъ ему торжествовать надъ нами. Помни доблестныхъ товарищей, Портъ-Артурцевъ. Ихъ была ничтожная горсточка. Убыль въ людяхъ некъмъ было пополнять. Дорого заплатили японцы. Покажемъ и мы басурманамъ, каковы въ Маньчжуріи „заамурцы-пограничники!..“

— Ваше высокоблагородіе! Слышится въ отвѣтъ съ одного изъ фланговъ лавы. Японская кавалерія!

— Лѣвое плечо впередъ, въ карьеръ маршъ! раздается зычная команда ротмистра Бояринова.

Сотня быстро мѣняетъ фронтъ, а изъ-за лѣса мелкой рысцей выкатывается эскадронъ японской конницы съ криками у-а! у-а! очевидно, желая этимъ подражать русскому „ура“!

Непріятельскій эскадронъ, выровнявшись, какъ на парадѣ, останавливается шагахъ въ полтораста.

Слышатся насмѣшки торжествующаго врага, увѣреннаго, что ничтожной горсточкѣ русскихъ не удастся уйти. Очевидно японцы рассчитывали взять полусотню

въ плѣнъ живыми и, лишь въ случаѣ сопротивленія, уничтожить ее.

— Въ атаку на японцевъ! раздается энергичный возгласъ ротмистра Бояринова.

Но голосъ обрывается, а потомъ съ новой силой раздается:

— Руби ихъ! Рѣжь!..

И ротмистръ устремляется на враговъ, а за нимъ и его полусотня, состоящая всего изъ 40 всадниковъ.

Начинается рукопашная схватка.. Трудно передать картину ночного боя въ рукопашную... Слышится хрипъ людей, смѣшавшійся съ фырканиемъ коней, лязгомъ оружія, стонами и проклятіями раненыхъ на русскомъ и японскомъ языкахъ...

Въ битвѣ не ускользаетъ отъ вниманія Бояринова другой эскадронъ японцевъ, откуда раздаются визгливые крики „банзай“, однако не трогаясь на выручку дерущимся.

Онъ словно приторосъ къ землѣ въ состояніи особаго оцѣпененія, какъ бы загипнотизированный.

А дерущіеся уже разбились на группы... Идетъ борьба между отдѣльными всадниками. Все еще мелькаютъ взмахи сабель, стуки о головы. Японцы, оказываются защищаютъ голову металлическимъ шлемомъ, одѣтымъ подъ головнымъ уборомъ.

Отскочившая шашка снова вьется въ воздухѣ и, обрушившись на японца, сваливаетъ его съ коня. Вахмистръ Петровъ ударомъ шашки попадаетъ въ ротъ японскаго офицера и смахиваетъ верхнюю часть головы...

Нѣкоторые изъ японцевъ, бросаются на землю и кричать по-русски „не бей! не бей!“ „я своя“. Но эта старая уловка хорошо знакома пограничнику, и онъ не знаетъ пощады. Вдругъ вахмистру Петрову слышится голосъ сотеннаго со стороны, гдѣ стоитъ кучка японскихъ кавалеристовъ. Онъ скачетъ къ нимъ; приближившись, спрашиваетъ: кто здѣсь? „Дай-Жепень“. (Великая японія) слышитъ онъ въ отвѣтъ.

Буквально въ нѣсколько минутъ, впрочемъ казавшихся борцамъ мгновеніемъ, уничтоженъ до одного японскій эскадронъ.

Серебряный мѣсяцъ выплываетъ на небо и съ холоднымъ равнодушіемъ взираетъ на картину смерти...

Сдѣлавъ свое дѣло, горсть пограничниковъ отходить за деревню въ намѣреніи отступить.

Японецъ, трусливый и безсильный въ рукопашномъ бою, становится смѣль и назойливъ при отступленіи противника.

Едва наши пограничники начали отодвигаться, непріятель снова сталъ насѣдять.

Бояриновъ, подобравъ раненыхъ и убитыхъ, двигался крайне медленно, вынужденный поминутно останавливаться разсыпать цѣпь, чтобы отогнать назойливаго непріятеля.

При отступленіи движеніе въ особенности замедляется ранеными. Ихъ страданія и стоны удручающе дѣйствуютъ на людей. Раненый штабсъ-ротмистръ Колесниковъ умолялъ дать ему револьверъ, чтобы собственной рукой прекратить адскія муки. Въ то же время и врагъ не дремалъ; правда, онъ не пытается вступить въ рукопашную, за то посылалъ отступающимъ цѣлый дождь пуль.

Всадники то и дѣло падали съ коней, падали и бѣдные животныя. Стонъ раненыхъ и крики о помощи конечно не особенно ободряющее дѣйствовали на горсточку отступающихъ, но пограничникъ никогда не оставитъ товарища, и отступление совершается шагъ за шагомъ, отвѣчая на пачечный огонь противника выдержанными залпами. Иногда напоръ противника вызывалъ отчаянную атаку разѣзда и странное дѣло, многочисленный отрядъ японцевъ и хунхузовъ не принималъ атаки и поспѣшно отходилъ.

При такихъ тяжелыхъ условіяхъ пришлось вывести изъ опасности свою сотню ротмистру Бояринову, имѣвшему на своихъ плечахъ одного тяжело раненаго офицера и 15 раненыхъ нижнихъ чиновъ, кромѣ того нѣкоторые изъ нихъ, кого пуля пощадила, лишались своихъ боевыхъ товарищей крѣпконогихъ монголовъ, и въ отступающей лавѣ рядомъ съ всадникомъ двигается пѣшіи...

А еще говорятъ: „пѣшіи конному не товарищъ!..“ Иной бросался ловить бѣгущаго непріятельскаго коня. При удачѣ онъ съ торжествомъ присоединялся къ своимъ.

Отойдя верстъ 25, удалось перестроиться изъ боевого порядка и вытянуться въ колону. До Шихечена

пришлось подвигаться со скоростью не болѣе 2—2½ верстѣ въ часъ. Пришли въ Шахечень около 3½ час. пополудни и, не взирая на опасность быть настигнутыми японцами, остановились для перевязки раненыхъ.

Часовъ около 8 утра снова двинулись въ дальнѣйшій путь, устроивъ штабъ ротмистру Колесникову носилки, но герой не вынесъ мученій и въ пути тихо скончался.

Нельзя не отмѣтить, что въ этомъ бою офицеры дрались въ рукопашную на равнѣ съ нижними чинами. Никто никому не уступалъ въ мужествѣ. Всѣ исполняли долгъ свой, не щадя силъ, не жалься себя. Только истинный героизмъ пограничниковъ помогъ имъ вынести раненыхъ, и уйти на глазахъ непріятельскаго отряда, состоявшаго изъ нѣсколькихъ эскадроновъ хорошо обученной конницы и значительной шайки хунхузовъ и страшныхъ пѣхотныхъ частей. Потеря ротмистромъ Стефани одного орудія произошла вслѣдствіе неежиданно появившейся японской конницы, окружившей взводъ. Прикрытіе не замѣтило отчаянной борьбы артиллеристовъ. Лошади одного орудія были перебиты, и оно, по неволѣ, осталось въ рукахъ непріятеля, другое сумѣло выйти изъ затруднительнаго положенія и избѣжало непріятельскаго плѣна.

Заамурцы въ стычкѣ съ японцами 1904 г. 17 Мая.

Бой 17-го мая явился слѣдствіемъ рекогносцировки, произведенной 16-го мая сотней ротмистра пограничной стражи (Заамурскаго округа) графа Армфельда.

Начальникъ Округа, генераль-Чичаговъ, понимая важность сохраненія линіи, неоднократно приказами и личными распоряженіями напоминалъ чинамъ округа, расположеннымъ на линіи, о необходимости производства усиленныхъ развѣдокъ. Командирамъ сотенъ предписывалось, не щадя силъ, „обслуживать районъ“ авангарда арміи усиленными развѣдками.

13 Мая сотня ротмистра графа Армфельда выступила на рекогносцировку.

14 Мая китайскій полковникъ сообщилъ о японскихъ развѣздахъ, появившихся въ количествѣ 300 всадниковъ вблизи станціи Ванцзелинъ. Это обстоятельство побудило ротмистра Армфельда немедленно выступить на развѣдку съ цѣлью выясненія силъ противника, а если окажется возможнымъ, отрѣзать японскому кавалерійскому отряду путь отступленія. Было 8 ч. вечера. Южное солнце скрылось за горизонтомъ и дневной жаръ нѣсколько спалъ. Сотня выдѣлила незначительный развѣздъ подъ начальствомъ корнета Рыбасова, который, пользуясь покровомъ ночи, подобрался къ самому расположенію японской кавалеріи, занявъ деревню, за часъ до его прибытія оставленную непріятельскимъ развѣздомъ.

Явилась необходимость въ быстрыхъ и рѣшительныхъ дѣйствіяхъ, и корнетъ Рыбасовъ послалъ спѣшное донесеніе сотенному командиру. Послѣдній, получивъ донесеніе, поднялъ отрядъ и двинулся всѣми силами въ 160 верховыхъ къ ст. Вафангоу. Однако, ротмистръ, уже освоившійся съ непріателемъ, считая свои

силы незначительными, рѣшили выждать приближеніе дивизіи генерала Самсонова, оказавшейся у Вафангоу 17 Мая. Къ тому же и люди рекогносцировочнаго отряда и лошади были утомлены, неся съ 21-го апрѣля строгую сторожевую службу, обязанные прикрывать наши главные силы на протяженіи почти 200 верстъ. Только побывавъ въ арміи на аванпостахъ, поймешь значеніе сторожевой службы въ теченіе мѣсяца.

Принявъ въ соображеніе эти обстоятельства, графъ Армфельдъ далъ отряду отдыхъ на 15-е мая. Однако, ночью съ 15-го на 16-е мая сотня все-таки предприняла обходъ фланга непріятеля, горами къ востоку отъ станціи, влѣво отъ линіи дороги.

Послѣ тропически жаркаго дня, къ ночи, погода рѣзко измѣнилась. Небо заволокло тучами. Сталъ накрапывать мелкій дождикъ. Темнота ночи требовала особой осторожности. Двигались шагъ за шагомъ. Достигли деревни, расположенной верстахъ въ 14-ти отъ Вафангоу, въ которой рѣшили расположиться на ночлегъ, выславъ однако впередъ поручика Скрынникова для занятія маленькимъ передовымъ отрядомъ скрытаго мѣста, удобнаго для наблюденія за противникомъ.

Часовъ около 9—10 утра, 16 мая, разъѣздъ достигъ деревни, расположенной верстахъ въ 7—8 южнѣе Вафангоу, между первой и второй казармами желѣзной дороги, къ сторонѣ Чуландяна.

Здѣсь всего въ двухъ верстахъ отъ непріятеля отрядъ расположился на отдыхъ и завтракъ.

Китайцы, увидѣвъ въѣхавшій въ деревню незначительный разъѣздъ пограничниковъ, вытаращили глаза. Имъ казался непонятнымъ столь близкій отдыхъ въ виду самого противника. Тѣмъ не менѣе отрядъ былъ принятъ довольно радушно; его предупредили о близости противника, скрывъ однако его численность.

Начальникъ передового разъѣзда, вахмистръ Кулаковъ, донесъ, что, при появленіи нашихъ разъѣздовъ, непріятель поспѣшилъ снять свои два конныхъ поста.

Это побудило ротмистра распорядиться усиленіемъ разъѣздовъ до 20 верховыхъ подъ командой поручика Скрынникова.

Съ правой стороны дороги лежала лощинка. Ее и

занялъ Скрынниковъ съ своими людьми, выславъ переводчика-китайца съ тремя нижними чинами въ деревню съ цѣлью наведенія справокъ о численности противника.

Японцы замѣтили это движеніе и выслали 14 кавалеристовъ въ погоню за ними. Наши молодцы быстро разсыпались и затѣяли перестрѣлку съ японцами, а китаецъ поспѣшилъ къ поручику Скрынникову съ донесеніемъ о близости японскаго отряда, состоящаго изъ кавалеріи и пѣхоты въ неопредѣленномъ количествѣ.

Тѣмъ временемъ наши разѣзды заняли широкій фронтъ, а полковникъ Кашуба ввелъ въ цѣпь спѣшенную часть подъ командой поручика Веревкина, который съ удивительной лихостью, словно на ученьи, прошелъ съ спѣшенными стрѣлками по открытой мѣстности, занявъ правый флангъ боевого расположенія, имѣя коноводовъ скрытыми въ оврагѣ, въ 300—400 шагахъ. Этотъ ловкій маневръ далъ возможность обмануть непріятеля, вселивъ въ немъ убѣжденіе, что нашъ рекогносцировочный отрядъ располагаетъ пѣхотной частью. Такое обстоятельство заставило и японцевъ разсыпать стрѣлковыя цѣпи, что дало возможность, руководствуясь протяжніемъ ихъ фронта и кучками резервовъ сзати, опредѣлить и количество.

Размѣръ непріятельской боевой линіи опредѣлился въ 1 батальонъ пѣхоты.

Поручикъ Скрынниковъ распорядился отправить 10 нижнихъ чиновъ подъ командой все того же вахмистра Кулакова правѣ нашей цѣпи, въ горы, амфитеатромъ окружающія мѣстность. Не прошло и полчаса, какъ получилось извѣстіе о нахожденіи между горами, въ лощинахъ, двухъ эскадроновъ непріятельской кавалеріи. Желая убѣдиться въ силѣ и стремясь побудить врага обратить на себя вниманіе, было приказано открыть огонь, выславъ въ деревню для наблюденія половину сотни подъ командой ротмистра Максимова.

Завязалась перестрѣлка, постепенно усиливавшаяся.

Замѣчалось напряженіе боя. Обѣ стороны зорко наблюдали другъ за другомъ. Начался настоящій турниръ, достойный кисти великаго мастера. Время въ бою тянется медленно. Минута иногда кажется цѣлымъ часомъ.

Ротмистръ съ полной ясностью опредѣлить силы противника и приказалъ своему отряду медленно и осторожно отходить. Достигли поля, занятаго ротмистромъ Максимовымъ. Отрядъ сомкнулся. Были вызваны пѣсенники. Въ арьергардѣ расположили небольшую цѣпь, которая стрѣляла по непріятелю „пачками“, прикрывая такимъ образомъ отступающій отрядъ.

Разумѣется, и врагъ не дремалъ. Онъ въ свою очередь обдавалъ отступающихъ огнемъ „пачекъ“ и даже залпами, что уже совсѣмъ не въ характерѣ японской тактики и, очевидно, перенято ими у насъ.

Четыре часа дня. Не доходя 6 верстъ до станціи Вафандяна, пала раненая лошадь. Достигли станціи около 5 часовъ и расположились на отдыхъ. Пообѣдали чѣмъ Богъ послалъ въ походѣ. Явился посыльный и сообщилъ, что японцы слѣдуютъ за нами „по пятамъ“.

Около 6½ часовъ вечера снова двинулись обратно къ Вафангоу. Пришли усталые, изнуренные напряженіемъ цѣлаго боевого дня къ 9 часамъ. Стемнѣло, какъ всегда темнѣетъ на югѣ; сразу, безъ сумерокъ. Въ темной дали небосвода замигаютъ звѣзды, словно миллиарды глазъ привѣтствуютъ васъ съ безконечной выси. Ночью прохладно. Отдыхаешь послѣ дневного жара. Разогрѣваютъ воду, завариваютъ чай, который пьешь съ наслажденіемъ. Особая, лишь въ походѣ знакомая, нѣга овладѣваетъ всѣмъ тѣломъ. Вспоминаешь о далекой родинѣ, о родныхъ, о друзьяхъ.

Ночью непріятельскіе разѣзды подошли къ Вафангоу и натолкнулись на выставленный нами секретъ у перваго большого моста, воздвигнутаго къ сѣверу отъ станціи.

Разѣздъ ускакалъ.

8 часовъ утра 17-го мая. Пятьдесятъ квартирьеровъ ген. Самсонова вошли въ деревню Вафангоу съ цѣлью занять ее, а въ ней оказался сильный разѣздъ японской кавалеріи. Затрещали выстрѣлы. Квартирьеры, отстрѣливаясь, начали отступать.

Ротмистръ Армфельдъ, услышавъ выстрѣлы, понялъ, что „моментъ“ приближается. Однако, считая свои силы недостаточными, послалъ донесеніе генералу Самсонову.

Головные части дивизіи генерала Самсонова встрѣчены были въ 6—7 верстахъ къ сѣверу отъ Вафангоу.

Генераль Самсоновъ отрядилъ сотню казаковъ, приказавъ ей отправиться къ мѣсту нахожденія непріятеля рысью. Сибирскіе казаки вынырнули изъ за полотноа дороги, когда пограничники вели неравный бой съ японской кавалеріей. Казачьи пики устремились на врага. Заамурцы врѣзались въ сбившуюся непріятельскую колону и пошла работа холоднымъ оружіемъ... Этотъ маленькій бой 17 мая 1904 года закончился полнымъ уничтоженіемъ цѣлаго эскадрона японской кавалеріи. На донесеніе главнокомандующаго Государь Императоръ соизволилъ собственноручно начертать: „молодецкое дѣло“.

Славу заамурцевъ раздѣлила сотня Сибирскихъ казаковъ.

Ротмистръ Голландскій и его сотня.

Голландскій все время находился въ арьергардѣ нашихъ силъ съ своей 8-й сотней. Собирая ее съ поста на постъ, онъ принялъ участіе во всѣхъ сраженіяхъ—Вафангоу, Ванзелинѣ, Гай-Чжоу, Дашицяо, Хайченѣ, Аншаньчжуанѣ, Ляоянѣ и, наконецъ, Янтай. Онъ-же произвелъ развѣдку, вызванную свѣдѣніями о маршѣ арміи Куроки на сѣверъ по мандаринской дорогѣ, въ тылъ Мукдену, пройдя въ четыре дня 400 верстъ.

14-го, 15-го, 16-го, 17-го, 18-го, 19-го, 20-го и 21-го августа, день за днемъ, ночь за ночью, Голландскій слѣдуетъ съ своей сотней и пѣхотными частичками заамурцевъ въ арьергардѣ, выдерживая бои, какихъ еще не было въ исторіи войнъ.

Прослѣдимъ дѣйствія сотни ротмистра Голландскаго съ 14-го августа, когда главныя силы отошли къ сѣверу, къ первымъ ляоянскимъ позиціямъ, а въ Аншаньчжуанѣ осталась 8-я сотня, или вѣрнѣе одинъ ея взводъ. Остальные люди были разбросаны по постамъ на охранѣ вплоть до моста на р. Шахе, гдѣ стояла другая полусотня 8-й сотни; кромѣ коннаго взвода на станціи была еще 19-я рота и пѣшая учебная команда 4-го резервнаго отряда заамурскаго округа.

Было 4 часа пополудни, когда этотъ отрядъ собрался покинуть станцію вмѣстѣ съ младшими офицерами: Корнетомъ Мелентьевымъ и начальникомъ пѣшей команды штабсъ-ротмистромъ Бѣляевымъ, въ послѣдствіи убитымъ въ бою.

У сѣвернаго семафора, въ разстояніи не болѣе полуверсты отъ станціи, ротмистръ Голландскій съ офицерами Мелентьевымъ и Бѣляевымъ остановились наблюдать за японцами. Послѣдніе подходили къ району станціи.

Непріятельская батарея, замѣтивъ у семафора трехъ русскихъ, открыла по нимъ огонь шрапнелью.

Между тѣмъ 19-я рота, видя приближеніе противника, спѣшно догружала на вагонетки ротный скарбъ: канцелярію, денежный ящикъ и всякій хламъ. Одну вагонетку покатали къ семафору, а люди спѣшили накладывать свое убогое имущество, съ которымъ не хотѣлось расстаться, и понемногу, шагъ за шагомъ, отходили къ сѣверу.

— Ваше высокоблагородіе!—обратился солдатъ къ ротмистру Голландскому,—дозвольте хвонарь снять съ семафора, потому хвонарь совсѣмъ новый.

— Снимай,—улыбаясь, отвѣчаетъ сотенный.

Солдатики, не обращая вниманія на летящіе снаряды, карабкается на семафоръ и снимаетъ фонарь.

Время шло быстро. Вотъ уже солнце стало склоняться къ западу.

Былъ восьмой часъ вечера.

Изъ гаоляна, густо и высоко растущаго позади станціи, раздались залпы. Подскакалъ дозорный и на ходу уже докладывалъ:

— Ваше высокоблагородіе! Къ вокзалу подошли два эскадрона и рота японцевъ.

Это они и открыли выдержанный огонь залпами.

Командиръ 19-й роты, разсыпавъ небольшую цѣпь, началъ отстрѣливаться, приказавъ остальнымъ людямъ спрятаться за насыпью дороги.

Ротмистръ Голландскій командовалъ своимъ коннымъ разсыпаться въ лаву, и его громкій голосъ спасъ пѣшую часть и его взводъ отъ неминуемой гибели. Японцевъ было несравненно больше нашихъ, и они могли-бы раздавить небольшой арьергардъ.

Громкая команда ротмистра поставила втупикъ непріятеля, подошедшаго къ станціи въ полной увѣренности, что найдетъ тамъ однихъ пѣхотинцевъ. Японцы освоились съ нашими построеніями, и лавъ, и казачьи пики боялись, какъ чортъ ладона. Поэтому они остановились на станціи, прекративъ залпы.

Когда конная и пѣшая части стали удаляться отъ семафора, японская горная батарея начала ихъ обстрѣливать шрапнелью; открытая мѣстность, по которой пришлось двигаться арьергарду, ставила отступающихъ въ критическое положеніе, но на выручку имъ отклик-

нулась стоявшая сзади, верстахъ въ 5-ти, аррьергардная батарея. Она отвлекла огонь непріятельскихъ орудій на себя, чѣмъ облегчило отряду отступление.

Начало темнѣть, и мракъ, окутавшій землю, далъ возможность передохнуть отъ пережитыхъ боевыхъ волненій.

Тогда вспомнили, что въ дневной перестрѣлкѣ былъ смертельно раненъ нижній чинъ 19-й роты; его оставили спрятаннымъ въ гаолянѣ. Вызвали охотниковъ спасти раненнаго. Восемь человекъ 19-й роты съ фельдфебелемъ Шабалинымъ во главѣ, изъявили желаніе отправиться за товарищемъ. Къ нимъ назначили въ поддержку 15 человекъ 8-й сотни. Вся группа тихо, почти ползкомъ, двинулась обратно къ станціи, занятой уже непріателемъ. Прорвавшись черезъ сторожевую цѣпь непріятеля, они углубились въ гаолянѣ, гдѣ и нашли своего товарища. На линіи была оставлена вагонетка съ солдатскимъ скарбомъ: ее не успѣли утромъ увезти. Солдаты уложили на нее раненаго и тихо поползли назадъ, но шумъ катящейся вагонетки привлекъ вниманіе непріятеля. Раздался выстрѣлъ, другой, третій; за ними послѣдовали залпы, и все-таки наши смѣльчаки пограничники ушли благополучно и спасли товарища.

Около часу ночи аррьергардъ занялъ мостъ на р. Шахе, позади котораго были расположены на первыхъ позиціяхъ наши главные силы.

На зарѣ слѣдующаго дня, т. е. 15-го числа, начался артиллерійскій поединокъ двухъ противниковъ; японцы выбрасываютъ безъ счета снаряды, шрапнельные и бризантные; первыми они закидываютъ цѣлыя площади, а вторыми вырываютъ изъ земли огромные столбы дыма и камней, чтобы застилать ими свои цѣли. Имъ спокойно и могуче отвѣчаютъ русскія пушки; раздается два-три пробныхъ выстрѣла; прицѣлъ взятъ вѣрно, и послѣ нѣсколькихъ залповъ японская батарея сразу умолкаетъ, пока сбитыя орудія не замѣнятся новыми.

Тѣмъ временемъ отступавшій аррьергардъ, остановившійся ночью на мосту Шахе, съ вновь присоединившимися къ нему двумя пѣшими командами, прикрывалъ отступление поѣзда подполковника Спиридонова. Главныя силы наши отодвигались къ главнымъ лаянскимъ позиціямъ, въ 6—7 верстахъ отъ города, къ высокимъ сопкамъ у дер. Маेतунъ.

16-го августа были только стычки наших передовых разъездовъ и сторожевой цѣпи. Непріятель наступалъ медленно и осторожно, подготавливая каждое передвиженіе громомъ орудій.

Настоящая кровавая драма подъ Ляояномъ начинается съ 3 ч. 30 м. утра 17-го августа. Еще солнце было за горизонтомъ, когда грянули непріятельскія орудія. Имъ тотчасъ отвѣтили наши батареи. Канонада была такъ велика, что небо покрылось густыми облаками дыма. Въ нихъ то и дѣло мелькали огоньки разрывающихся снарядовъ, словно молніи. Одна непріятельская горная батарея, успѣвшая пробраться на позиціи и ударить намъ во флангъ, особенно надѣдала своей назойливостью. Это замѣтила наша батарея и двумя залпами смела ее.

Весь день длился артиллерійскій поединокъ; 8-я сотня въ полномъ составѣ, подъ командой ротмистра Голландскаго, была занята наблюденіями за непріятельскими эволюціями.

Около полудня одинъ изъ разъездовъ замѣтилъ вышедшую изъ ближайшей деревни большую непріятельскую колонну. Укрываясь въ гаолянѣ, она двигалась на деревню Маегунъ и въ 1000 шагахъ отъ насъ открыла ружейный огонь, продолжая движеніе впередъ. Часамъ къ тремъ непріятельская колонна приблизилась на 600 шаговъ и выказала стремленіе взять нашихъ „вофлангъ“.

У насъ резервы были израсходованы. Противникъ былъ близокъ въ подавляющемъ количествѣ. Положеніе становилось труднымъ. Были спѣшны послѣдніе конные люди и введены въ цѣпь. Но тутъ пришло приказаніе держаться до получения подкрѣпленій; вскорѣ подошли двѣ роты 4-го стрѣлковаго полка и немедленно влились въ цѣпь; вслѣдъ за нимъ подошли еще двѣ роты той-же части и составили резервъ. А непріятель все приближался. Шаговъ съ 300 его встрѣли дружные залпы. Ряды легли, за ними появились другіе и также погибли,—атака была отбита съ громаднымъ урономъ у противника.

Пришло денесеніе, что значительныя силы японцевъ двигаются въ обходъ праваго фланга. Дали знать командиру 1-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка. Онъ быстро выдвинулъ стоявшій впереди 2-й батальонъ

съ 2 пулеметами. Занявъ позиціи, они открыли убійственный огонь по непріятельскимъ колоннамъ, которыя и были отброшены съ страшными потерями.

День уже склонялся къ вечеру. Канонада не прекращалась. Тутъ пришло извѣстіе, что портъ-артурскіе герои отбили штурмъ японцевъ, и по всѣмъ линіямъ обороны грянуло могучее русское „ура“.

Вражескіе колонны, какъ-бы смущенныя непонятнымъ крикомъ, остановились верстахъ въ трехъ отъ деревни Маेतунь. Надвинулась ночь, канонада стихла. Кое-гдѣ замелькали огоньки костровъ. Около 10 часовъ вечера японцы повели энергичное наступленіе по всѣмъ фронтамъ и съ 11 ч. 30 м. ночи начались атаки. Японцы лѣзли съ настойчивостью, но ихъ били жестоко и отбрасывали съ тяжелыми потерями.

Былъ моментъ, когда деревня Маेतунь была окружена японцами со всѣхъ сторонъ. Въ ней находилась 8-я сотня съ ротмистромъ Голландскимъ.

Послѣдній спѣшилъ людей и вывелъ ихъ съ примкнутыми штыками.

Пробивались къ цѣпи холоднымъ оружіемъ. Это была жестокая боевая схватка. Одинъ другому не давалъ пощады... Въ деревнѣ остались коноводы съ лошадьми. Къ счастью, бѣгомъ подошла рота 4-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка и штыками отбросила противника, освободивъ Маेतунь. Эту ночь ружейная пальба не прекращалась до утра.

Съ разсвѣтомъ возобновилась канонада артилеріи. Японцы, предполагая, что въ деревнѣ Маेतунь находятся большіе резервы нашихъ силъ, буквально закидывали ее шрапнельными и бризантными снарядами. Въ деревнѣ былъ сущій адъ. Фанзы разбивались вдребезги. Въ воздухѣ тучи дыма смѣшивались съ пылью. И все-таки атаки были отбиты. Деревню удержали.

Около 12 часовъ 18 августа сильная колонна японцевъ успѣла придвинуться къ редуту, занятому 19-й ротой и пѣшими учебными командами заамурцевъ; въ немъ было 300 человѣкъ. Осыпаемые огнемъ орудій и пулями пѣхоты, герои вышли изъ редута и бросились въ штыки, пробивая себѣ дорогу сквозь густые ряды непріятеля.

Пробились, но въ живыхъ осталось 65 человѣкъ изъ 300; изъ 4 офицеровъ только одинъ ротмистръ Витор-

скій, раненый въ руку съ раздробленіемъ кости и въ грудь на вылетъ. Онъ пробился съ 65 молодцами героями. Остальные дорого продали свою жизнь... Заамурцы покрыли себя вѣнцомъ неуывдаемой славы, 300 человекъ, подобно древнимъ защитникамъ Термопиль, бились съ 4 батальонами. Погибли командиръ роты штабсъ-ротмистръ Бѣляевъ, штабсъ-ротмистръ Севастицкий и поручикъ Ивановъ.

Къ вечеру прѣхалъ подполковникъ Скарятинъ, чтобы принять подъ свою команду аррьергардный отрядъ, но собралъ жалкіе остатки.

Эти славные герои присоединились къ ротѣ 1-го полка, помѣстившись съ нею въ ея окопахъ у деревни Маेतунъ. Здѣсь они держались до полученія приказанія отойти къ главнымъ позиціямъ Ляояна. Сотню, за неимѣніемъ въ ней необходимости, отвели на флангъ, для наблюденія противъ отхода. Подъ сильнымъ огнемъ пришлось взбираться на высокія сопки и спускаться по крутымъ, каменистымъ тропинкамъ.

Между тѣмъ артиллерійская подготовка атаки не прекращалась. Канонада стала настолько сильной, что дымъ застилалъ заходящее солнце. Грохотъ орудій и ревъ снарядовъ разносились далеко, на десятки верстъ въ окружности.

Около 9 часовъ японцы пошли въ атаку. Стрѣлки передового окопа у деревни Маेतунъ подпустили японцевъ на 100 съ небольшимъ шаговъ безъ выстрѣла. Это навело на нихъ такую панику, что они залегли и, не взирая на понуканія суетившихся офицеровъ, стрѣлявшихъ въ своихъ людей, крики и брань, не поднимались и не пошли дальше. Ихъ удалось поднять, но не для стремительнаго движенія впередъ, а для отступленія, и тогда они отходили, сопровождаемые нашими залпами, неся колоссальныя потери.

Да, молчаливая встрѣча врага, почти грудь грудью, произвела на нихъ удручающее впечатлѣніе.

Здѣсь кстати замѣтить слѣдующее: рядовой 19-й роты заамурцевъ, попавшій въ плѣнъ, вырвался и бѣжалъ изъ непріятельскаго лагеря. Онъ разсказалъ, что его караулилъ часовой—мальчишка не старше 13 лѣтъ. Мальчикъ заснулъ, и заамурецъ, захвативъ его ружье, бѣжалъ.

Бѣжавшій солдатъ 19-й роты владѣетъ китайскимъ

языкомъ. Онъ служить въ заамурскомъ округѣ нѣсколько лѣтъ и приобрѣлъ „друзей“ среди населенія. Они одѣли его въ китайское платье и привели къ нашимъ аванпостамъ.

18-го августа, ночью, получено было приказаніе отойти въ Ляоянь и занять форты.

Пограничники въ періодъ боевъ подъ Шахэ.

(Эпизодъ изъ боевой жизни заамурцевъ).

Великолѣпное осеннее утро. Чистое лазаревое небо, на которомъ плыветъ еще кусочекъ луны, блѣдной и прозрачной, какъ тонкая папиросная бумага. Кругомъ ни облачка; съ сопки ясно обрисовывается дорога, прорѣзывающая рѣчку. По сторонамъ ея еще торчитъ неснятый гаолянъ съ порыжѣвшимъ стеблемъ,

Отчетливо вырисовываются деревни; въ ближайшихъ не трудно различить улицы, даже валики, рвы и ямы полевыхъ укрѣпленій.

Вонъ по дорогѣ вытянулся незначительный пѣшій отрядъ, силою не болѣе 160 человекъ. Это охотничья команда пограничной стражи.

Она выдвинута впередъ,—точноѣ, она врѣзалась въ самое расположеніе непріятеля и ежеминутно можетъ попасть въ засаду японца.

Въ занятомъ имъ районѣ врагъ нашъ не церемонится, ничѣмъ не брезгаетъ и распоряжается, какъ въ завоеванной странѣ. Жителямъ онъ объявляетъ, что за малѣйшую помощь русскимъ, продажу провіанта, доставку свѣдѣній о непріятелѣ, послѣдуетъ жестокое мщеніе.

И дѣйствительно, японецъ мститъ даже и въ томъ случаѣ, когда у него является только подозрѣніе на кого-либо изъ деревенскихъ жителей: подозрѣваемые тотчасъ арестовываются и предаются казни „безъ суда и расправы“.

Чтобы заставить китайцевъ служить себѣ въ качествѣ шпионовъ, японцы брали въ плѣнъ престарѣлаго отца, мать или „бабушку“ (бабушка—у китайцевъ означаетъ жена) и отпускали заложниковъ на волю лишь по исполненіи сыномъ порученія, нерѣдко сопряженного съ опасностью для жизни.

Такимъ образомъ, разумѣется, не особенно трудно было добывать дешевыхъ и даже даровыхъ развѣдчиковъ.

Итакъ, возвращаясь къ охотничьей командѣ. Ею предводительствуетъ молодой поручикъ Шелиховъ. Въ его распоряженіи еще два поручика—Лашкевичъ и Клярцевичъ, и одинъ, прикомандированный изъ полевыхъ войскъ, подпоручикъ Рожанскій. Они движутся шагомъ, офицеры впереди. Нѣсколько дозорныхъ углубились въ гаолянъ и исчезли въ его высокихъ заросляхъ.

— Ваше благородіе!—обращается фельдфебель изъ вольноопредѣляющихся Василій Тетерюковъ,—виденъ японскій часовой на сопкѣ.

Всѣ взоры устремились впередъ по ту сторону полей, нѣсколько лѣвѣ деревни Юхетай.

— Эхъ,—кряхтитъ правофланговый, бравый пограничникъ Трофимъ Семенюкъ.—Взгмуздать-бы его, япошку эфтаго.

— Молчи, — шопотомъ останавливаетъ рядового фельдфебель.

— Да,—задумчиво, про себя говоритъ поручикъ Шелиховъ:—очевидно, это японскій наблюдательный постъ.

— Взгмуздать-бы яво, ваше благородіе,—опять хрипомъ вырывается изъ груди охотника Семенюка, но на него тотчасъ накидывается фельдфебель.

— Тебѣ сказано молчать!—шопотомъ, но съ видимой яростью говоритъ онъ солдату, который уже успѣлъ съежиться, виновато понуривъ голову.

— Семенюкъ правъ,—замѣчаетъ начальникъ охотничьей команды.—Часового срѣзать не мѣшаетъ.

— Такъ точно, ваше благородіе!—обрадовался Семенюкъ.

— А ты его снимешь?

— Коли прикажите, сниму.

— Поручикъ Клярцевичъ! Вы съ двумя взводами,

совмѣстно съ поручикомъ Лашкевичемъ, продвѣньтесь по гаолянѣ съ правой стороны сопки. Старайтесь пройти сколько возможно скрытно. Двигайтесь къ Иохетай черезъ деревню Таулюпуза. Это дальше, но безопаснѣе. Поле сплошь покрыто гаолянѣмъ и чумизой. По чумизѣ людямъ пройти ползкомъ. Слышите братцы? На брюхѣ ползти! Змѣей извивайся, но чтобы васъ непріятель до послѣдняго момента не примѣтилъ.

Два молоденькихъ поручика разсыпали каждый свой взводъ и поползли одинъ—въ высокомъ гаолянѣ, другой по чумизному полю, ползкомъ, почти „на брюхѣ“, какъ училъ командиръ охотничьей команды.

Подпоручикъ Рожанскій обнаруживаетъ нетерпѣніе и готовность наброситься на врага.

Повернули назадъ къ деревнѣ Схоберъ, откуда къ сопкѣ тянулись ровныя грядки гаоляноваго поля.

Въ деревнѣ Шелиховъ остановилъ стараго китайца съ вопросомъ:

— Ипенъ (японцы) ю-мью?

— Ю, капитана! Иохетай—шибка многа ипенъ...

И старый китаецъ костлявой рукой указалъ по направлению къ деревнѣ Иохетай.

— Сколько ипенъ?—допытывается поручикъ. — Не бойся, говори, говори чена (деньги) дамъ.

— Чена мью,—спокойно отвѣтилъ старикъ.—Путунда... Не надо чена... Ипенъ кантами!..—при этомъ онъ показалъ рукою на шею, показывая этимъ, что за разговоръ съ русскими японцы ему голову отрубятъ.

Поручикъ двинулся впередъ, скрывшись, въ высокихъ стебляхъ гаоляна, раскинувъ по сторонамъ дозоры.

— Смотри, братцы, внимательно! Зря не стрѣляй!

Осторожно, шагъ за шагомъ, движется цѣпь охотниковъ. Каждый думаетъ свою думку, но никому и въ голову не приходитъ мысль объ опасности, о витающей надъ головой жадной, ненасытной смерти.

Впереди, шаговъ на триста, простиралась ровная площадь, увѣнчанная высокой сопкой съ отлогими скатами. На вершинѣ ясно виденъ часовой, рядомъ съ нимъ стоитъ офицеръ въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ, въ черной курткѣ и красныхъ штанахъ; китаецъ въ синей курмѣ, нѣсколько поодаль—человѣкъ 12—15 кавалеристовъ. Китаецъ, несомнѣнно, шпионъ, разговариваетъ съ офицеромъ, размахивая руками и

всѣмъ корпусомъ. Онъ, повидиму, что-то доказываетъ японскому офицеру, чему, быть можетъ, послѣдній неохотно вѣритъ, судя по равнодушію, съ которымъ онъ выслушиваетъ своего развѣдчика, поминутно поглядывающаго на деревню и лежащій между послѣдней и сопкой гаолянъ.

Поручикъ быстро рассыпалъ цѣпь у самой опушки поля и скомандовалъ залпъ, одинъ другой и третій... Свалился часовой. Остальные сѣли на лошадей и поскакали, сломя голову, по направленію къ деревнѣ Іохетай.

По дорогѣ свалился пораженный пулей шпіонъ, упало нѣсколько лошадей, а нѣкоторые поскакали безъ всадниковъ.

Постъ спать. На склонахъ сопки лежали убитые, въ томъ числѣ китаецъ. Его обыскали и нашли въ его карманахъ нѣсколько набросковъ мѣстности съ китайскими надписями. На вершинѣ сопки вблизи убитаго часового валялся маленькій серебрянный компасъ съ японскими гіероглифами, повидимому принадлежавшій офицеру и оброненный имъ въ суматохѣ поспѣшнаго бѣгства. Валялись нѣсколько убитыхъ и раненыхъ лошадей. Однѣ вытянули свои мохнатые ноги, другія конвульсивно бились въ послѣднихъ предсмертныхъ судорогахъ.

Сопка была занята нашей охотничьей командой около двухъ часовъ. На ней оставили 14 человекъ для наблюденія, а остальные двинулись къ японской заставѣ у деревни Чжанъ-Тапъ.

Опять пошли со всѣми предосторожностями, пробираясь грядями гаоляна. Черезъ узкую извилистую рѣчку Тахэ-цоза, по каменистому дну которой кротко журчитъ прозрачная, какъ кристалъ, вода, переправились въ бродъ затѣмъ вытянулись по параллельнымъ тропкамъ въ деревнѣ Таулюпуза, вновь нырнули въ гущу гаоляна, осторожно подкрадываясь къ непріятельской заставѣ.

Движеніе по обработанной почвѣ крайне затруднительно; земля мягка, и ноги въ ней увязаютъ; кромѣ того, неизвѣстный у насъ на родинѣ злакъ, еще болѣе затрудняетъ движеніе. Шли медленно. День догоралъ. Уже было пять часовъ вечера, когда вдругъ изъ густыхъ и высокихъ зарослей раздались частые выс-

трѣлы... Очевидно, японцы устроили засаду въ гаолянѣ, потому что дозоры миновали мѣсто, откуда японцы открыли огонь.

Вмигъ часть команды была развернута и дала одинъ за другимъ три залпа по направленію стрѣлявшаго противника. Японцы сразу прекратили огонь. Все смолкло, и тишину нарушало шуршаніе стеблей гаоляна колеблемыхъ разбушевавшимся вѣтромъ.

Зловѣщая тишина, когда и у храбрыхъ и обстрѣленныхъ воиновъ сердечко „екаетъ“ отъ предстоящей неизвѣстности! Однако, наши молодцы пограничники хорошо освоились съ боевыми качествами своего противника. Сразу подбѣжала къ опушкѣ поля, куда вышла команда, пара дозорныхъ и сообщила, что японцы обходятъ гаолянѣмъ справа и слѣва...

Стало темнѣть. Около деревни показалась пѣхота и кавалерія. Пришлось отойти, чтобы не быть окруженнымъ. Вернулись къ оставленному на сопкѣ посту и сдѣлали маленькій привалъ, оказавшійся не лишнимъ послѣ почти безостановочнаго движенія съ 4 часовъ утра до сумерекъ.

— Заночуемъ здѣсь?—обратился Рожанскій къ начальнику охотничьей команды.

— Попробуй...—отвѣтилъ Шелиховъ.

— Ну, и попробую... — горячился юный офицеръ.

— И въ плѣнъ угодишь, — въ тонъ бросилъ ему Шелиховъ. — Господа,—обратился онъ къ остальнымъ товарищамъ,—намъ отсюда удалиться необходимо, но мы оставимъ японцамъ что нибудь на память...

Всѣ недоумѣвающе взглянули на своего начальника.

— Вы удивлены? Эхъ, вояки! Понимаете, ночью японцы придутъ къ намъ въ гости... Нѣтъ, пожалуй, часа черезъ три они окружаютъ сопку. Если мы уйдемъ, не оставивъ слѣда, они займутъ сопку. Сдѣлаемъ чучела, разставимъ ихъ; японцы нагрянутъ, начнутъ палить, пострѣляютъ и въ штыки на болванки полѣзутъ... Ну, а мы издали, вонъ, хотя бы съ той мѣстности, лежащей по ту сторону рѣчки, и станемъ наблюдать...

— Отлично! Превосходно! — подхватилъ Рожанскій. — Ай да молодчина! Вотъ штуку придумалъ! Ловко, ей-Богу, ловко!

Въ полчаса уладили нѣсколько болванокъ, разставили ихъ на сопку, разложили между ними пару кост-

ровъ, зажгли ихъ и отошли уже подъ покровомъ ночи къ деревнѣ Чжанъ-Танъ, гдѣ и стали на ночлегъ, однако не забывъ о «предпріятіи» съ покинутой сопкой.

Предположенія оправдались. Около 11-ти часовъ японская застава окружила брошенную нашими охотниками сопку и подняла пальбу. Пострѣлявъ съ полчаса и не получая отвѣта, они осторожно стали подбираться къ вершинѣ. Можно себя представить разочарованіе враговъ, когда они на сопкѣ нашли, вмѣсто людей, болванчики и догорающіе костры?! На разсвѣтѣ нашъ часовой видѣлъ, какъ они съ злобой швыряли внизъ разставленные чучела.

Часамъ къ восьми утра японскій полуэскадронъ подскочилъ на своихъ австралійскихъ коняхъ къ деревнѣ Чжанъ-Танъ, очевидно, не подозрѣвая въ ней присутствія русскихъ, но данные по нимъ залпы заставили ихъ повернуть и, сломя голову, направиться на югъ.

Тѣмъ не менѣе, мысль окружить охотничью команду пограничниковъ, безпардонно разгуливавшую въ районѣ непріятельскаго расположенія, не покидала японцевъ. Шнырявшіе повсюду наши дозорные донесли, что противъ охотниковъ движется пѣхота съ кавалеріей. Развѣдка была произведена, свѣдѣнія о противникѣ собраны; оставалось убраться по-добру, по-здорову. Но справа, на горизонтѣ, уже вырисовывались черныя линии непріятельской пѣхоты, а слѣва дробной рысью двигался по крайней мѣрѣ одинъ эскадронъ кавалеріи. Назадъ уходить, къ деревнѣ Ашинюръ, было рискованно. Китайскій бой, служившій ранѣе у капитана Гоганидае (офицеръ изъ отряда полковника Мадритова), донесъ, что въ этой деревнѣ находится 800 хунхузовъ изъ шайки атамановъ Тулиссана и Фуленгоо. Этими разбойниками предводительствуютъ два японскихъ офицера, стало быть, оставался одинъ путь отступленія: дерзко-отважно пойти впередъ и переправиться черезъ рѣку Тахе-цоза, такъ сказать, подъ самымъ носомъ непріятеля.

Охотники двинулись вдоль рѣчки по гаолянѣ и переправились на другой, командующій, берегъ ранѣе, чѣмъ японцы ихъ настигли.

Такимъ образомъ, храбрые до дерзости охотники пограничной стражи увернулись отъ обхода непріятеля, не понеся никакихъ потерь, порядочно подурочивъ про-

тивника и лишивъ его нѣсколькихъ десятковъ людей и цѣнныхъ австралійскихъ коней.

Охотничьи команды на войнѣ дѣлають малозамѣтное, но чрезвычайно важное дѣло. Работа ихъ трудная, полна опасностей и неожиданностей. Необходимо каждую минуту быть „на чеку“, упорно преслѣдовать свою цѣль, не забывая и мудрой осторожности.

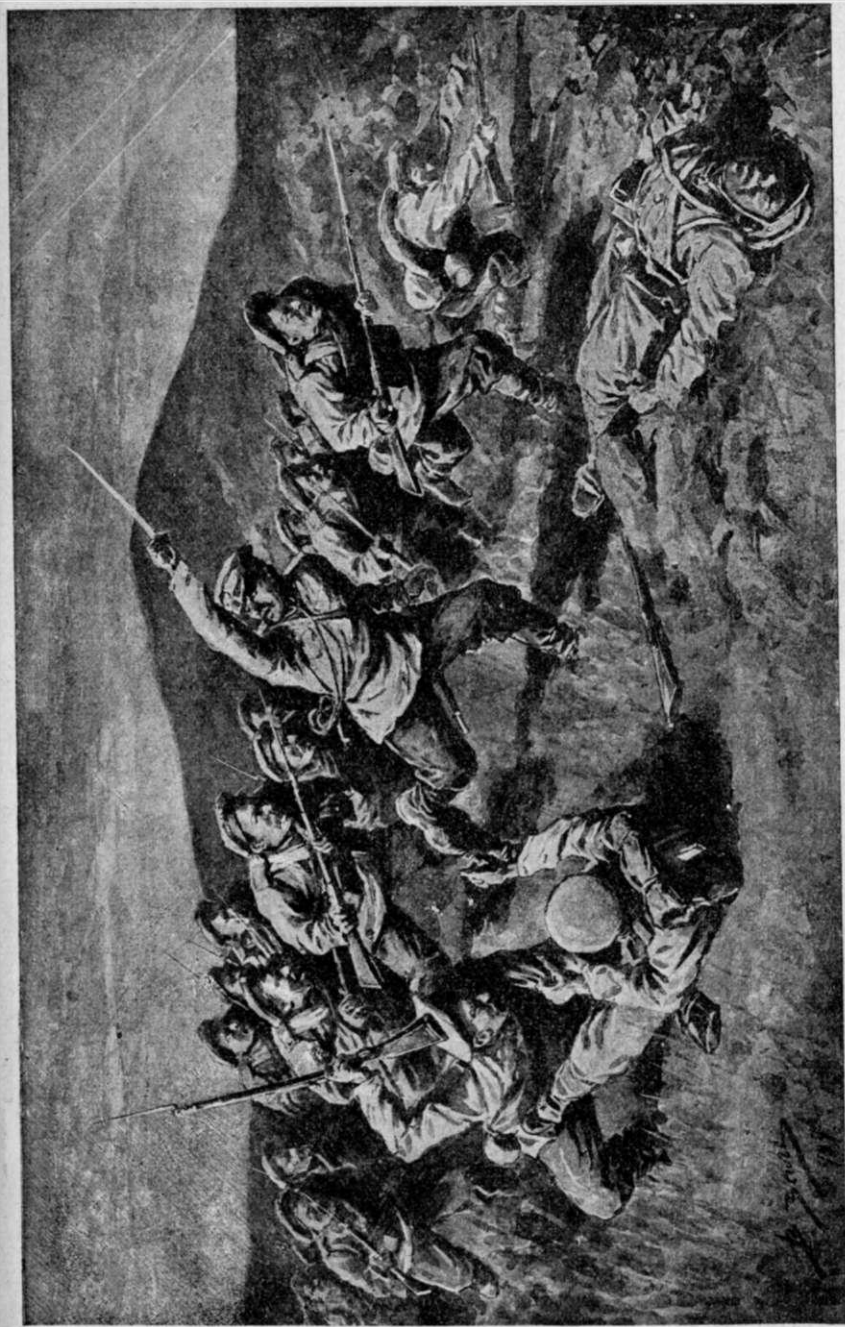
Охотничья команда поручика Шелихова съ его славными подвижниками: Клярцевичемъ, Рожанскимъ и Лашкевичемъ закончила развѣдку и отошла къ нашимъ заставамъ въ ожиданіе подкрѣпленія, чтобы продолжать свои „операциі“.

Команду усилили нѣшимъ взводомъ и 25 конными пограничниками-заамурцами подъ начальствомъ поручика Попова; предстояла серьезная рекогносцировка деревни Каляма, гдѣ, по свѣдѣніямъ не всегда заслуживающимъ довѣрія шпіоновъ, предполагалось присутствіе значительной части японской пѣхоты, неизвѣстнаго количества кавалеріи при нѣсколькихъ горныхъ орудіяхъ, а, главное, до 800 хунхузовъ подъ командой уже знакомыхъ нашимъ читателямъ Тулиссана и Фуленгоо.

Поручикъ Шелиховъ, получивъ подкрѣпленіе, приближается къ деревнѣ Каляма въ 4 часа 30 минутъ утра, когда еще было совершенно темно. Деревня оказалась хорошо укрѣпленной окопами и заставами съ трехъ сторонъ. Правый флангъ прикрывался сплошными грядами высокаго гаоляна. У опушки деревни торчали маленькія горныя орудія.

Охотники разсыпались полукругомъ шагахъ въ 300 отъ непріятеля и открыли огонь залпами. Имъ тотчасъ отвѣтили японскіе стрѣлки и даже горныя пушки, но цѣль была недостаточно ясна, и вражескій огонь не причинялъ нашимъ ни малѣйшаго вреда. Орудійные снаряды перелетали и разрывались далеко позади охотниковъ, а ружейныя пули не особенно беспокоятъ.

Перестрѣлка продолжалась до самаго утра, когда огонь вдругъ измѣнился: привычное ухо охотника уловило новый звукъ выстрѣла и другой „напѣвъ“. Это, очевидно, стрѣляли хунхузы изъ четырехлинейнаго ружья, которымъ японцы вооружили наемныхъ грабителей.

„За мной, братцы! За Царя! Впередъ!“. Крикнулъ поручикъ Бенескулъ.

Съ развитіемъ боя обнаружилось обычное стремленіе противника „охватить“ фланги. Предусмотрительный начальникъ охотничьей команды „загнулъ“ свой лѣвый флангъ взводомъ подъ командой Рожанскаго, а для наблюденія за правымъ флангомъ выслалъ конныхъ всадниковъ. Стрѣльба усиливалась съ каждой минутой; ясно стало, что непріятель по крайней мѣрѣ вдесятеро сильнѣе маленькаго рекогносцировочнаго отряда, но отступать было рано. Требовалась упорная выдержка до полного обнаруженія силъ непріятеля.

Но лѣвый флангъ стала сдавливать напиравшая японская пѣхота, и пришло извѣстіе, что справа движется эскадронъ кавалеріи, часть коего уже переправляется въ бродъ черезъ рѣку Ляохе.

Съ фронта высыпали хунхузы и, безпорядочно стрѣляя понемногу, не совсѣмъ смѣло, повели наступленіе.

Задача была исполнена. Силы непріятеля, расположенныя въ этой деревнѣ, вблизи Ляохе, вполне выяснились и являлось возможнымъ закончить развѣдку.

Взводы, прикрывая одинъ другого, начали отступать. Обходъ японскаго эскадрона парализовали двадцать пять всадниковъ Заамурскаго округа пограничной стражи: они спѣшилились почти передъ носомъ переправляющихся въ бродъ непріятельскихъ кавалеристовъ и открыли по нимъ залпы. Мѣткость ихъ тотчасъ опредѣлилась: видны были мчащіеся по полю австрійскіе кони безъ всадниковъ. Въ то же время и отступающіе взводы такъ мѣтко стрѣляли, что привели непріятельскую артиллерію къ полному молчанію, очевидно, выбивъ орудійную прислугу.

Такимъ образомъ, небольшая охотничья команда пограничной стражи съ нѣсколькими доблестными молодыми офицерами нерѣдко выдерживаетъ бой съ значительно сильнѣйшимъ противникомъ. Будучи сдавлены съ трехъ сторонъ, они ушли, понеся ничтожныя потери: одного убитаго нижняго чина и нѣсколько раненыхъ. Раненый поручикъ Клярцевичъ, а также фельдфебель Савватій Гамелинъ и унтеръ-офицеръ Дмитрій Хмелевскій не оставили строя до возвращенія на бивакъ ляо-хэйскаго отряда.

Приведенными очерками далеко не исчерпывается боевая дѣятельность пограничной стражи въ минувшую русско-японскую войну. Многіе сотни и роты, и отдѣль-

ныя лица показали себя истинными героями и преданными слугами обожаемаго монарха. За Батюшку-Царя каждый пограничникъ всегда готовъ былъ положить свою голову. Поручикъ Бенескуль собралъ разрозненныя части дрогнувшей дивизіи Орлова и ринулся съ ними на врага съ криками „за мной братцы, за Царя!“ Поручикъ Бенескуль погибъ истинно-геройской смертью. Дѣйствія отдѣльнаго полка, получившаго георгіевское знамя за вѣрную службу Царю и родинѣ, и многіе другіе эпизоды подлежатъ описанію.

Дѣйствія 21 и 36 ротъ Заамурскаго округа отдѣльнаго корпуса пограничной стражи въ Портъ-Артуръ.

I. На Зеленыхъ горахъ.

Съ двадцатыхъ чиселъ апрѣля начинается высадка японцевъ у Бицзыво, высадка, въ которую бывший комендантъ крѣпости, генералъ Стессель, не хотѣлъ вѣрить и къ донесеніямъ доблестнаго, въ послѣдствіи погибшаго геройскою смертію—подполковника Заамурскаго округа пограничной стражи Бутусова о начавшейся высадкѣ силъ врага относился недовѣрчиво. Между тѣмъ, 23-го апрѣля въ виду станціи Пуландянъ появляются незначительные отряды японцевъ и ведутъ наступленіе съ юго-восточныхъ склоновъ, окружающихъ станцію высотъ.

Нѣсколько смѣльчаковъ 53 роты принимаютъ на себя первый ударъ, но подъ напоромъ сильнѣйшаго противника вынуждены отойти къ станціи, и боевой день, начавшійся съ 8 часовъ утра, заканчивается взрывомъ 2 фермъ моста, перекинутаго черезъ высохшій ручей шагахъ въ 400 отъ станціи.

Затѣмъ, послѣ неудачнаго для насъ боя подъ Кинъ-Чжоу, наша армія разрывается; одна часть остается у Вафангоу, другая отходитъ къ Портъ-Артуру, гдѣ на Зеленыхъ горахъ располагаются двѣ роты, 21 и 36, пограничной стражи.

12 іюля, по распоряженію начальника седьмой дивизіи, 1 и 36 роты экстренно высылаются на позицію у деревни Литангоу. Здѣсь въ 12 часовъ ночи онѣ вступаютъ въ составъ общаго резерва на большомъ перевалѣ Зеленыхъ горъ. Съ 6 часовъ утра 13 іюля японцы начинаютъ наступленіе на большой перевалъ, защищае-

мый съ правой стороны одной ротой, а именно пятой 27 Восточно Сибирскаго стрѣлковаго полка, расположившейся въ маленькомъ редюитѣ. Еще было рано, и хотя солиде обливало своимъ яркимъ свѣтомъ все горное пространство, но земля, остывшая за ночь, еще не успѣла накалиться, воздухъ казался свѣжимъ, и сибирскіе стрѣлки, осыпаемые шрапнелью, гудящими снарядами шимозы и дождемъ ружейныхъ пуль, стойко держались за насыпь своего маленькаго редюита. Наступленіе японцы ведутъ настойчиво. Они не боятся потерь. вмѣсто одной разбитой цѣпи всегда вырастаютъ двѣ, три новыхъ. Стрѣлки несли страшные потери.

Наблюдавшій картину этого боя подполковникъ Заамурскаго округа пограничной стражи Бутусовъ приказалъ 21 ротѣ съ ея командиромъ поручикомъ Лаздовскимъ во главѣ поспѣшить на гребень сосѣдней высоты, извѣстной въ Портъ-Артурѣ подъ названіемъ Большой горы, и расположиться въ редюитѣ, предназначенномъ для четырехъ-орудійной батареи.

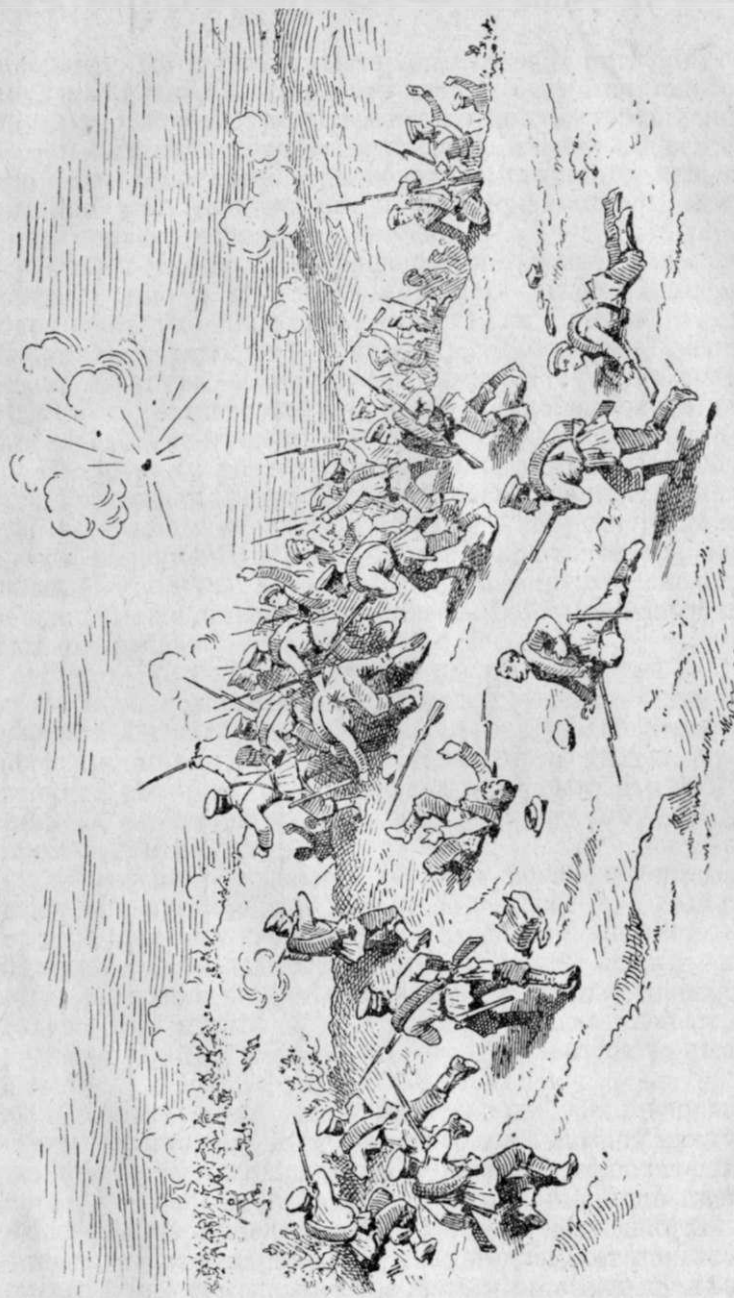
21 рота пограничниковъ вмигъ поднялась и устремилась къ указанной ей цѣли. Пришлось взбираться по крайне крутому скату. Послѣ выпавшаго ночью небольшого дождя подъемъ былъ сопряженъ съ большими затрудненіями. Желтая глинистая почва намокла и ноги скользили. Однако, пограничники смѣло лѣзли на гору, скользя, падая, снова поднимаясь и вновь падая, непрерывно обсыпаемые дождемъ орудійныхъ снарядовъ и ружейныхъ пуль.

Не легко было бѣднякамъ достигъ гребня, но пограничники-заамурцы не вѣдали опасности, ни неодолимыхъ препятствій.

Энергичный натискъ японцевъ, ихъ убійственный огонь, повидимому, совсѣмъ не безпокоили пограничниковъ; они помнили приказаніе начальника занять вершину и лѣзли, преодолевая всѣ препятствія, даже смерть...

Достигнувъ цѣли и расположившись на гребнѣ вершины, передъ пограничниками раскрылась картина штурма редюита, защищаемаго пятой ротой 27 Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка.

Непріятельскія колонны, одна за другой, густыми массами, подъ прикрытіемъ своихъ батарей, словно ошалѣлые карабкались на гору.

Бой пограничников съ японцами на Зеленыхъ горахъ.

Поручикъ Лаздовскій счелъ удобнымъ открыть огонь по наступающимъ непріятельскимъ цѣлямъ. Залпы командуемой имъ 21 роты нанесли японцамъ огромный уронъ. Ни одинъ залпъ не пропалъ даромъ. Послѣ каждой команды поручика Лаздовскаго, „рота пли“ цѣлые ряды непріятели ложились, чтобы больше не вставать...

Между тѣмъ солнце поднималось все выше. Начинаясь обычный въ этой мѣстности зной. Горсточки нашихъ защитниковъ Зеленыхъ горъ, осыпаемая градомъ непріятельскихъ снарядовъ, страдали еще отъ душливой непривычной жары. Солнечные удары вмѣстѣ съ вражескими пулями вырывали и безъ того жилкіе ряды нашихъ стрѣлковъ. И редюитъ 5 роты 27 Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка сталъ пустѣть.

Этимъ воспользовались отдѣльные смѣльчаки японской пѣхоты и взобрались на вершину, казавшуюся положительно не доступною. Имъ съ этой вершины открывался удобный обстрѣлъ редюита, занятаго пограничниками, и японцы стали сильно беспокоить нашу роту.

— Тыфу, ты пропасть! — произнесъ поручикъ Лаздовскій. — Экіе черти, куда забрались. Необходимо вышибить ихъ... Вѣдь такимъ образомъ они насъ какъ курوناتокъ перестрѣляютъ... Эй, охотники! кто возьмется вышибить противника съ этой вершины?!

Десять пограничниковъ 1-го взвода 21 роты, перекрестясь, бросились на вершину, гдѣ засѣли японцы. Орлами взлетѣли они и штыками сбросили смѣлыхъ враговъ, успѣвшихъ нанести намъ не мало вреда съ вершины. Но пограничники не ограничились исполненіемъ порученія доблестнаго ротнаго командира. Они увидѣли у подножія высокой горы сосредоточившихся тамъ непріятелей для штурма редюита и открыли по нимъ огонь залпами.

21 рота понесла весьма чувствительныя потери и для поддержки ея выслали 36 роту подъ командой поручика Бирюлькина. Эти двѣ роты удерживали переваль до двухъ часовъ дня, не взирая на отчаянныя атаки японцевъ.

Стрѣлковыя роты отошли съ позицій на переваль. Остались только двѣ роты пограничной стражи, которыхъ непріятель постепенно сдавливалъ желѣзнымъ

кольцомъ. Но пограничники отчаянно бились, чѣмъ дали возможность стрѣлкамъ отойти безъ потерь. Затѣмъ, окруженные непріятелемъ со всѣхъ сторонъ, они отступаютъ къ перевалу послѣ двухъ часовъ дня, когда получилось приказаніе полковника Петруши отойти за кумирню въ Левантинской долины, куда обѣ роты прибыли послѣ 4 часовъ по полудни.

Потери: убиты въ 21 ротѣ вахмистръ Нѣмченко, рядовые Екимовъ и Козинъ. Ранены: унтеръ-офицеры Ядринцевъ и Нелюдинъ, ефрейторы Прохоленко и Боровинъ; рядовые Домаскинъ, Борисовъ, Гандамоевъ, Свигуръ, Логвинъ, Озаренко, Шай-Мухаметовъ, Игнатьевъ, Батрагорьинъ, Бутенко, Попковъ, Малыхинъ, Ковальскій, контуженъ рядовой Губерни.

Въ 36 ротѣ: убиты: унтеръ-офицеръ Попель; рядовые Кондратьевъ, Бикетовъ, Чайковскій; ранены: фельдфебель Флонтъ, ефрейторы Бураковъ, Карпенко, Мищинъ; рядовые Боцанъ, Хурсъ, Мищенко, Чижъ, Потыро, Михайловъ, Хурасъ, Невѣровъ, Лисничукъ, Ярошенко, Шапошниковъ, Филипповъ, Кубицкій, Кореневскій и Грачевъ.

Спустя не болѣе получаса, послѣ того, какъ 21 и 36 роты расположились на отдыхъ и заняли у кумирни деревню Литангоу, около 5 часовъ вечера, къ нашимъ пограничникамъ подѣхалъ начальникъ отряда, полковникъ Петруша. Онъ выразилъ одобреніе 21 и 36 ротамъ за сегодняшній бой, снявъ фуражку, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Земно вамъ кланяюсь, братцы пограничники, за вашу славную стойкую работу на перевалѣ“. А затѣмъ отдалъ приказаніе 21 ротѣ немедленно двинуться на лѣвый флангъ Зеленыхъ горъ и занять окопы, гдѣ были расположены роты капитана 27 полка Пальчевскаго. Тамъ цѣлый день грохотала адская бомбардировка позицій, и начальникъ отряда опасался за этотъ флангъ.

Занимать окопы эти пришлось подъ убійственнымъ огнемъ артиллеріи, подъ смертоноснымъ дождемъ шрапнели и фугасныхъ снарядовъ шимозе. Подходя къ позиціи, казалось, и половина людей не достигнуть окоповъ расположенныхъ почти на самомъ гребнѣ горы; однако, не взирая на летавшую отовсюду смерть, люди по одиночкѣ и попарно перебѣжали на новую позицію,

благодаря чѣму удалось избѣжать потери. Вечеромъ, едва стемнѣло, прибыла 36 рота и расположилась на крайнемъ лѣвомъ флангѣ позиціи.

Бомбардировка Зеленыхъ горъ продолжалась съ небольшими лишь промежутками всю ночь, при чемъ японцы обстрѣливали пограничниковъ ночью преимущественно шрапнелью. Такъ бой тянулся до 14 іюля.

Съ первыми брызгами зари 14 іюля бомбардировка, также не прекращавшаяся въ теченіе всей ночи, превратилась въ непрерывную канонаду. Залпы фугасныхъ бомбъ шимозе буквально изрыли весь скатъ горы, а всѣ лощины и закрытія поливались дождемъ шрапнели. Непріятель пристрѣлялся къ окопамъ и, во избѣжаніе напрасныхъ потерь отъ огня, поручикъ Лаздовскій приказалъ одному взводу остаться въ окопахъ для наблюденія за непріателемъ, а остальнымъ людямъ спуститься нѣсколько ниже подъ прикрытіе каменнаго откоса. Распоряженіе это было сдѣлано во время, такъ какъ, спустя не болѣе 2-хъ минутъ, въ окопъ сразу ворвался цѣлый снопъ фугасныхъ бомбъ; онъ совершенно снесъ бруствера окоповъ и уничтожилъ всѣ закрытія. Второй снопъ ударилъ въ слѣдующій окопъ, гдѣ находились наблюдающіе нижніе чины; осколками разорвавшихся снарядовъ убило 6 и ранило шесть человекъ; убитые были засыпаны на половину землей и завалены грудями камня и вѣтвями, служившими маскировкой окоповъ. Сдѣланныя попытки вытащить изъ подъ земли и камней убитыхъ и предать землѣ оказались напрасными; пытавшіеся исполнить послѣдній долгъ передъ героями-товарищами также были переранены.

Зная по опыту, что вслѣдъ за бомбардировкой японцы бросаются на штурмъ, пограничники все время были на готовѣ и ожидали момента, когда артиллерійскій огонь начнетъ стихать. Однако съ закатомъ солнца, когда артиллерійская стрѣльба прекратилась и рота заняла разрушенные окопы, наскоро поправляя бруствера,—штурма все не было. Изрѣдка лишь съ праваго фланга раздавались одиночные ружейные выстрѣлы. Наступившая тишина казалась подозрительною, зловѣщею... и непріятно дѣйствовала на нервы. Стоя у окопа, гдѣ утромъ были убитые и вглядываясь въ лежавшую впереди мѣстность, Лаздовскій вмѣстѣ съ

вахмистромъ Жигалюкомъ прислушивались ко всякому шороху, стараясь уловить въ темнотѣ малѣйшій звукъ, указывающій на приближеніе врага. Впереди окопа, внизу были расположены наши секреты; на нихъ можно было надѣяться,—но тишина все же казалась подозрительною и побуждала къ осторожности. Часовъ около 10 вечера со стороны деревни Литангоу, гдѣ были расположены резервы и штабъ отряда, донеслись торжественные звуки „Боже Царя храни“, и вслѣдъ затѣмъ крики „ура“. Постепенно это „ура“ загремѣло по всей линіи позицій, переходя отъ роты къ ротѣ. Но никто не зналъ причины торжественныхъ звуковъ народнаго гимна и криковъ „ура“ въ столь необычный часъ, на позиціяхъ, лицомъ къ лицу съ врагомъ. Оказалось, генераль Стесель объѣзжалъ войска, поздравляя ихъ съ побѣдой, благодаря за успѣшный двухдневный бой.

Къ сожалѣнію, торжество оказалось преждевременнымъ. Едва затихли послѣднія звуки торжественнаго гимна и замерли среди горъ крики ура, какъ раздались выстрѣлы съ праваго фланга, и надъ головами нашихъ борцовъ за Царя и родину засвистали пули. Одновременно послышался громкій говоръ, словно кто-то съ кѣмъ-то спорилъ, а съ самой верхушки командующей высоты раздались крики „банзай“ и рѣзкіе сигналы японскихъ рожковъ.

Черезъ нѣсколько минутъ выстрѣлы участились, крики и шумъ усилились, стали раздаваться команды и залпы... Наконецъ выяснилось, что роты 25 В. С. стр. полка (8-я и 12-я), назначенныя на усиленія участка капитана Пальчевскаго, съ наступленіемъ темноты, не заняли указанныхъ имъ позицій на правомъ флангѣ, а находились внизу за небольшимъ косогоромъ, даже не выславъ на гребень высоты дозоровъ. Японцы воспользовались общимъ переполохомъ, произведенными криками ура и любимымъ народнымъ гимномъ, — и по одиночкѣ, а затѣмъ и цѣлыми взводами заняли безпрепятственно гребень высоты, куда втащили нѣсколько пулеметовъ и открыли съ фланга и въ тылъ нашимъ позиціямъ убійственный огонь. Всѣ попытки начальника участка отбросить контръ-атакой противника окончились полной неудачей, и самъ капитанъ Пальчевскій, во время одной контръ-атаки былъ смертельно раненъ пулей въ

животъ. Послѣ него командованіе участкомъ принялъ подполковникъ пограничной стражи Бутусовъ, отправившійся немедленно на правый флангъ для выясненія обстановки. Тамъ, вслѣдствіе полученнаго отъ начальника передовыхъ позицій распоряженія, приказано было 8 и 12 ротамъ 25 полка, выбивъ японцевъ, занять свои позиціи. Несмотря на это, 12-ю роту 25 полка, бывшую подъ командою подпрапорщика Сидорова, нельзя было даже сдвинуть съ мѣста и на неоднократныя приказанія Бутусова, Сидоровъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ выполнить этой задачи, такъ какъ гребень высоты занять уже японцами, рота его не имѣетъ патроновъ и наконецъ, что онъ наканунѣ контуженъ и даже двигаться не въ состояніи. Восьмая же рота 25 полка, подъ командою Капитана Шепетилло, вмѣсто того, чтобы идти по гребню и атаковать японцевъ, спустилась еще ниже и, занявъ небольшой пригорокъ, открыла безцѣльную стрѣльбу залпами по гребню, занятому непріателемъ.

Видя невозможность этими частями отбросить японцевъ, Бутусовъ послалъ приказаніе 36-й ротѣ, находившейся на лѣвомъ флангѣ, перейти на правый и сбить непріателя.

Между тѣмъ секреты 21-й роты открыли наступленіе японцевъ на центръ позицій. Поручикъ Лаздовскій, подпустивъ непріателя шаговъ на 300, открылъ по нимъ огонь залпами попопуротно и изъ двухъ пулеметовъ, чѣмъ и заставилъ непріателя отступить. Въ продолженіи всей ночи, непріатель пытался четыре раза прорвать центръ, яростно бросался на штурмъ, но всякій разъ былъ отброшенъ однимъ огнемъ 21-й роты и при томъ съ большими потерями.

Около половины 4 часа утра, 36-я рота, прибывшая съ лѣваго фланга со шт.-ротмистромъ Бирюлькинымъ, бросилась въ атаку на непріателя, открывшаго убійственный огонь изъ пулеметовъ. При первыхъ же выстрѣлахъ были убиты шт.-ротмистръ Бирюлькинъ и и. д. вахмистра, унтеръ-офицеръ Зуевъ, какъ разъ въ то время, когда получилось приказаніе отступать со всѣхъ позицій.

Такимъ образомъ, около 4-хъ часовъ утра 15 іюля началось общее отступленіе ротъ съ Зеленыхъ горъ. Приказаніе, объ отступленіи, своевременно роздалъ

подъ убійственнымъ огнемъ вольноопредѣляющійся За-
коскинъ, доблестный слуга Царя и сынъ родины, слу-
жившій въ мирное время членомъ въ Портъ-Артур-
скомъ окружномъ судѣ и уже заслужившій граждан-
скій чинъ дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, т. е.
генерала. Это ему однако не помѣшало поступить въ
ряды арміи простымъ солдатомъ. Благодаря своевре-
менно переданнымъ приказаніямъ, роты отступили съ
разсвѣтомъ; не взирая однако на то, что имъ пришлось
двигаться по открытой мѣстности, все же удалось отойти
безъ потерь.

21-я рота, и во время отступленія, не забыла, по-
гибшихъ геройской смертью товарищей и выполнила
святой долгъ, предавъ героевъ землѣ подъ убійствен-
нымъ огнемъ противника.

Не удалось унести тѣло убитаго Бирюлькина, такъ
какъ пытавшіеся, вынести его, также были перебиты
и переранены.

Наши потери за 14 Іюля слѣдующія:

Въ 21-й ротѣ, (сводной):

Убиты рядовые: Сергѣй Антроповъ (53 р.), Петръ
Михайленко, Афанасій Казакъ, Алексѣй Кульмаковъ,
Дмитрій Гузейко (23 р.), Григорій Мораръ (23 р.), Ан-
тонъ Вгисла (21 р.).

Ранены рядовые: Алексѣй Монакинъ, Павелъ Ере-
менко, Инокентій Ершинъ, Станиславъ Вылезловскій,
Макаръ Андреевскій, у. о. Семень Топольскій, ряд.
Федотъ Бабушкинъ.

Въ 36-й ротѣ убиты: шт.-ротм. Александръ Би-
рюлькинъ, унт.-офиц. Миронъ Зуевъ.

Ранены: рядов. Никита Дементьевъ.

15 Іюля при отступленіи.

Въ 21-й ротѣ ранены: у. оф. Станиславъ Балицкій,
рядовые Илья Бранкованъ, Иванъ Ивасюкъ, Спиридонъ
Третьяковъ, Яковъ Ильинъ, Евсей Петренко, Гальни-
танъ Гайбабулинъ.

Въ 36-й ротѣ убиты: Петръ Филипповъ, Иванъ Че-
банъ, Яковъ Маутзюкъ.

Общее число потерь за эти три дня въ обоихъ ро-
тахъ выразилось числомъ: 1 офицеръ и 15 нижнихъ
чиновъ ранеными.

На позиціи у дер. Литангоу, 21-я и 36-я роты,
обстрѣливаемыя, японской горной артиллеріей и пуле-

метами, задержались еще нѣсколько часовъ, чѣмъ дали возможность другимъ ротамъ отойти въ порядкѣ, и сами стали наконецъ отступать съ позиціи, рассыпавъ цѣпи имѣя позади себя свою „кавалерію“, состоявшую изъ 14 человекъ конныхъ пограничниковъ 42-й сотни. Этотъ разъѣздъ прикрывалъ наше отступление, исполняя задачу—своевременное увѣдомленіе отступающихъ въ случаѣ преслѣдованія непріятельской кавалеріи.

Дальнѣйшее отступление къ Портъ-Артуру совершенно было уже безъ приключеній. Наши пограничники обгоняли плетущихся раненыхъ, которые могли сами двигаться, встрѣчали по дорогѣ брошенные двуколки, бочки и аммуницію, но въ общемъ нужно сказать, что отступление съ Зеленыхъ горъ совершилось въ порядкѣ.

На Водопроводномъ редутѣ.

II. Дѣло 21 роты 7 августа 1904 г.

Послѣ отступленія къ Портъ-Артуру съ Зеленыхъ горъ наши пограничники — замурцы были отведены за линію Водопроводнаго и Кумирнинскихъ редутовъ и поставлены въ общій резервъ на отдыхъ (въ районѣ кладбищенской батареи).

Съ первыми брызгами зари 7 августа 1904 года японскія батареи открыли бомбардировку по Водопроводному и Кумирнинскому редутамъ, очевидно намѣреваясь штурмовать ихъ.

Водопроводный редутъ занимала 11 рота 26 Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка. Между этимъ редутомъ и сосѣднимъ, Кумирнинскимъ, протянулись соединяющія траншеи, также занятые стрѣлками.

Японскія батареи по обыкновенію осыпали линіи нашихъ укрѣпленій дождемъ смертоносныхъ снарядовъ. Непрерывная линія дымковъ отъ разрывавшихся шрапнелей, цѣлые букеты рокочущихъ фугасныхъ снарядовъ шимозы съ рокотомъ вносили въ окопы смерть и разрушеніе.

Часамъ къ десяти бомбардировка приняла ужасающіе размѣры. Пошли штурмовыя колонны.

Убийственный огонь встрѣтилъ штурмующихъ враговъ. Наши залпы вырывали цѣлые ряды непріятелей, и японцы, понеся тяжкія потери, вынуждены были отступить.

Эта неудача не уменьшила настойчивости противника. Бомбардировка приняла еще болѣе грозный, жестокий характеръ. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ воздухъ былъ наполненъ рокотомъ смерти, не знающей

пощады. Вслѣдъ за первымъ штурмомъ, послѣ непрерывной канонады, начинается второй штурмъ, съ болѣе энергіей и стремительностью, огромными массами. Казалось, пространство, лежащее впереди нашихъ редутовъ, покрыто черной тучей... По трупамъ своихъ братьевъ желтокожіе, прикрываясь ими, вновь шли на штурмъ. На этотъ разъ имъ посчастливилось: удалось захватить переднюю часть Водопроводнаго редута...

На выручку пришлось подкрѣпить защитниковъ редута 5 ротой 15 Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка. Но положеніе редута, необходимаго для защитниковъ Портъ-Артура подобно воздуху, не измѣнялось. Ворвавшіеся въ ровъ японцы занялись подрывными работами. До утра 7 августа положеніе редута не улучшалось и гарнизону угрожала серьезная опасность.

Часовъ около 10 утра, 7 августа, къ ротмистру Яковичскому, командиру 21 роты пограничниковъ, является стрѣлокъ.

— Такъ что полковникъ Семеновъ требуетъ васъ на батарею.

Ротмистръ отправился на батарейный дворъ, оказавшійся изрытымъ снарядами. Однако прислуга находилась у своихъ пушекъ. Высоко надъ головами одинъ за другимъ пролетали снаряды. Къ счастью они перелетали во внутренній бассейнъ и тамъ разрывались.

Полковникъ Семеновъ находился у подзорной трубы. Увидѣвъ ротмистра, не отрываясь отъ подзорной трубы, онъ приказалъ ротмистру отправиться съ ротой на выручку Водопроводнаго редута.

— Я долженъ предупредить васъ, произнесъ полковникъ, о критическомъ положеніи редута. Его необходимо выручить во что бы то ни стало и дѣйствовать придется исключительно штыками. Отправляйтесь безъ промедленія. Желаю вамъ успѣха.

Ротмистръ Яковичкій вернулся къ своимъ людямъ, поднялъ ихъ и объяснилъ данную задачу.

— Братцы!—сказать онъ, — на нашу долю выпало счастье выручить товарищей. Это священный долгъ каждаго воина. Дѣло предстоитъ горячее... серьезное... Помолимся, братцы! Быть можетъ немногимъ суждено вернуться назадъ... На молитву!... Шапки долой!

Пограничники сняли свои фуражки. Всѣ горячо по-

молились Творцу. Молитва была непродолжительна. Времени терять не приходилось.

— Впередъ, братцы! Съ Богомъ!.. За Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадетъ...

Съ крестомъ и молитвой двинулись пограничники въ путь. Въ строю находилось всего 141 человекъ, способныхъ драться. Отойдя съ версту, роту догналъ охотникъ 26 Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка и вручилъ ротмистру Яковицкому слѣдующую лаконическую записку:

№ 126. Прошу слѣдовать той дорогой, которую укажетъ ефрейторъ Петръ Глѣбовъ. Другія дороги недоступны, и сбить японцевъ „на ура“ съ части редута, къ которому пройти можно безопасно. 10¹/₂ ч. утра. 7 августа. Полковникъ Семеновъ.

Пришлось проколесить часа два, гдѣ гуськомъ, по одному, шагахъ въ 20 одинъ отъ другого, а гдѣ и ползкомъ на брюкѣ, то по оврагамъ, то по лощинамъ, пока не добрались до редута.

Комендантъ укрѣпленія сообщилъ, что японцы работаютъ въ передней части, въ ямахъ, образовавшихся отъ разрывовъ ихъ же снарядовъ. Они производятъ подрывныя работы подъ прикрытіемъ огня полусотни винтовокъ. Нѣсколько взрывовъ они уже успѣли сдѣлать.

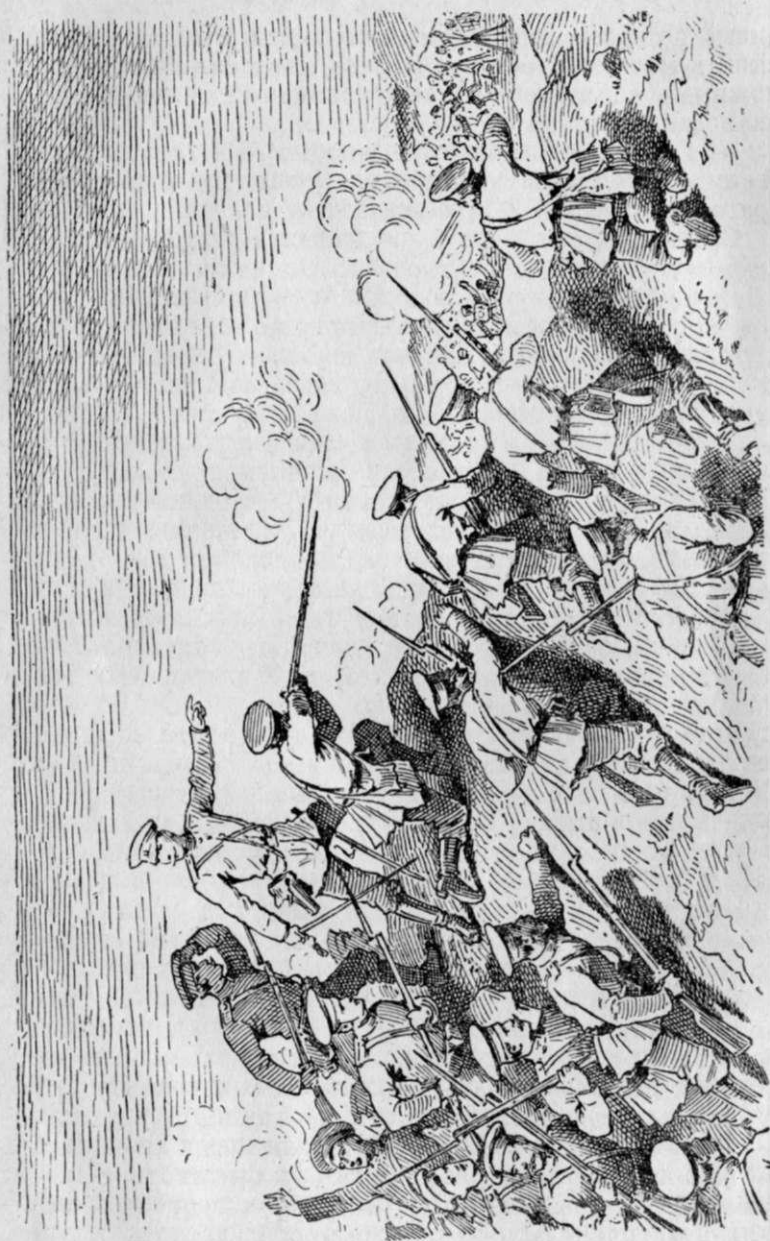
И наши, въ свою очередь, также обстрѣливали японцевъ изъ пулемета, но безрезультатно.

— Почему вы ничего не предпринимаете для освобожденія редута? — спросилъ ротмистръ коменданта укрѣпленія.

— Люди до послѣдней крайности измучены, — отвѣтилъ комендантъ. Помилуйте, рядъ бессонныхъ ночей, напряженіе адское... Измучились физически и нравственно...

— Однако, — возразилъ Яковицкій, сидѣть съ врагомъ въ одномъ укрѣпленіи болѣе чѣмъ не нормально.

Ротмистръ Яковицкій рѣшилъ дѣйствовать осмотрительно и въ то же время съ рѣшимостью во что бы то ни стало выполнить задачу, освободивъ редутъ отъ враговъ. Наброситься на враговъ, засѣвшихъ во рву, всею ротою онъ считалъ рискованнымъ, главное, подобный маневръ не былъ бы для японцевъ неожиданнымъ, кромѣ того, представлялся значительный

Пограничники выбивают японцев изъ водопроводнаго редута.

рискъ потерять слишкомъ много людей. Выиграть дѣло, выбить японцевъ изъ укрѣпленія представлялось возможнымъ единственно при условіи полнѣйшей неожиданности.

— Братцы! — обратился ротмистръ Яковицкій къ своимъ молодцамъ. — Кто изъ васъ рѣшится высмотрѣть врага въ передней части редута?

Среди пограничниковъ недостатка въ охотникахъ не бывало.

Вся рота вызвалась, и, по неволѣ пришлось выбирать по жребію. Выбранные четырнадцать человѣкъ раздѣлились на двѣ партіи: по 7 въ каждой. Одной предстояло пробраться въ часть редута, занятую неприятелемъ съ лѣвой стороны, другой — съ правой, пользуясь для этого брешами, произведенными ранѣе непріятельскими снарядами.

— Помните, братцы, если увидите въ ямѣ немного японцевъ и съумѣете ихъ осилить, безъ крика бросайся въ штыки.

— Слушаемъ, ваше высокоблагородіе.

Расчетъ доблестнаго ротмистра былъ правильный. Онъ дорожилъ каждымъ человѣкомъ, имѣвшимся въ его распоряженіи. Поэтому онъ и послалъ 14 охотниковъ въ надеждѣ, что ихъ неожиданное нападеніе на японцевъ, обстрѣливающихъ нашу часть укрѣпленія, дастъ ему возможность пробѣжать съ остальными людьми безъ потерь. Разстояніе въ 50 шаговъ, обстрѣливаемое японцами, находившимися въ другой части редута, могло заботливому ротному командиру обойтись слишкомъ дорого.

Поэтому охотники, раздѣленные на двѣ части, по 7 человѣкъ, скрытно и тихо поползли по крытымъ ходамъ по обѣ стороны редута; съ лѣвой частью пошелъ поручикъ Лаздовскій, показывая дорогу и руководя нападеніемъ. Крытые ходы въ передней своей части имѣли брешіи произведенныя дѣйствіемъ японскихъ снарядовъ, достаточныя для прохода одного человѣка на четверенькахъ. Эти отверстія отстояли лишь на нѣскольکو шаговъ отъ бруствера, и не были замѣчены японцами, которые не высовывали головъ изъ за бруствера. Выползши почти безшумно къ самому брустверу и обождавъ пока подползали охотники съ праваго хода, поручикъ подалъ знакъ рукой; вмигъ всѣ очутились на бру-

стверѣ. Съ крикомъ „ура“ бросились въ ровъ... Но тутъ непріятная неожиданность: вмѣсто предполагаемыхъ комендантомъ редута капитаномъ Кириленко 20 японцевъ, во рву сгруппировалось человекъ 300 желтолицыхъ, очевидно для новаго штурма. Что могли сдѣлать 14 человекъ противъ 300. Но разсуждать было поздно. Необходимо дѣйствовать рѣшительно и быстро, чтобы не дать опомниться врагамъ.

Молодцы замурцы съ своимъ лихимъ поручикомъ Лаздовскимъ ринулись внизъ, въ ровъ, гдѣ они очутились лицомъ къ лицу съ своими злѣйшими врагами.

Неожиданно раздался трескъ, вслѣдъ за которымъ къ небу взвилось облако пыли и дыма. Прошло 5—6 секундъ. Дымъ разсѣялся, и поручикъ видѣлъ, какъ его молодцы штыками расправлялись съ японцами, которыхъ, къ удивленію, набралось уже около 50 раненыхъ и столько же убитыхъ, корчившихся въ послѣднихъ предсмертныхъ судорогахъ. Ружья ихъ, по прежнему, были прислонены къ эскарпу и стояли въ козлахъ, но людей не было. Лаздовскій, сообразивъ, что японцы бросились вонъ изо рва при нашей атакѣ, побѣждалъ по рву къ своей полуротѣ, которая должна была выбѣжать влѣво. На пути лежалъ рядовой Мозгякъ. У него изъ горла фонтаномъ била алая кровь. Поручикъ вспомнилъ, что Мозгякъ бросился внизъ рядомъ съ нимъ. Перескочивъ черезъ трупъ погибшаго героя, поручикъ выбѣжалъ къ полуротѣ и увидѣлъ разгромъ въ полномъ разгарѣ: отъ редута бѣжала вся масса японцевъ, спотыкаясь и падая подъ нашими пулями, а съ редута и съ фланговъ тренчали по нимъ наши залпы, пачечный и пулеметный огонь. Непріятель бѣжалъ не только изъ редута, но и изъ двухъ впереди лежащихъ окоповъ, которые немедленно были заняты нами. Немногимъ врагамъ удалось избѣгнуть гибели: первая полурота подъ командою ротмистра Яковицкаго, выскочившая при первыхъ крикахъ „ура“ и 2-ая полурота, выбѣжавшая лѣвѣе, открыли такой убійственный огонь, разстрѣливая бѣжавшаго противника, что около 600 труповъ легли на мѣстѣ не болѣе чѣмъ въ 10—12 минутъ. Какъ только съ непріятельскихъ батарей замѣтили бѣгство японцевъ, по редуту и окопамъ открыли сильный артиллерійскій огонь продолжавшійся до позднихъ сумерокъ. Вечеромъ рота заняла окопы влѣво отъ

редута, брошенные японцами, а частью укрылась въ редутѣ. Въ этотъ же моментъ стрѣлки 11 роты, торопясь укрыться отъ огня въ блиндажи, бросили свой пулеметъ, выдвинутый въ моментъ нашей атаки, на брустверѣ, гдѣ его могло разбить снарядомъ. Замѣтивъ это, ефрейторъ Свистельниковъ, рядовой Францевичъ и сигналистъ Бульба, безъ всякаго приказанія, втащили его въ безопасное мѣсто, при чемъ всѣ трое получили по нѣсколько ранъ осколками разорвавшагося снаряда.

Въ теченіе нѣсколькихъ слѣдующихъ ночей во рву редута собрали:

Японскихъ винтовокъ годныхъ	118
Патроновъ къ нимъ около	10000
Ручныхъ бомбочекъ	35
Пирексилиновыхъ шашекъ	50
Бамбуквыи стволъ 2 верш. въ діаметрѣ и около сажени дли- ны, начиненный мелинитомъ	1
Офицерскихъ шашекъ	7
Сигнальныхъ рожковъ	2
Штурмовыхъ лѣстницъ	2

Лопать, топоры, складныхъ пилъ, веревокъ, ломовъ, кирокъ и проч.; все это въ ночь передъ сдачей крѣпости было потоплено въ бухтѣ. Въ эти же дни было подобрано ротою около 30 человѣкъ раненыхъ японцевъ, которые всѣ отправлены въ штабъ крѣпости.

По прекращеніи бомбардировки, т. е. всю ночь на 8 Августа, шла лихорадочная работа, по починкѣ разбитыхъ мѣстъ редута.

Охотники, вызвавшіеся первыми и нанесшіе первый рѣшительный ударъ противнику, были:

Вахмистры:	Мануиловъ
„	Захаровъ
„	Кошурниковъ
„	Фомичевъ
„	Моргуновъ
Унт. офиц.	Симушинъ
„	Мартынюкъ
„	Почесуй.

Рядовой	Хома
"	Парфеновъ
"	Коваль
"	Конопко
"	Козловъ
"	Купровский

Потери: убиты ряд. Кашицынъ, Жмайленко, Ескинъ, Мозгякъ, Гороховъ, Купровский, Кузнецовъ; ранены: Ковальскій, Свистельниковъ, Францкевичъ, Сючкарь, Лукошицъ, Корневъ, Надчукъ, Бульба, Кимакъ, Кущурниковъ, Савченко, Малыхинъ, Попковъ, Лучунинъ, Алещукъ, Карелинъ.

Въ этой атакѣ принимали участіе, кромѣ пограничниковъ еще и нѣсколько нижнихъ чиновъ 11 роты 26 полка, выскочившіе на брустверъ послѣ бѣгства японцевъ изъ рва, и провожавшіе бѣгущаго непріателя изъ пулеметовъ и винтовокъ.

6 Сентября съ утра было все тихо, съ полудня загрохотала непріятельская артиллерія и началась сильнѣйшая бомбардировка водопроводнаго редута, продолжавшаяся до самаго вечера. Снаряды падали не только съ фронта, но и съ фланговъ, такъ какъ къ этому времени японцы успѣли воздвигнуть батарею почти въ тылу нашего водопроводнаго редута (у горы Сиротки). Спустя не болѣе часа времени на укрѣпленіи были уничтожены непріятельскими тяжелыми снарядами всѣ бруствера и закрытія для стрѣлковъ, а также пробиты и завалены блиндажи и крытые ходы. Часть людей однако еще держалось кое какъ въ лѣвомъ блиндажѣ, на половину уцѣлѣвшемъ за горжей, другая часть людей (полурота 11 роты 26 полка) была выведена изъ редута въ сосѣдній окопъ, гдѣ и расположилась по распоряженію времен. Коменданта, Поручика Длусскаго, замѣнившаго какитана Кириленко.

Самъ Поручикъ Длусскій около 6 часовъ вечера былъ контуженъ, а часовъ около 8 куда то исчезъ, очевидно лежалъ гдѣ-нибудь раненый. Не принимая фактически комендантства надъ редутомъ, поручикъ Лаздовскій тѣмъ не менѣе самъ руководилъ его обороной. Начались новые штурмы. Защитниками уже полуразрушеннаго укрѣпленія являлись полурота 11 роты 26 полка, взводъ 5 роты 15 полка, полурота 21 роты погр. стр. и команда минеровъ въ 20 челов. Три штурма одинъ

за другимъ эти молодцы отбили, однако держаться на самомъ редутѣ стало невозможно. Вслѣдъ за неудачными штурмами японцы открываютъ адскую бомбардировку, буквально сметая защитниковъ съ редута десятками. Японцы во время штурмовъ бросали въ защитниковъ и въ закрытія пироксилиновыя и мелинитовыя шашки, дѣйствіе которыхъ было на столько сильно, что рвало на куски людей и вырывало цѣлыя ямы въ землѣ, а удушливыми газами отравляло воздухъ.

Часамъ къ 8 вечера почти всѣ защитники редута были перебиты и переранены; удерживала его лишь небольшая часть пограничниковъ, человекъ около 20, которые сдерживали натискъ японцевъ ружейнымъ огнемъ; кромѣ того, оставалось еще 15 минеровъ Квантунской саперной роты съ шт. капит. Багговутомъ; эти люди дѣйствовали совмѣстно съ нашими пограничниками до прибытія подкрѣплений. Съ наступленіемъ темноты японцы съ новой энергіей возобновили штурмы редута, желая завладѣть имъ какою-бы то ни было цѣной. Нѣсколько разъ имъ и удавалось сбивать и прогонять ничтожную горсточку храбрыхъ защитниковъ за горячевую часть. Всякій разъ, оттиснувъ насъ, японцы немедленно устраивали поперекъ всего редута окопъ съ насыпью къ сторонѣ горжи, дававшей имъ закрытіе отъ нашего огня. Положеніе становилось критическимъ. Поручикъ Лаздовскій съ своими людьми 3 раза переходилъ въ контръ-атаку, сбивая всякій разъ японцевъ и занимая вырытый ими окопъ. Но японская артиллерія тотчасъ открывала такой убійственный огонь, что наши принуждены были снова отходить за закрытія. Отбивъ одну изъ контръ-атакъ, поручикъ Лаздовскій и штабсъ-капитанъ Багговуть съ нѣсколькими пограничниками и саперами залегли на краю бруствера, разрушеннаго артиллеріей, и стали бросать въ ровъ обратно неразорвавшіеся японскія бомбочки, выгоняя изъ наружнаго рва засѣвшихъ японцевъ. Въ это время удачно разорвавшимся японскимъ снарядомъ былъ убитъ наповаль Штабсъ-Капитанъ Багговуть, которому снесло полчерепа, а также контуженъ осколкомъ въ правый високъ поручикъ Лаздовскій и раненъ лежавшій съ нимъ рядомъ унтеръ офицеръ Мартыновъ и еще нѣсколько нижнихъ чиновъ. Вслѣдъ за этимъ японцы снова стали забрасывать редутъ снарядами и снова

пришлось отойти за горжу. Видя, что далѣе держаться на редутѣ при значительно уменьшившемся числѣ защитниковъ будетъ не возможно, Лаздовскій послалъ донесеніе начальнику обороны Полковнику Семенову, прося подкрѣпленія или дальнѣйшихъ указаній. Первымъ распоряженіемъ Полковника Семенова было назначеніе начальникомъ участка передовой позиціи Подполковника Бутусова, и вмѣстѣ съ тѣмъ выслана въ помощь 4-я рота 27-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка. Около 9 часовъ вечера прибыли человекъ 20 этой роты подъ командой заурядъ-прапорщика, остальные люди, а именно еще человекъ 30 съ ротнымъ командиромъ капитаномъ Войтковскимъ подтянулись спустя полчаса. Поручикъ Лаздовскій наскоро обрисовалъ положеніе дѣла на редутѣ и указалъ прибывшей ротѣ путь, откуда удобнѣе атаковать непріятеля, условившись одновременно атаковать остальными защитниками редута во флангъ противнику съ лѣвой стороны. При крикахъ „ура“ бросились въ атаку.... но и эта попытка и еще нѣсколько такихъ же не имѣли успѣха. Измученные голодомъ, истерзанные непрерывными канонадами и безсонными ночами они, немногочисленные защитники несли все новыя и новыя потери. Погибъ храбрый заурядъ-прапорщикъ. Легли вмѣстѣ съ нимъ еще десятокъ нижнихъ чиновъ. Ряды сильно рѣдѣли, но выжить непріятеля, вдесятеро многочисленнѣе, встрѣчавшаго нашихъ борцовъ убійственнымъ огнемъ, оказалось выше человѣческихъ силъ.

На новое донесеніе поручика Лаздовскаго о невозможности выбить японцевъ, послѣдовало подкрѣпленіе 8 ротой 27 полка. Эта рота прибыла около половины 11 вечера. Заурядъ-прапорщикъ пограничной стражи Иванъ Флинтъ съ молодцами заамурцами и нѣсколькими десятками стрѣлковъ бросился въ штыки, поручикъ къ Лаздовскій съ остальными людьми ударилъ врагамъ во флангъ... Но и этотъ молодецкій ударъ не имѣлъ успѣха. Многочисленный врагъ, засѣвъ въ занятыхъ ими частяхъ укрѣпленія, забрасывалъ атакующихъ разрывными бомбами. Въ результатъ много новыхъ жертвъ. Погибъ заурядъ-прапорщикъ Флинтъ, легло много стрѣлковъ и пограничниковъ.

Около 12 час. ночи на редутъ прибылъ подполковникъ Бутусовъ, которому поручикъ Лаздовскій обсто-

ательно обрисовалъ и изложилъ настоящее положеніе дѣла на редутѣ. Убѣдившись лично въ невозможности болѣе отстаивать редутъ, Бутусовъ послалъ объ этомъ донесеніе полковнику Семенову, на что въ отвѣтъ послѣдовало требованіе коменданта крѣпости удержать редутъ во что бы то ни стало. Вскорѣ прислали 4 роту 13 полка, съ которой произвели еще одну отчаянную попытку выбить японцевъ изъ редута, но, къ несчастію, безплодно.

На новое донесеніе подполковника Бутусова о невозможности выбить японцевъ, полковникъ Семеновъ прислалъ такую записку:

„Подполковнику Бутусову. Я высылаю вамъ еще роту 13 полка. Нужно японцевъ выбить.

Полковникъ Семеновъ“.

Новая 2 рота 13 полка съ командующимъ поручикомъ Ясевичемъ и подпоручикомъ Шаховымъ энергично двинулась по указанію Лаздовскаго въ атаку, но и эти молодцы ничего не могли сдѣлать противъ укрѣпившагося непріятеля. Они понесли большія потери и вернулись. Бутусовъ послалъ новое донесеніе полковнику Семенову съ изложеніемъ подробностей и просилъ разрѣшенія занять указанныя ему другія позиціи, а затѣмъ послалъ поручика Лаздовскаго, сказавъ ему: „поѣзжайте вы сами къ Семенову и обстоятельно обо всемъ доложите, такъ какъ вы болѣе всего знаете положеніе дѣла, да доложите, что если намъ сейчасъ не дадутъ приказанія отступать, то я боюсь, что потомъ уже никто изъ насъ не вернется“.

Подъ градомъ пуль помчался поручикъ Лаздовскій въ штабъ отряда и доложилъ подробно обо всемъ, причемъ добавилъ, что если придется оставить редутъ, то необходимо сейчасъ же отводить людей пользуясь темнотою, иначе могутъ произойти тѣ же грустныя послѣдствія, которыя произошли на Зеленыхъ горахъ 15 іюля во время отступленія подъ страшнымъ огнемъ непріятеля...

Полковникъ Семеновъ, выслушавъ Лаздовскаго, отвѣтилъ: ничего не могу сказать. Комендантъ крѣпости приказалъ держаться. Поѣзжайте и передайте подполковнику Бутусову“.

Поручикъ помчался тою же дорогою обратно на ре-

дуть. Между тѣмъ Бутусовъ получилъ уже новое приказаніе отъ Семенова:

Подполковнику Бутусову. Комендантъ крѣпости приказалъ для выбитія японцевъ изъ редута назначить вашихъ пограничниковъ. Высылаю вамъ 1 взводъ изъ крематорной инпани и еще охотниковъ изъ ближайшихъ ротъ. Если рѣшительно и съ новою поддержкою всѣ попытки окончатся полною неудачею, не забудьте занять указанную вамъ вторую линію обороны, т. е. отъ желѣзно-дорожнаго моста по желѣзной дорогѣ, черезъ долину къ правому заднему кумирненскому редуту. Охотники, вызванные по желанію отъ трехъ ротъ, явятся къ вамъ отдѣльно отъ каждой роты. Богъ вамъ въ помощь.

Полковникъ Семеновъ.

Взводъ пограничниковъ, на которыхъ комендантъ крѣпости возлагалъ послѣднія надежды, уже прибылъ къ редуту вмѣстѣ съ штабсъ-ротмистромъ Кузьменко. Но такъ какъ силы этого взвода были весьма незначительны (около 25 человѣкъ), то ожидали подхода охотниковъ, чтобы совмѣстнымъ дружнымъ ударомъ опрокинуть врага. Между тѣмъ уже начинало свѣтать, а охотники не подходили. Огонь со стороны укрѣпившагося непріятеля сталъ чаще и дѣйствительнѣе и положеніе защитниковъ становилось невозможнымъ: ихъ разстрѣливали съ флангомъ и съ тыла со стороны 1-го и 2 редутовъ, занятыхъ непріятелемъ. Оставалось одно: спокойно сидѣть подъ выстрѣлами и ждать своей участи...

Часовъ около 4 утра конный посыльный принесъ двѣ записки, одну отъ полковника Семенова: „Начинайте отступленіе, занявъ положеніе, какъ указано мною и какъ значится на предложенномъ чертежѣ. Полковникъ Семеновъ“, а другую отъ генерала Кондратенко: „Подполковнику Бутусову. Вамъ послано приказаніе отступать, но, конечно если есть какая-либо возможность держаться съ надеждою на успѣхъ, вы должны это исполнить. Въ противномъ случаѣ отступайте и займете новую линію обороны.

Генераль-маіоръ Кондратенко“.

Едва только Бутусовымъ было передано въ роты приказаніе отходить, какъ люди, уже давно ожидавшіе

Этого приказанія, бросились вонъ изъ редута, тѣсняясь и толкаясь въ узкихъ ходахъ сообщенія. Произошло нѣкоторое смятеніе обычное при всѣхъ отступленіяхъ, впрочемъ, скоро прекращенное энергичнымъ воздѣйствіемъ поручика Лаздовскаго. Оставаясь на редутѣ до тѣхъ поръ, пока на немъ не было уже ни одного человека, доблестный офицеръ распорядился выноской всѣхъ раненныхъ и нѣкоторыхъ убитыхъ, забралъ всѣ оставшіеся патроны, уничтожилъ двухдневный запасъ мясныхъ консервовъ, брошенныхъ 11 ротой. Уходя послѣднимъ изъ редута, Лаздовскій поджегъ погребъ, гдѣ хранились ручныя гранаты и часть снарядовъ и съ помощью безотлучно находившагося при немъ посыльного унтеръ-офицера Хомы поджегъ и самые блиндажи на редутѣ, разливъ на деревянные части находившіеся здѣсь керосинъ.

Было уже довольно свѣтло, когда окончивъ задачу свою на редутѣ, Лаздовскій отходилъ къ резерву, выславъ впередъ людей и самъ оставаясь позади съ двумя нижними чинами.

Потери въ ротѣ за этотъ день слѣдующія: вторично контуженъ Лаздовскій осколками снаряда въ голову и руку; убиты: заурядъ-прапорщикъ Иванъ Флитъ; рядовые: Сидоръ Потайчукъ, Акимъ Борисовъ, Павелъ Снигуръ, Андрей Фарфусъ, Онуфрій Кимакъ, Константинъ Мацевичъ, Константинъ Быковъ, Аптонъ Топичукъ, Алексѣй Кузнецовъ, Викель и жандармы: Сергѣй Дмитріевъ и Федоръ Семеновъ, всего 13 человекъ.

Подполковникъ Бутусовъ также вскорѣ погибъ геройской смертью при защитѣ такъ называемой „высокой горы“. Да, пограничники умѣли доказать свою преданность Царю. Нѣтъ сомнѣнія: они всегда такими останутся.
